

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

---

К. Н. ВЕНЦЕЛЬ.

# ЭТИКА И ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Томъ II.

ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

**Цѣна 1 руб. 50 коп.**



Книгоиздательство К. И. Тихомирова.  
МОСКВА, Кузнецкій Мостъ.  
1912.

К. Н. ВЕНЦЕЛЬ.

# ЭТИКА И ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

(Проблемы нравственности и воспитания въ свѣтѣ теоріи  
свободного гармонического развитія жизни и сознанія).

Томъ II.

## ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Содержание: — Основные задачи нравственного воспитания. — Нужно ли обучать детей нравственности? — Среда, какъ факторъ нравственного воспитания. — Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи. — Нравственное воспитаніе и свобода. — Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи. — Въ чёмъ основа воспитанія и образованія (по поводу статьи Л. Н. Толстого „О воспитаніи“). — Этика, педагогика и политика.

**Цѣна 1 руб. 50 коп.**



— МОСКВА. —

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.  
Телефонъ 18-35.

# Основные задачи нравственного воспитания<sup>1)</sup>.

(Посвящается светлой памяти дорогого друга—Н. Я. Вентцель).

Faisant tomber enfin cet obstacle éternel,  
Le moi, — réfléchissons en nous toute  
lumière  
Qui monte de la terre ou qui descend  
du ciel:  
Soyons l'oeil transparent de la nature  
entière<sup>2)</sup>.

Guya u. Vers d'un philosophe.

## I.

Краткое определение понятия нравственности. Вытекающая изъ этого определения общая задача нравственного воспитания.

Воспитать въ человѣкѣ нравственные стремленія, сдѣлать его неутомимымъ борцомъ за нравственный идеалъ, такъ чтобы вся жизнь его служила живымъ воплощеніемъ этого идеала—самое трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, самое важное дѣло въ области воспитанія. Воспитаніе физическое и умственное играютъ по отношенію къ нравственному, можно сказать, только чисто служебную роль. И между тѣмъ, нигдѣ не сдѣлано такъ мало и въ смыслѣ теоретического изученія, и въ смыслѣ практическаго примѣненія, какъ въ области нравственного воспитанія. Это и понятно,—задачи нравствен-

1) Статья эта была напечатана въ № 2 „Вѣстника Воспитанія“ за 1896 годъ; здѣсь она печатается въ дополненномъ видѣ.

2) „Преодолѣвъ, наконецъ, это вѣчное препятствіе, наше „я“, отразимъ въ самихъ себѣ весь свѣтъ, исходящій отъ земли или нисходящій съ неба: станемъ ясновидящимъ окомъ всей природы!“

наго воспитанія, захватывая всю жизнь человѣка, съ его какъ животными физіологическими потребностями, такъ и высшими духовными интересами, несравненно обширнѣе и сложнѣе тѣхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ главное содержаніе трактатовъ о физическомъ или умственномъ воспитаніи. Но эта обширность и сложность тѣмъ болѣе должны бы были побуждать сосредоточить на нихъ какъ можно больше силъ, чтобы такимъ путемъ скорѣе притти къ практическому разрѣшенію этихъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Настоящая статья имѣеть своею цѣлью уяснить хотя бы въ слабой степени существенныя задачи нравственного воспитанія или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намѣтить ихъ.

Но, прежде чѣмъ говорить о задачахъ нравственного воспитанія, слѣдуетъ выяснить, что именно надо понимать подъ нравственностью. Это тѣмъ болѣе необходимо, что самое слово допускаетъ разностороннее толкованіе. Читатель можетъ согласиться съ нашимъ опредѣленіемъ нравственности или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ, онъ будетъ знать, о чѣмъ именно идетъ дѣло, когда мы говоримъ ему о нравственномъ развитіи. Этимъ путемъ будутъ избѣгнуты всякия неясности и недоразумѣнія. Но, такъ какъ цѣль настоящей статьи не теоретическое выясненіе принциповъ нравственности, а практическое разрѣшеніе вопроса о нравственномъ воспитаніи, то мы должны при опредѣленіи понятія нравственности ограничиться только существенно необходимымъ. Намъ придется лишь сжато и кратко формулировать свой взглядъ на нравственность, не пытаясь его обосновывать болѣе подробно, иначе это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашей непосредственной задачи <sup>1)</sup>.

Итакъ, что же такое есть нравственность? Самый естественный отвѣтъ, представляющійся при этомъ, былъ бы, по видимому, таковъ: нравственность есть стремленіе къ осуществленію того, что является для человѣка самымъ высокимъ, самымъ святымъ, самымъ лучшимъ, какими бы именами онъ не называлъ это высокое, святое и лѣчшее,—правдой, долгомъ,

---

1) Подробное обоснованіе нашего взгляда на нравственность дано нами въ предыдущихъ статьяхъ.

благомъ или еще какъ-нибудь иначе. Но, что такое правда, долгъ, благо? Имѣютъ ли всѣ эти вещи какое-либо значеніе и цѣну сами по себѣ? Не представляютъ ли они только того или другого нашего отношенія къ жизни? Не существуетъ ли какой-либо высшій критерій, съ которымъ должны сообразоваться и отъ которого получаютъ свое значеніе всѣ эти великия слова? Да, этотъ критерій существуетъ и этимъ критеріемъ является „жизнь“. Самое высшее, самое драгоценное благо и сокровище для человѣка составляетъ „жизнь“, какъ та жизнь, носителемъ которой онъ самъ является, такъ и та, которая широкимъ потокомъ разлита кругомъ него въ природѣ и человѣчествѣ. Внѣ „жизни“, понимаемой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, нѣть ничего ни святого, ни благородного, ничего такого, что стоило бы желать— отъ нея одной все получаетъ и смыслъ, и разумность, и оправданіе своего существованія. Только то мы называемъ хорошимъ, святымъ, нравственнымъ, разумнымъ, справедливымъ, что ведетъ къ сохраненію этого блага или къ накопленію его какъ въ нась, такъ и кругомъ нась. И, наоборотъ, все то, что мѣшаетъ прогрессивному развитію и росту жизни,—все это мы награждаемъ противоположными эпитетами.

Нравственность поэтому есть не что иное, какъ сознательное стремленіе и дѣятельность, направленные на увеличеніе общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ. И такъ какъ человѣкъ, въ предѣлахъ нашего опыта, является выраженіемъ наибольшей концентраціи жизни въ мірѣ, то отсюда становится понятнымъ, почему нравственное поведеніе имѣть своимъ главнымъ предметомъ человѣческія существа. Но человѣкъ можетъ развить наибольшую сумму жизни какъ въ себѣ, такъ и кругомъ себя только въ общежитіи, т.-е., соединяясь съ своими собратьями-людьми въ одно цѣлое, называемое обществомъ. Общественные отношенія, какъ мы находимъ ихъ въ настоящее время, построены въ значительной мѣрѣ на началахъ антагонизма и борьбы и потому только въ слабой степени даютъ возможность для каждой отдельной личности достигнуть полной и широкой жизни. Только гармоническое общество, построенное на началахъ любви и солидарности, можетъ создать условія для этой полной иши-

рокой жизни, можетъ дать каждой индивидуальности возможность развернуть всѣ свои силы и способности и достигнуть того наиболѣе высокаго и могучаго „чувства жизни“, которое только въ состояніи дать наиболѣе развитая форма общественныхъ отношеній. Вотъ почему достиженіе такой гармонической общественной жизни является конечною цѣлью нравственной дѣятельности какъ отдѣльной индивидуальной личности, такъ и большей или меньшей совокупности такихъ личностей, — такъ какъ наибольшая гармонія, достигнутая людьми въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, равнозначительна съ наибольшою суммою наиболѣе интенсивной жизни.

Взглянемъ теперь на дѣло нравственного развитія съ нѣсколькою иной стороны, имѣющей особенно важное значеніе для всего послѣдующаго нашего изложенія. Жизнь каждой отдѣльной личности, насколько она является предметомъ ея сознательныхъ стремленій, можетъ быть сведена къ совокупности тѣхъ или иныхъ цѣлей. Чѣмъ въ болѣшой мѣрѣ тѣ частныя цѣли, которыхъ достигаетъ въ теченіе своего существованія отдѣльная личность, ведутъ къ увеличенію общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ, составляющему высшую задачу нравственности, тѣмъ въ болѣшой мѣрѣ жизнь этой личности пріобрѣтаетъ нравственный характеръ. Эта высшая цѣль служить какъ бы для объединенія всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ цѣлей, которая личность, сознательно или безсознательно, преисполнена въ теченіе своего существованія. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ высшая нравственная цѣль, съ которой мы должны сообразовать всѣ свои частныя цѣли, какія бы намъ не приходилось преисполневать, то, какъ прямой выводъ изъ этого, необходимо вытекаетъ, что, чѣмъ болѣе согласованы различныя частныя цѣли нашей жизни между собою, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ и наша жизнь. Нравственность немыслима безъ установленія гармоніи между многоразличными цѣлями человѣческой жизни. Такъ какъ всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ крупныя категоріи,—на цѣли индивидуального характера, предметомъ которыхъ является само лицо, ставящее цѣль, и на цѣли соціального характера, предметомъ которыхъ служить совокупность индивидуумовъ, внѣ насть находящих-

ся,— то можно сказать, что установление гармонии между этими двумя категориями целей или объединение себя съ остальнымъ человѣчествомъ въ одно цѣлое составляетъ высшую задачу нравственности. Итакъ, выраженный въ другой формѣ, идеалъ нравственности сводится къ установлению гармонии между всѣми цѣлями человѣческой жизни. Къ этому надо только прибавить, что самая система человѣческихъ цѣлей не остается неизмѣнной, но постоянно видоизмѣняется и расширяется по мѣрѣ развитія отдѣльной личности и всего человѣчества. На этой формулѣ мы и остановимся, такъ какъ она особенно для насъ важна въ практическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, вопросъ о нравственномъ воспитаніи сводится къ выясненію того, что именно нужно дѣлать, чтобы воспитать въ ребенкѣ стремленіе къ установлению гармонии везде и всюду, гдѣ только представится къ этому случай,—стремленіе, которое, начавшись со стремленія къ установлению гармонии между двумя какими-нибудь мыслями или даже съ еще болѣе элементарныхъ формъ, получило бы свое конечное завершеніе въ стремленіи установить гармонию между собою и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ и міромъ, при чемъ міръ и человѣчество берутся въ такой широтѣ, въ какой только возможно. Создать такое стремленіе къ гармонии вообще, стремленіе, которое искало бы все болѣе и болѣе широкаго поля для своего приложенія,—значитъ подготовить почву для нравственного поведенія человѣка и сдѣлать его наиболѣе пригоднымъ для осуществленія нравственныхъ задачъ и цѣлей. Если вы хотите воспитать въ ребенкѣ нравственные стремленія и выработать въ немъ нравственный характеръ, то, не толкуя ему много обѣ отвлеченныхъ принципахъ нравственности, старайтесь только воспитать въ немъ стремленіе отдавать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя онъ себѣ ставить, и на ряду съ этимъ никогда не ослабѣвающую потребность внести гармонию въ этотъ міръ цѣлей,—и вы этимъ сдѣлаете въ тысячу разъ больше для выработки изъ него нравственного человѣка, чѣмъ, внѣдряя въ него какой-нибудь кодексъ моральныхъ предписаній, имѣющій будто бы таинственное, сверхъестественнное происхожденіе. Расширять количество ставимыхъ

себѣ цѣлей, такъ чтобы эти цѣли, имѣя въ виду первоначально почти исключительно только нашу особу, распространялись бы и охватили постепенно возможно большее количество людей, и въ то же время постоянно прилагать всѣ усилия къ тому, чтобы между всѣми нашими цѣлями была наибольшая возможная гармонія, чтобы всѣ онѣ составляли одну стройную систему цѣлей, исключающую всякия противорѣчія между отдельными цѣлями, входящими въ нее въ качествѣ составныхъ элементовъ,—таковъ, какъ упоминалось, высшій нравственный идеалъ человѣка. Выраженный въ другихъ словахъ, онъ сводится къ тому требованію, чтобы человѣческая жизнь, жизнь отдельной личности, была бы наиболѣе плодотворна по количеству и разнообразію полученныхъ въ результатѣ отъ нея послѣствій для всего человѣчества, считая однимъ изъ составныхъ элементовъ этого человѣчества и самого нравственного дѣятеля. А каждая жизнь и каждая дѣятельность тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ болѣе достигается при посредствѣ нихъ цѣлей и чѣмъ менѣе эти цѣли взаимно исключаютъ другъ друга,—потому что стремиться къ двумъ противорѣчивымъ цѣлямъ значитъ одною рукою уничтожать то, что было сдѣлано другой, значитъ напрасно растрачивать свою жизненную энергию. Вотъ почему только итогъ жизненной дѣятельности такой личности, которой въ наибольшей степени удавалось устанавливать гармонію между цѣлями, преслѣдовавшимися ею въ теченіе своей жизни, можетъ быть наиболѣе великъ по своимъ размѣрамъ.

## II.

### Развитіе творческой воли въ ребенкѣ.

Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ, понимая въ подобномъ смыслѣ нравственность, могутъ и должны быть воспитываемы въ ребенкѣ нравственныея стремленія.

Развитіе нравственныхъ стремленій связано съ развитиемъ воли, и потому прежде всего слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, какъ должна быть развиваема въ ребенкѣ воля.

Воля въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляемъ это слово, есть такая способность дѣйствовать, при которой рядъ совершаемыхъ человѣкомъ дѣйствій, прежде его реальнаго осуществленія въ дѣйствительности, имѣетъ идеальное существованіе внутри его сознанія въ формѣ представлениія себѣ всѣхъ этихъ дѣйствій въ той послѣдовательности, въ какой онъ затѣмъ осуществляетъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Изъ этого опредѣленія, собственно говоря, уже становится яснымъ, что именно нужно дѣлать для развитія воли. Воля, какъ и всякая дѣятельность, развивается тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ больше бываетъ поводовъ для ея обнаруженія, чѣмъ больше случаетъ, въ которыхъ она можетъ упражняться. Вотъ почему, чтобы развить въ ребенка волю, надо пользоваться всякою возможностью, чтобы заставить его дѣйствовать согласно поставленной имъ самимъ себѣ цѣли и, пользуясь для этого выбранными имъ самимъ средствами. Чѣмъ болѣе будетъ случаетъ для подобнаго рода дѣятельности, тѣмъ большее развитіе получитъ и воля. Надо только при этомъ не упускать изъ виду слѣдующее практическое соображеніе. Цѣль, которую себѣ ставить ребенокъ, всегда должна быть практически для него достижима. Достигнутая цѣль порождаетъ пріятное чувство удовольствія, сводящееся отчасти къ чувству побѣды и торжества надъ препятствіями. Это удовольствіе побуждаетъ насъ и въ слѣдующій разъ прибѣгать къ подобному же способу сознательной волевой дѣятельности и отдавать ему предпочтеніе передъ всякими другими формами дѣятельности, напр., передъ дѣятельностью импульсивной, или въ силу привычки, инстинкта и т. д. Если же постоянно случается такъ, что цѣль практически недостижима, то послѣдствіемъ волевой дѣятельности будетъ не-пріятное чувство пораженія, которое, повторяясь слишкомъ часто, можетъ лишить ребенка всякой охоты затрачивать свои усилия (такъ какъ волевая дѣятельность требуетъ усилий), никогда ничѣмъ не вознаграждающіяся, и у него не будетъ тогда никакого стимула, который побуждалъ бы его отдавать предпочтеніе этому способу дѣятельности передъ всѣми другими.

Развитіе воли, въ смыслѣ дѣятельности согласно умственно представляемымъ себѣ цѣлямъ, находится въ тѣсной зависи-

мости отъ нашей способности представлениі, и потому всякий шагъ въ развитіи послѣдней даетъ возможность сдѣлать лишній шагъ впередъ и въ направленіи развитія воли. Чѣмъ шире способность представлениія, тѣмъ шире можетъ быть и воля, такъ какъ тѣмъ шире разрастается и объемъ тѣхъ цѣлей, которыя мы можемъ ставить себѣ одновременно, и тѣмъ болѣе отдаленными становятся эти цѣли въ порядкѣ своего достижениія. Если первоначально, при слабо развитой способности представлениія, могутъ ставиться лишь тѣ цѣли, которыя непосредственно сейчасъ же и достигаются, то съ ростомъ способности представлениія становятся возможными цѣли, которыя достигаются только на слѣдующій день, слѣдующій мѣсяцъ, слѣдующій годъ или даже черезъ нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, съ развитиемъ способности представлениія дѣлаются возможными цѣли все болѣе далекія и доѣстиженіе которыхъ требуетъ все больше и больше времени.

Но развитіе способности представлениія обусловливаетъ также и то, что цѣли, которыя мы себѣ ставимъ, становятся все болѣе и болѣе сложными, до такой степени сложными, что каждая такая цѣль не можетъ быть осуществлена нами сразу, но по частямъ. И чѣмъ сложнѣе становится цѣль, тѣмъ на большее число составныхъ частей она принуждена бывать дробиться, при чемъ каждая часть принимаетъ отчасти характеръ какъ бы отдельной, самостоятельной цѣли. Цѣли болѣе сложныя представляютъ, очевидно, также и цѣли болѣе высокаго порядка. Установленіе гармоніи между своею жизнью и жизнью остального человѣчества, — цѣль, составляющая высшую задачу нравственности, есть также и цѣль самая сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль самого высокаго порядка, на достижениѣ которой нравственный человѣкъ посвящаетъ всю свою жизнь. Всѣ частныя цѣли, которыя онъ ставить въ своей жизни, являются для него, какъ составные элементы этой широкой и всеохватывающей цѣли.

Изъ всего предыдущаго становится яснымъ, что для того, чтобы развить въ ребенка волю и способствовать ея подъему на все болѣе и болѣе высокія ступени развитія, необходимо параллельно съ этимъ заботиться и о развитіи въ немъ способности представлениія. Необходимость культивиро-

ванія способности представлениі становится еще болѣе осязательной, если имѣть въ виду не только развитіе воли вообще, но и развитіе нравственной воли въ частности, т.-е. воли, ставящей своей задачей—установленіе все болѣе расширяющейся гармоніи между цѣлями. Безъ богатаго запаса систематизированныхъ представлений и безъ развитой способности связывать синтетически эти представлениія между собою — немыслимо установленіе гармоніи между цѣлями нашей жизни, такъ какъ каждая цѣль сводится къ совокупности тѣхъ или другихъ представлений. Надо располагать обильнымъ умственнымъ материаломъ, который до ставляетъ человѣку научный и жизненный опытъ и наблюденіе, надо также располагать высоко развитою способностью тѣлоанализу и критикѣ, въ особенности къ синтетической, построительной, творческой дѣятельности мышленія, чтобы быть въ состояніи въ самой широкой возможной степени установить гармонію цѣлей. Забота объ интеллектуальномъ развитіи, о культурѣ ума и притомъ всесторонней, а не односторонне направленной, является существенно важной и необходимой не только въ интересахъ самого этого развитія, но и еще болѣе въ интересахъ развитія въ насъ воли и нравственныхъ стремленій. Жизнь отдельной личности, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ тѣмъ болѣе воплощать въ себѣ все возрастающую по своимъ размѣрамъ гармонію и тѣмъ болѣе будетъ плодотворна для человѣчества, чѣмъ выше интеллектуальное развитіе этой личности. Правильная гармоническая культура ума не только не ведеть къ умаленію въ насъ нравственныхъ задатковъ, но, напротивъ того, составляетъ необходимое предварительное условіе для того, чтобы эти задатки развернулись въ насъ пышнымъ цвѣтомъ и дали все, что они только могутъ дать.

Но, чтобы вести къ этой цѣли, интеллектуальное воспитаніе должно быть именно гармоническимъ. Всѣ процессы интеллектуального развитія могутъ быть разбиты нами на слѣдующія группы: на процессы воспріятія, памяти и творчества. И здѣсь слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы каждый изъ отмѣченныхъ процессовъ былъ развиваемъ въ надлежащей степени и наибольшей гармоніи со всѣми остальными.

Воспитаніе должно поставить себѣ цѣлью — выработку человѣка, который обладалъ бы способностью съ наибольшою полнотою, точностью и ясностью воспринимать явленія окружающей его жизни, который могъ бы наиболѣе легко, свободно и на продолжительное время удерживать въ своей памяти все то, что ему приходится переживать и воспринимать, и который, наконецъ, въ наивысшей степени располагалъ бы даромъ творчески перерабатывать имѣющійся въ его распоряженіи психической матеріалъ, чтобы создавать изъ него болѣе совершенныя возможныя комбинаціи дѣйствительной жизни. Творчество есть высшая духовная способность, для которой память и воспріятіе доставляютъ только матеріалы, но было бы большой ошибкой культивировать ее чрезмѣрно въ ущербъ этимъ послѣднимъ. Если способность воспріятія и память будуть слабо развиты, то психическое творчество найдетъ себѣ исходъ въ построеніи вымысловъ, лишенныхъ всякаго реальнаго значенія и не могущихъ играть въ жизни никакой дѣятельной роли. Только тогда творчество можетъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе, когда оно связано съ нормально развитою способностью воспріятія и съ наиболѣе богатою памятью. Такой человѣкъ только дастъ обществу живыя идеалы, которые являются образцами для дѣятельности другимъ людямъ.

Чтобы развить въ ребенка способность къ правильному восприниманію окружающихъ его явленій, къ точному наблюденію ихъ, воспитать въ немъ умѣніе разумно пользоваться своимъ жизненнымъ опытомъ и развить привычку критического отношенія къ своей прошлой жизни и сознательного руководительства своею будущею жизнью, намъ кажется, было бы полезно добиваться того, чтобы онъ, сначала при содѣйствіи взрослого, а потомъ, когда научится свободно и легко писать и формулировать свои мысли, то и самъ, записывалъ бы свои жизненные наблюденія, въ особенности, если они принадлежать къ числу выходящихъ изъ ряда vonъ, и отдавалъ себѣ отчетъ о томъ, что было сдѣлано въ теченіе дня. Каждодневное записываніе взрослымъ подъ диктовку ребенка всего, такъ или иначе оставившаго слѣдъ въ его сознаніи, пріучаетъ ребенка къ точному наблюденію и къ

ясному формулированію наиболѣе характерныхъ черть наблюдавшихъ имъ жизненныхъ явлений. Конечно, взросому придется отчасти наталкивать его, чтобы онъ обратилъ внимание на тѣ именно черты, которыя дѣйствительно являются характерными. Жизненный фактъ, въ которомъ ребенокъ отдалъ себѣ, такимъ образомъ, вполнѣ ясный отчетъ, дѣйствительно станетъ его прочнымъ духовнымъ достояніемъ и навсегда запечатлѣется въ его памяти. Подобныя записи можно будетъ отъ времени до времени перечитывать и онѣ облегчатъ ребенку воспоминаніе о томъ, что съ нимъ прежде было. Это перечитываніе будетъ служить для него даже величайшимъ источникомъ наслажденія. Если же при этомъ позаботиться о томъ, чтобы жизнь ребенка была содержательна, чтобы ему дѣйствительно представлялась возможность дѣлать разностороннія наблюденія, то результатъ отъ подобной системы можетъ получиться только наилучшій.

Скажутъ, пожалуй,—такимъ путемъ вы разовьете изъ ребенка резонёра и вообще какое-то разсудочное существо. Однако, ничего подобного здѣсь не можетъ имѣть мѣсто. Рѣчь вовсе не идетъ о томъ, чтобы ребенокъ пересталъ думать и поступать по-дѣтски, жить чисто дѣтскою жизнью, свойственною его возрасту, и напялилъ бы на себя шкуру взрослого. Нѣть, пускай ребенокъ живеть этою дѣтскою жизнью во всей ея полнотѣ, пусть дѣтскіе годы дадуть ему все, что они только могутъ дать свѣтлаго и хорошаго. Прочь резонёрство и узкая разсудочность—они противны бываютъ даже и во взрослыхъ... Но записываніе своихъ наблюденій, правдивый отчетъ о фактахъ дѣйствительной жизни, о томъ, какъ проведенъ былъ день, что удалось въ теченіе дня сдѣлать, услышать или увидѣть,—рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ резонёрствомъ. Здѣсь не нужно никакихъ разсужденій и разглагольствованій, здѣсь требуется только сжатое, краткое и ясное изложеніе фактовъ, изъ котораго исключено все лишнее и несущественное. Я пойду даже дальше и скажу, что подобное записываніе наблюденій гораздо скорѣе можетъ отучить человѣка отъ резонерства и разглагольствованій, пріучить его къ точному наблюденію и дасть ему возможность впослѣдствіи всегда легко и свободно ориенти-

роваться въ своей жизни и потому быть во всякую данную минуту способнымъ разумно и сознательно вмѣшаться въ жизнь и стать однимъ изъ дѣятельныхъ элементовъ ея преобразованія къ лучшему.—Затѣмъ, если вы, записывая проведенный ребенкомъ день, обращаете его вниманіе на то, какъ мало было сдѣлано въ теченіе дня, какъ онъ пустъ по своему содержанію по сравненію съ такими-то прошедшими днями, запись о которыхъ у васъ сохранилась и о которыхъ вы ему напоминаете, то и въ этомъ нѣтъ ничего, что воспитывало бы стремленіе къ резонерству. Наоборотъ, это можетъ только вызвать въ ребенкѣ стремленіе, чтобы слѣдующіе дни были болѣе полны и содержательны такъ, чтобы ему не пришлось жалѣть о нихъ. Если бы вамъ удалось воспитать въ ребенкѣ привычку чувствовать страданіе при мысли о безплодно проведенномъ времени, то вы оказали бы этимъ ему огромную пользу, вы предотвратили бы его отъ безплодной и непроизводительной растраты времени, которая составляетъ громадное зло въ наши дни.

Но, отмѣчая содержательность или безсодержательность дня, проведенного ребенкомъ, надо осторегаться мѣрить эту содержательность на аршинъ взрослого и становиться на точку зрѣнія тѣхъ требованій, которыя взрослый можетъ ставить къ жизни и человѣку. Тотъ день, который съ точки зрѣнія взрослого можетъ являться пустымъ и безсодержательнымъ, для ребенка можетъ быть полонъ и богатъ, и ребенокъ въ этомъ отношеніи будетъ правъ. Тѣ стороны жизни, которыя имѣютъ для ребенка развивающее значеніе и влияютъ на развитіе его ума, чувства и воли, могутъ быть лишены для взрослого всякаго значенія. Вотъ почему, если вы при оцѣнкѣ проведенного дня упускаете изъ виду эту разницу точекъ зрѣнія и пытаетесь навязать ребенку вашу точку зрѣнія, до которой онъ еще не доросъ и на которую ему становится поэтому и не обязательно, то вы совершаете большую ошибку. Важно не то, чтобы ребенокъ научился стремиться къ болѣе содержательному дню съ вашей точки зрѣнія, но чтобы онъ стремился къ болѣе содержательному дню, какъ этотъ послѣдній представляется ему съ его точки зрѣнія. Когда онъ вырастетъ, то будетъ стремиться

сдѣлать день болѣе содержательнымъ, имѣя въ виду ваши требованія отъ жизни, а пока предоставьте ему судить о содержательности дня со своей чисто дѣтской точки зрењія, на которую каждому изъ насъ приходилось становиться въ свое время. Если вы будете поступать иначе, то рискуете добиться того, что ребенокъ перестанетъ и вовсе стремиться сдѣлать свой день содержательнымъ, съ какой бы точки зрењія эта содержательность не оцѣнивалась, или, если хотите, будетъ стремиться, но по принужденію, а не свободно. Всякій разъ поэтому, когда онъ почувствуетъ, что бдительность съ вашей стороны ослабѣла, когда ему тѣмъ или другимъ путемъ удастся освободиться отъ внѣшняго гнета, онъ будетъ стараться употребить свое время самыи безсодержательнымъ и непроизводительнымъ образомъ. Подобныя стремленія рождаются всегда, когда чья-либо рука навязываетъ намъ планъ жизни, который мы не понимаемъ и которому не сочувствуемъ. При продолжительномъ порабощеніи въ этомъ отношеніи, какъ реакція, явится стремленіе жить безъ всякаго плана.

Каждый изъ насъ можетъ констатировать, какое слабое руководящее значеніе планъ наиболѣе содержательной и разумной жизни имѣть въ нашемъ существованіи и какъ, собственно говоря, трудно направлять свою жизнь согласно известному плану. Мнѣ кажется, здѣсь могло бы быть очень полезно передъ началомъ дня намѣчать совмѣстно съ ребенкомъ предположительную программу этого дня, т.-е. что именно должно быть и можетъ быть въ теченіе его сдѣлано. Если намѣченная такимъ образомъ программа не задается невозможными цѣлями и получаетъ каждый разъ свое практическое осуществленіе, то ребенокъ пріучится располагать свой день сообразно известному плану и находить въ этомъ большое удовольствіе, такъ какъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ сознавать, что удалось выполнить ту задачу, которую самъ себѣ задалъ. Подобный планъ необходимо дѣлать вмѣстѣ съ ребенкомъ даже при каждой исполняемой имъ въ теченіе дня работѣ, такъ чтобы сама работа явилась, какъ заранѣе задуманное осуществленіе послѣдовательныхъ цѣлей, которыхъ послѣдовательность была предварительно имъ сознана.

Конечно, все здѣсь будетъ зависѣть отъ того, насколько широко развить кругозоръ ребенка. Будучи первоначально способенъ составить планъ только для времени, ограниченаго нѣсколькими минутами или часами, онъ понемногу сдѣлается способнымъ составить планъ для цѣлаго дня, недѣли, мѣсяца, года, пока, наконецъ, ставши взрослымъ человѣкомъ, съ установившимся міросозерцаніемъ и нравственнымъ характеромъ, онъ будетъ въ состояніи выработать себѣ планъ всей своей будущей жизни, сообразно съ которымъ онъ будетъ оцѣнивать и располагать отдѣльныя задачи, которыя онъ ставить себѣ каждый день.

Въ этомъ отношеніи надо съ малыхъ лѣтъ воспитывать въ человѣкѣ творческое отношеніе къ практической жизни, надо пріучить человѣка смотрѣть на каждый проведенный имъ день въ жизни, канувшій въ вѣчность, какъ на продуктъ его творчества, какъ на созданіе, выходящее изъ его рукъ или которое могло бы въ значительной степени выходить изъ его рукъ. Пусть человѣкъ на каждый день своей жизни смотрѣтъ, какъ на художественное произведеніе, и научится находить свое высшее удовольствіе въ томъ, чтобы эта творческая работа рукъ его воплощала въ себѣ истину и красоту и являлась бы высокимъ выраженіемъ нравственного идеала. Если не всякий бываетъ художникомъ въ области такъ называемаго искусства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, то всякий, наоборотъ, можетъ и долженъ быть художникомъ въ сферѣ практической жизни. Всякий является до известной степени творцомъ своей собственной жизни и надо заботиться о томъ, чтобы произведеніе этого высшаго изъ всѣхъ искусствъ, искусства сознательной и разумной жизни, дѣйствительно было таково, чтобы имъ можно было гордиться. Каждый день нашей жизни есть только часть того громаднаго художественнаго созданія, которое мы творимъ день за днемъ въ теченіе всей своей жизни, и которое во всей полнотѣ открывается намъ только въ моментъ разставанія съ земнымъ существованіемъ.

Нѣть ничего выше идеи человѣка, ставшаго творцомъ своей собственной жизни, но кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ былъ истиннымъ художникомъ въ этой области и

употребилъ во благо заложенные въ немъ творческія способности! Легче, тысячу разъ легче написать умную книгу, сочинить великолѣпную симфонію, нарисовать превосходную картину, чѣмъ оставить людямъ образецъ жизни, служащей воплощенiemъ идеальной красоты и нравственного совершенства. И вотъ тѣ творческія способности, которыя надо культивировать въ людяхъ! Нужны прежде всего не столько хорошиe музыканты, не столько хорошиe ученые, сколько хорошиe люди. Нужна прежде всего не столько способность сочинять книги или оперы, сколько способность творить и создавать новыя теченія жизни. Если бы эта способность развивалась въ нась съ малыхъ лѣтъ, то мы давно бы уже имѣли въ этой области много художественныхъ созданій, которыя могли бы вызывать нашъ неподдѣльный восторгъ и передъ которыми всѣ произведенія такъ называемаго искусства явились бы пустою и ничтожною забавой. Научимся же смотрѣть на себя и на нашу жизнь съ этой точки зрѣнія и тогда, право, она приобрѣтетъ для нась больше смысла, разумности и значенія!.. Если человѣку дѣйствительно удастся стать творцомъ своего собственного существованія, то это будетъ имѣть своимъ послѣдствиемъ только увеличеніе интереса къ самой жизни. У человѣка больше будетъ охоты жить на бѣломъ свѣтѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность сознательно направлять жизненный процессъ и регулировать его, а не плыть противъ воли, повинуясь непроизвольному теченію жизни, въ сторону, противоположную своимъ завѣтнымъ стремленіямъ и надеждамъ.

Все это и объясняетъ, почему съ самыхъ малыхъ лѣтъ, какъ только представится къ этому возможность, надо заботиться о доставленіи дѣтямъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ практики сознательного вмѣшательства въ жизненные события и о воспитаніи въ нихъ привычки къ направленію своей жизни сообразно съ извѣстнымъ планомъ. Только надо при этомъ заботиться также и о томъ, чтобы человѣкъ не пріучался рассматривать планъ, какъ неизмѣнное и разъ навсегда данное, не допускающее никакихъ поправокъ и измѣненій. Напротивъ, онъ долженъ воспитать въ себѣ привычку отъ времени до времени крити-

чески провѣрять цѣлесообразность своего плана жизни и вносить въ него необходимыя поправки и дополненія, соотвѣтственно съ расширившимся пониманіемъ жизни; и даже болѣе того, готовность отказаться отъ своего плана, если бы послѣ критической провѣрки онъ оказался никуда негоднымъ. Однимъ словомъ, планъ жизни не долженъ быть воздвигаемъ въ непреложный догматъ, но долженъ подлежать прогрессу соотвѣтственно съ развитіемъ нашего ума и обогащеніемъ нашего житейскаго опыта. „Человѣкъ съ планомъ“, надъ созданіемъ котораго работаетъ воспитаніе, отнюдь не долженъ быть доктринеромъ и догматикомъ. Планъ жизни только тогда и можетъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе, когда подвергается постояннымъ исправленіямъ, иначе же онъ станетъ для дѣйствительной жизни Прокрустовымъ ложемъ и поведеть къ уродованію и искашенію этой жизни. Такая способность критического отношенія и готовность къ видоизмѣненію принятыхъ нѣкогда способовъ и приемовъ жизни и дѣятельности и обычнаго порядка въ ежедневномъ теченіи дня тоже должна быть развиваема въ ребенка, какъ только къ этому явится возможность.

Относительно плана жизни слѣдуетъ отмѣтить, что чѣмъ болѣе широкій періодъ времени онъ охватываетъ, тѣмъ болѣе становится неопределѣннымъ. Планъ всей послѣдующей жизни не можетъ носить такого опредѣленнаго характера, какъ планъ завтрашняго дня моей жизни. Но этотъ болѣе опредѣленный планъ завтрашняго дня всегда долженъ быть вырабатываемъ сообразно съ неопределѣннымъ планомъ всей жизни. Цѣли, которыя мнѣ хотѣлось бы осуществить въ теченіе всего своего земного существованія, должны служить руководящимъ началомъ въ выборѣ тѣхъ частныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ я себѣ намѣчаю въ предѣлахъ одного дня своей жизни. Такимъ образомъ, на ряду съ общимъ планомъ жизни человѣкъ долженъ создавать себѣ также и рядъ плановъ, охватывающихъ его жизнь въ предѣлахъ послѣдовательно все болѣе и болѣе суживающагося промежутка времени и которые становятся тѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе, чѣмъ на менѣшій промежутокъ времени они простираются, пока такимъ образомъ онъ не дойдетъ до плана, охватывающаго

только одинъ день его существованія и допускающаго поэтому наибольшую ясность и опредѣленность.

Изъ высказанныхъ ранѣе соображеній о развитіи воли вообще и нравственной воли въ частности, мнѣ кажется, можно вывести слѣдующія практическія правила.

1. Полезно упражнять ребенка въ отысканіи связи между различными цѣлями, которыя ему приходится себѣ ставить, такъ чтобы онъ пріучился смотрѣть на каждую цѣль, какъ на одинъ изъ составныхъ элементовъ одной системы цѣлей; пріучился бы спрашивать себя, находится ли эта цѣль въ гармоніи со всѣми остальными его цѣлями или противорѣчить имъ, и если противорѣчить, то въ чёмъ именно. Однимъ словомъ, надо пріучить его разматривать каждую цѣль не отдельно и изолированно, а въ связи со всею совокупностью цѣлей. Само собой понятно, что это можетъ быть дѣлаемо только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ самыя цѣли могутъ быть охвачены ребенкомъ въ одной системѣ, и кромѣ того надо, чтобы ребенокъ сравнивалъ между собою тѣ именно цѣли, которыя онъ самъ ставить, а не тѣ, которыхъ взрослый хотѣлъ бы навязать ему.

2. Отысканіе связи между цѣлями и сравненіе цѣлей между собою должны производиться самимъ ребенкомъ, а не взрослымъ за него. Взрослый долженъ только помогать ему, т.-е., только наталкивать и наводить его, а онъ долженъ самъ находить тѣ черты согласія или противорѣчія, которыя существуютъ между отдельными цѣлями. Если вы будете анализъ и сопоставленіе цѣлей производить за ребенка, то въ немъ не воспитается привычка къ подобному анализу и сопоставленію, привычка, составляющая необходимое основаніе въ развитіи нравственного характера.

3. Пріучайте также ребенка къ сравненію и сопоставленію между собою тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставить, и тѣхъ средствъ, которыя выбираетъ для ихъ достижения. Выбранныя средства могутъ быть рассматриваемы тоже какъ цѣли, но только какъ цѣли ближайшія, ведущія къ достижению цѣлей болѣе отдаленныхъ. Принципъ гармоніи цѣлей требуетъ поэтому, чтобы между средствомъ и цѣлью существовала наибольшая гармонія и чтобы они не находились

между собою въ антагонизмѣ. Если средства противорѣчать цѣли, то, съ нравственной точки зрењія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сказано, что „цѣль оправдываетъ средства“. Да, если хотите, можно, пожалуй, и допустить, что цѣль оправдываетъ средства, но только въ той мѣрѣ, въ какой эти средства не противорѣчать цѣли и не уничтожаютъ ее. Если же средства противорѣчать самой цѣли, то никакая цѣль не можетъ ихъ оправдать. Доведенный до крайности принципъ „цѣль оправдываетъ средства“ есть глубоко безнравственный принципъ, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ требованіемъ, которое нравственность ставить человѣку, а именно съ требованіемъ стремиться къ наибольшей гармоніи всѣхъ цѣлей между собой. Вотъ почему съ малыхъ лѣтъ надо поселять въ ребенка отвращеніе къ этому принципу, привычку не считать безразличнымъ характеръ тѣхъ средствъ, которыя выбираются для достиженія цѣли, но выбирать изъ всѣхъ средствъ именно тѣ, которыя въ наименьшей степени противорѣчать самой цѣли, если выборъ средствъ, вполнѣ гармонирующихъ съ цѣлью, почему-либо невозможенъ.

### III.

#### Классификація цѣлей человѣческой жизни.

Въ дѣлѣ нравственного воспитанія представляется весьма важнымъ вопросъ о классификаціи цѣлей, а также и вопросъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя система цѣлей претерпѣваетъ въ теченіе индивидуальной жизни, т.-е. какимъ образомъ эта система расширяется или суживается и гармонія цѣлей становится болѣе совершенной или менѣе совершенной. Въ этомъ отношеніи интересно было бы хотя приблизительно начертать такую систему цѣлей для различныхъ періодовъ жизни человѣка.

Всякая классификація предполагаетъ известный принципъ, положенный въ ея основу, принципъ, выражающій ту точку зрењія, съ которой данная классификація производится. Съ какой же точки зрењія слѣдуетъ производить классификацію цѣлей?

Цѣли можно классифицировать или по степени ихъ широты, т.-е. сообразно съ количествомъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при ихъ достижениі, или по степени ихъ отдаленности во времени, или по качественному ихъ характеру и т. д. Всѣхъ возможныхъ способовъ классификаціи мы не беремся исчерпать, такъ какъ точки зрѣнія, сообразно которымъ группируются цѣли, могутъ быть крайне разнообразны. Важно, конечно, выбрать классификацію наиболѣе естественную, т.-е. соответствующую дѣйствительному порядку развитія самихъ цѣлей. Что касается развитія цѣлей, то въ этомъ отношеніи можетъ быть отмѣченъ слѣдующій фактъ: чѣмъ болѣе развивается система цѣлей, тѣмъ болѣе цѣли становятся широкими по своимъ размѣрамъ, охватывая все большее и большее количество живыхъ существъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся все болѣе отдаленными въ порядкѣ ихъ достижениія и принимаютъ все болѣе отвлеченный и идеальный характеръ.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ замѣчаній попробуемъ намѣтить себѣ примѣрную классификацію всѣхъ цѣлей человѣческой жизни въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности и высоты. Намъ придется при этомъ перейти за предѣлы собственно такъ называемаго дѣтскаго возраста и мы можемъ считать себя въ правѣ сдѣлать это съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что нравственное воспитаніе не есть дѣло, ограничивающееся только этимъ возрастомъ, но есть и должно быть дѣломъ всей жизни человѣка. Не придавая нашей классификаціи окончательного значенія, мы думаемъ, что она можетъ тѣмъ не менѣе послужить прекрасной иллюстраціей для того принципа гармоніи цѣлей, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Это обстоятельство и побуждаетъ насть, несмотря на всѣ недостатки, сознаваемые нами, изложить ее передъ читателемъ.

По роду и количеству тѣхъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при достижениіи цѣлей, всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ большія группы: 1) на тѣ цѣли, въ которыхъ центромъ тяжести является наша собственная личность, и 2) на тѣ цѣли, центръ тяжести которыхъ лежитъ въ нашей личности, въ большей или меньшей сово-

купности находящихся въ нась живыхъ существъ. Что касается послѣднихъ, то широта ихъ будетъ, конечно, находиться въ зависимости отъ количества охватываемыхъ ими существъ. Онъ могутъ относиться или къ одному существу, или къ небольшой группѣ живыхъ существъ (напр., къ семье, къ кружку товарищей), или къ болѣе широкой группѣ, въ которую данная группа входитъ, какъ составная часть (напр., къ известному народу, къ которому принадлежитъ данная личность), или къ самой широкой группѣ высшихъ существъ, намъ подобныхъ, которую мы называемъ именемъ человѣчества, пока, въ конечномъ предѣлѣ, онъ не распространяется на совокупность всѣхъ живыхъ существъ, или на весь міръ. До какой степени широты можетъ достигнуть названная группа цѣлей, будетъ зависѣть отъ той степени развитія, которой достигли въ данную минуту человѣчество и отдѣльная личность.

Обратимся теперь къ болѣе подробному подраздѣленію каждой изъ названныхъ группъ.

Что касается тѣхъ цѣлей, въ которыхъ центромъ тяжести является само лицо, ставящее цѣль, то здѣсь прежде всего можно отмѣтить, въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности, слѣдующія три главныя подгруппы: 1) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду наше самосохраненіе, 2) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду доставленіе себѣ счастья, и 3) цѣли, предметомъ которыхъ является совершенствованіе или развитіе самого лица, ставящаго цѣль.

Чтобы имѣть возможность дѣлать что бы то ни было для себя ли или для другихъ, прежде всего необходимо существовать и быть въ состояніи оградить свое существованіе отъ всѣхъ враждебныхъ ему вліяній, отъ всего того, что имѣеть тенденцію прекратить нашу жизнь и наше существованіе. Въ этомъ смыслѣ забота о своемъ самосохраненіи составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ цѣлей нашей дѣятельности и эта цѣль не утрачиваетъ своего значенія никогда, какъ бы высоко ни поднялся человѣкъ по лѣстницѣ духовнаго и нравственнаго развитія. Разница только въ томъ, что существо низменное, знакомое только съ одно-

ми животными потребностями, заботится о сохранении своей жизни для того, чтобы иметь возможность удовлетворять свои животные побуждения, а существо высоко-развитое въ нравственномъ отношеніи заботится о сохраненіи своей жизни, чтобы сдѣлать ее орудіемъ достиженія нравственныхъ идеаловъ, чтобы сдѣлать ее источникомъ наибольшаго тепла и свѣта для окружающихъ людей. Но необходимость заботиться о своемъ самосохраненіи одинаково тяготѣеть какъ надъ нимъ, такъ и надъ самымъ ничтожнымъ микроскопическимъ существомъ, одареннымъ жизнью.

Чтобы существование было возможно, необходима наличность извѣстной совокупности жизненныхъ условій. Организмъ долженъ получать отъ времени до времени извѣстное количество опредѣленной пищи, долженъ иметь возможность сохранять на извѣстной степени свойственную ему животную теплоту, находиться въ средѣ, имѣющей извѣстную степень тепла, влажности и въ надлежащей степени освѣщенности. Опредѣленіе тѣхъ жизненныхъ условій, которые необходимы для сохраненія организма и для успешной борьбы его съ враждебными вліяніями, и вообще всего того, что требуется, чтобы сдѣлать организмъ наиболѣе стойкимъ въ этой борьбѣ, составляетъ главный предметъ гигіиены, которая на ряду съ общими отмѣчаетъ и тѣ особенные условія, которые необходимы для различныхъ возрастовъ жизни человѣка. Очевидно, напр., что гигіена перваго дѣтства не можетъ быть вполнѣ одинакова съ гигіеной зрѣлаго возраста.

Что касается ребенка, то въ первые годы его существования почти всѣ заботы о сохраненіи его жизни падаютъ на постороннихъ людей, т.-е. на мать, отца и т. д. и только по мѣрѣ того, какъ онъ становится старше, онъ начинаетъ мало-по-малу принимать все больше и больше участія въ заботахъ о самосохраненіи. И, конечно, взрослый, какъ только представится къ этому возможность, необходимо долженъ пріучать его къ подобнымъ заботамъ. Если ребенокъ научится въ достаточной степени самъ заботиться о себѣ, то вы гораздо легче убережете его отъ всего вреднаго, чѣмъ если вамъ придется постоянно за него

бодрствовать. Способность къ самосохраненію должна быть культивируема какъ можно раньше; и, какъ только представится къ этому возможность, надо стремиться къ тому, чтобы забота о самосохраненіи велась разумно и рационально. Въ этомъ отношеніи очень полезно сообщать ребенку въ популярной формѣ различныя свѣдѣнія изъ гигіиены, такъ чтобы каждая усвоенная имъ привычка въ видахъ самосохраненія получила для него разумный смыслъ и значеніе. Тогда, быть можетъ, намъ не пришлось бы встрѣчаться съ столь сильно распространеннымъ фактомъ неспособности даже взрослыхъ людей въ надлежащей степени заботиться о своемъ самосохраненіи.

Повторяю еще разъ, въ заботахъ о самосохраненіи рѣшиительно нѣтъ ничего предосудительного и отталкивающаго и онъ не имѣютъ ничего общаго съ эгоизмомъ. Дадите ли вы въ себѣ просторъ эгоистическимъ или альтруистическимъ чувствамъ, будете ли вы смотрѣть на себя, какъ на центръ вселенной, какъ на фокусъ, куда долженъ быть собранъ весь свѣтъ со всего міра, или же какъ на источникъ свѣта, который долженъ распространить свой свѣтъ во все стороны,—и въ томъ и другомъ случаѣ предъ вами встанетъ роковая необходимость существованія. Не бойтесь поэтому научить своихъ дѣтей въ достаточной мѣрѣ заботиться о своемъ существованіи. Въ особенности же, если вы при этомъ будите въ нихъ мысль о томъ высокомъ нравственномъ назначеніи, которое имѣеть человѣческая жизнь, то въ вашихъ стараніяхъ привить имъ въ надлежащей степени науку и искусство самосохраненія рѣшительно ничего не можетъ быть опаснаго.

Слѣдующая подгруппа рассматриваемыхъ нами цѣлей охватываетъ дѣли, въ которыхъ имѣется въ виду доставленіе человѣкомъ самому себѣ счастья. Сюда относится стремленіе ко всему тому, что намъ приносить удовольствіе или избавлять отъ страданія, стремленіе къ обладанію какимъ-либо предметомъ или къ совершенію какой-либо дѣятельности исключительно только во имя этого мотива. Этотъ мотивъ играетъ большую роль въ жизни ребенка и сохраняетъ свое значеніе и въ жизни взрослого. Самъ по себѣ, какъ безобидное стремленіе къ счастью, этотъ мотивъ не пред-

ставляетъ ничего преступнаго и опаснаго. Каждое существо имѣеть право на счастье и никакихъ нѣть оснований кому бы то ни было запрещать стремиться къ нему. Опаснымъ дѣлается этотъ мотивъ только тогда, когда онъ становится исключительнымъ, получаетъ господство надъ всѣми другими мотивами и вытѣсняетъ ихъ совершенно. Существенно важнымъ, поэтому, представляется обращать вниманіе ребенка даже съ малыхъ лѣтъ на тѣ ограниченія, которымъ должно подлежать стремленіе къ счастью для того, чтобы впослѣдствіи оно не переходило за предѣлы, за которыми оно начинаетъ становиться грубымъ ненавистнымъ эгоизмомъ.

И здѣсь надо стараться также о томъ, чтобы личное счастье служило для человѣка стимуломъ къ умноженію счастья среди другихъ людей, чтобы на счастье человѣкъ смотрѣлъ какъ на одно изъ средствъ наиболѣе успѣшной и плодотворной работы среди человѣчества и для человѣчества, какъ на одно изъ условій поднятія энергіи жизни и труда. Если надо существовать и жить и, слѣдовательно, заботиться о самосохраненіи для того, чтобы имѣть возможность работать для другихъ, то надо быть счастливымъ и, слѣдовательно, надо до нѣкоторой степени стремиться къ полученію удовольствій и избѣжанію страданій, чтобы имѣть возможность болѣе энергично, болѣе успѣшно и болѣе плодотворно работать для другихъ людей. Вотъ та точка зреінія, съ какой надо пріучить человѣка смотрѣть на стремленіе къ счастью. Становясь на эту точку зреінія, онъ всегда усмотритъ тотъ предѣлъ, за которымъ личное счастье становится недозволеннымъ, и никогда не допустить себя перешагнуть за этотъ предѣлъ. Зачѣмъ безъ нужды дѣлать жизнь свою мрачной и обращаться въ аскета. Аскетизмъ и мрачность вовсе не составляютъ лучшаго средства для поднятія энергіи труда. Человѣкъ, жизнь котораго свѣтла и полна радостей, лучше пойметъ значеніе счастья въ жизни другихъ людей и съ большей охотой будетъ работать, чтобы сдѣлать жизнь этихъ людей краше. Когда мы чрезмѣрно счастливы, какъ это бываетъ, напр., тогда, когда мы впервые познакомились съ сладкимъ чувствомъ взаимной любви, то намъ хочется осчастливить весь міръ, всѣ люди намъ кажутся братьями,

каждаго мы готовы прижать отъ избытка чувствъ къ своему сердцу и сдѣлать ему что-нибудь хорошее. Если только вы стараетесь развить въ ребенкѣ нравственныя стремленія, то, повѣрьте, что счастье, если даже оно будетъ составлять одну изъ цѣлей его дѣятельности, не можетъ оказать на него вреднаго вліянія, оно заставитъ его только любовиѣ смотрѣть на міръ и людей. Но, конечно, если вы на развитіе нравственныхъ стремленій не обращаете вниманія, если вы не стараетесь будить въ немъ постоянно ту мысль, что онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы составить съ человѣчествомъ и міромъ одно гармоническое цѣлое, чтобы его жизнь стала однимъ изъ условій развивающейся жизни человѣчества,—если вы, наоборотъ, укрѣпляете его въ томъ убѣжденіи, что его интересы противоположны интересамъ человѣчества и что гармоніи между тѣми и другими не можетъ быть по самому существу,—тогда, поддерживая въ немъ стремленіе къ счастью, вы рискуете воспитать изъ него узкаго и черстваго эгоиста.

Перейдемъ теперь къ третьей подгруппѣ разматриваемыхъ нами цѣлей, охватывающихъ стремленіе къ самосовершенствованію и саморазвитію. Это уже цѣли болѣе высокаго порядка, чѣмъ стремленіе къ счастью. Можно показать, впрочемъ, что стремленіе къ саморазвитію есть только одна изъ болѣе высокихъ формъ, которая принимаетъ стремленіе къ счастью. Человѣкъ получаетъ удовольствіе не только вслѣдствіе обладанія тѣми или другими предметами, но существеннымъ образомъ отъ тѣхъ или другихъ дѣятельностей, отъ работы тѣхъ или другихъ органовъ своего тѣла. Каждый органъ, если онъ долго находился въ покой, представляетъ какъ бы накопленную активность, которая требуетъ своего обнаруженія и обнаруженіе которой сопровождается высокимъ чувствомъ удовольствія. Но, дѣйствуя, органъ упражняется и становится вслѣдствіе этого болѣе совершеннымъ. Дѣятельность является однимъ изъ основныхъ источниковъ счастья человѣка. Первоначально на долю человѣка выпадаетъ это счастье только вслѣдствіе чисто случайного обнаруженія какой-либо дѣятельности, безъ всякой преднамѣренности съ его стороны, благодаря только тому давленію, ко-

торое оказываетъ на него накопленная активность въ той или другой части его организма. Но, когда человѣкъ начинаетъ подмѣтать получающійся въ силу такой дѣятельности результатъ, состоящій въ совершенствованіи тѣхъ или другихъ органовъ его организма и самаго организма, какъ цѣлаго, дѣятельность его изъ случайной становится все болѣе и болѣе систематической, и совершенствованіе организма, развитіе его выдвигается на передній планъ, какъ одна изъ цѣлей волевой дѣятельности человѣка. Не надо предполагать, что эта цѣль должна принять только характеръ физіологического совершенствованія организма, такъ какъ на ряду съ дѣятельностями чисто физіологического характера существуютъ также дѣятельности, которыя, не утрачивая своего физіологического характера, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и психическое значеніе. То, что съ физіологической точки зреянія представляетъ совершенствованіе мозгового аппарата, съ психической точки зреянія является, какъ развитіе сознанія.

Самосовершенствованіе и саморазвитіе представляютъ опять-таки одну изъ тѣхъ цѣлей, которыя сохраняютъ свое значеніе въ теченіе всей человѣческой жизни, но никогда, быть можетъ, они не получаютъ такого преобладанія, какъ въ юношескомъ возрастѣ. Требуя со стороны человѣка систематическихъ усилий, эти цѣли представляютъ прекрасную школу для развитія воли, для пріученія человѣка къ обдуманной плодотворной дѣятельности. Здѣсь человѣкъ научается быть творцомъ самого себя, лучшаго себя, чѣмъ онъ есть, для того, чтобы впослѣдствіи стать творцомъ новыхъ общественныхъ формъ и новаго человѣчества. Только научившись создавать новаго человѣка внутри себя, человѣкъ можетъ считать себя пригоднымъ для созданія новаго человѣчества и новаго общества; только научившись систематически работать надъ своимъ саморазвитіемъ, человѣкъ будетъ въ состояніи примѣнить свои усилия къ плодотворной, цѣлесообразной работѣ надъ развитіемъ соціальной и общечеловѣческой жизни. Саморазвитіе составляетъ необходимую подготовительную школу для широкой общественной дѣятельности. Прошедшій эту школу будетъ лучше и болѣе успешно работать, чѣмъ не прошедшій ея.

И здѣсь надо также обращать вниманіе на то, чтобы это стремленіе къ саморазвитію не приняло характера исключительной цѣли и не перешло за тѣ предѣлы, когда оно начинаетъ пріобрѣтать эгоистическій оттѣнокъ и вѣдетъ къ самолюбованію и къ самоуслажденію. Если жить и существовать надо для того, чтобы работать для другихъ, если счастливымъ надо быть для того, чтобы съ большей энергией работать для другихъ, то развитымъ и совершеннымъ надо быть для того, чтобы болѣе совершеннымъ образомъ, болѣе производительно работать для этихъ другихъ людей. Эту послѣднюю мысль надо постоянно будить въ человѣкѣ, заботящемся о своемъ саморазвитіи. Надо постоянно говорить ему: „Стремись быть болѣе совершеннымъ, развивай самого себя, но дѣлай это все не исключительно только ради самого себя, а для того, чтобы впослѣдствіи стать болѣе совершеннымъ и умѣлымъ служителемъ добра и правды на широкой нивѣ общечеловѣческой жизни. Совершенствуй себя и развивай свои силы, чтобы, достигнувъ высшей возможной степени совершенства и развитія, посвятить себя на великое дѣло установленія гармоніи среди человѣчества. Это дѣло требуетъ многихъ работниковъ и чѣмъ искуснѣе работникъ, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его работа въ этомъ отношеніи. Заботясь о своемъ саморазвитіи, всегда помни, что ты это дѣлаешь не для того, чтобы когда-нибудь впослѣдствіи поднять гордо голову и сказать окружающимъ тебя людямъ: глядите на меня, любуйтесь мною, поклоняйтесь мнѣ, посмотрите, какъ я поднялся высоко до предѣловъ божественнаго!.. Нѣтъ, а для того, чтобы скромно стать въ ряды тружениковъ на общее дѣло, чтобы свои болѣе совершенные силы соединить съ силами другихъ на благо человѣчества“". Если въ своихъ стремленіяхъ къ саморазвитію человѣкъ не упускаетъ изъ виду того общественного значенія, которое имѣютъ эти стремленія, то кромѣ благотворныхъ результатовъ не можетъ получиться рѣшительно ничего.

Обратимся теперь къ той группѣ цѣлей, въ которой человѣкъ центръ тяжести своихъ стремленій помѣщаетъ въ себѣ. Эти цѣли равнымъ образомъ могутъ быть разбиты на три

подгруппы: 1) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду содѣйствіе самосохраненію другихъ живыхъ существъ, главнымъ образомъ людей; 2) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду доставленіе счастья окружающимъ насъ людямъ, и 3) на цѣли, главный предметъ которыхъ составляютъ заботы, направленныя на разви-  
тие и совершенствованіе окружающихъ насъ людей или на доставленіе имъ возможности разви-  
тия и совершенствованія. Каждая изъ этихъ подгруппъ въ свою очередь допускаетъ подраздѣленіе, въ зависимости отъ количества живыхъ существъ, на которыхъ данная цѣль рас-  
пространяется.

Такимъ образомъ, напр., что касается содѣйствія само-  
сохраненію другихъ живыхъ существъ, то оно можетъ рас-  
пространяться на небольшую группу живыхъ существъ, какъ-  
то: семью, кружокъ друзей или товарищѣй и т. д., можетъ  
касаться такой большой группы, какъ, напр., известнаго на-  
рода, и можетъ, наконецъ, относиться ко всему человѣ-  
честву.

Цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду содѣйствовать само-  
сохраненію членовъ, составляющихъ данный семейный со-  
юзъ, сводятся приблизительно къ слѣдующимъ категоріямъ:  
1) заботы о доставленіи семьѣ материальныхъ средствъ къ  
существованію, 2) заботы о гигіенической обстановкѣ и ги-  
гіническихъ условіяхъ домашней жизни (сюда включается  
веденіе домашняго хозяйства, заботы о гигіенической квар-  
тирѣ, о снабженіи всѣхъ членовъ семьи гигіеническою оде-  
ждою, о доставленіи имъ гигіенической пищи, о пріобрѣте-  
ніи ими тѣхъ или другихъ привычекъ, сообразныхъ съ тре-  
бованіями гигіиены и т. д.), и 3) заботы о томъ, чтобы члены  
семьи были какъ можно тѣснѣ сплочены другъ съ другомъ.  
Послѣднее составляетъ необходимое условіе для самосохра-  
ненія семьи, какъ цѣлаго, и для болѣе успѣшнаго самосо-  
храненія каждого изъ ея членовъ.

Если содѣйствіе самосохраненію распространяется на  
болѣе широкій кругъ, напр., на известный народъ, то оно  
сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: 1) къ заботѣ  
о томъ, чтобы народъ, какъ цѣлое, располагалъ наибольшеею

суммою материальныхъ средствъ, наибольшимъ количествомъ сырыхъ материаловъ и наибольшимъ количествомъ орудій труда для обезпеченія своего экономического существованія; 2) къ заботѣ о томъ, чтобы производимыя народомъ богатства были распредѣлены равномѣрно,—такъ, чтобы каждый имѣлъ возможность устроить свою жизнь сообразно съ требованіями гигіены, чтобы у каждого была хорошая квартира, хорошая одежда и хорошая пища и чтобы каждый могъ усвоить себѣ навыки, соответствующіе гигіеническому образу жизни. И, наконецъ, 3) къ заботѣ о томъ, чтобы народъ дѣйствительно представляль изъ себя одно тѣсно сплоченное политическое цѣлое, которое съ наибольшою солидарностью всѣхъ своихъ членовъ соединяло бы наибольшую самодѣятельность каждого изъ нихъ, потому что только подобный политический союзъ можетъ быть въ наибольшей степени способенъ какъ къ сохраненію самого себя, такъ и къ сохраненію каждого изъ своихъ членовъ среди окружающихъ неблагопріятныхъ условій.

Если теперь мы предположимъ, что содѣйствіе самосохраненію распространилось на все человѣчество, то эта общая дѣль сведется приблизительно къ слѣдующимъ задачамъ: 1) къ заботѣ о наибольшемъ развитіи материальныхъ средствъ производства, о наибольшемъ подъемѣ производительности физического труда и связанномъ съ нимъ наибольшемъ производствѣ материальныхъ богатствъ; 2) къ заботѣ о равномѣрномъ распредѣленіи материальныхъ благъ между отдѣльными народами и отдѣльными лицами, ихъ составляющими, распредѣленіи, которое давало бы каждому возможность обеспечить свое материальное существованіе и предохранить себя отъ гибели среди неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. И, наконецъ, 3) къ заботѣ о томъ, чтобы сплотить все человѣчество въ одинъ широкій союзъ гармонически между собою связанныхъ людей, въ которомъ сила ни одного человѣка не пропадала бы напрасно, будучи парализована прямою или косвенною борьбою съ силою другого человѣка, но въ которомъ бы силы всѣхъ людей соединились вмѣстѣ для послѣдней и окончательной борьбы и побѣды человѣка надъ природою. Резулѣтатомъ такой планомѣрной и сознательной борь-

бы всего человѣчества съ природою будетъ достиженіе такихъ условій, которыя въ наибольшей мѣрѣ способны обеспечить какъ самосохраненіе отдѣльного человѣка, такъ и всего человѣчества. Но борьба съ природою въ сущности свидѣтся къ отысканію тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ между человѣкомъ и природою могла бы быть достигнута наибольшая кооперація и гармонія. Поэтому борьба человѣчества съ природою въ конечномъ итогѣ своемъ будетъ имѣть гармоничскій союзъ всего человѣчества съ природою, или, выражаясь иначе, достиженіе всѣобщей міровой гармоніи, составляющей самый высшій идеалъ, до котораго только можетъ подняться религіозное или метафизическое творчество. Если это воплощеніе всѣобщей міровой гармоніи мы назовемъ Богомъ, то можно будетъ сказать, что человѣчество въ концѣ концовъ создастъ Бога, являющагося идеаломъ самого совершенного въ мірѣ, и растворится въ немъ, какъ его необходимая составная часть. Совершенное, гармоничное, божественное находится не въ началѣ вещей, а въ концѣ ихъ, если только вещи имѣютъ конецъ, оно не дано намъ, а должно быть создано, оно можетъ быть только плодомъ нашихъ трудовъ и усилій. Вотъ та плодотворная религія, побуждающая насъ къ творческой работѣ, которая должна стать на мѣсто старыхъ, отжившихъ религіозныхъ вѣрованій. Если стать на почву этой религіи, то самое маленькое дѣло на пользу общества, которое способствуетъ хотя бы въ ничтожной степени установленію гармоніи среди людей, пріобрѣтаетъ религіозное значеніе. Религія при этомъ становится дѣломъ, не отвлекающимъ насъ отъ мірской жизни, но, напротивъ того, побуждающимъ ринуться въ эту жизнь и стараться оставить въ ней наиболѣе яркій слѣдъ. Религія, становясь „религіей жизни и творческаго труда“, побуждаетъ насъ серьезнѣе и глубже смотрѣть на каждый актъ жизни, какимъ бы ничтожнымъ и мелочнымъ онъ ни казался съ первого взгляда.

Слѣдующая подгруппа разбираемыхъ нами цѣлей охватываетъ всѣ цѣли, предметомъ которыхъ является доставленіе счастья окружающимъ насъ людямъ. Она также дробится въ зависимости отъ количества и характера людей, которые имѣ-

ются въ виду при преслѣдованіи означенныхъ цѣлей. Если дѣло идеть о той небольшой группѣ людей, которая называется семьею, то цѣли, предметъ которыхъ составляетъ доставленіе счастья, могутъ быть разбиты на слѣдующія категории: 1) заботу о томъ, чтобы каждый членъ семьи имѣлъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, склонностямъ и вкусамъ, потому что въ подобномъ удовлетвореніи существеннымъ образомъ и заключается счастье человѣка; 2) стремленіе устроить семейную жизнь такимъ образомъ, чтобы она влекла за собою какъ можно менѣе ограниченій для каждого изъ членовъ семьи, потому что, чѣмъ менѣе ограниченій налагается на жизнь каждого, чѣмъ она свободнѣе, тѣмъ болѣе она полна радостей и счастья; 3) заботу о томъ, чтобы семья являлась настолько сплоченнымъ и солидарнымъ цѣльмъ, чтобы всякое событие, случающееся съ однимъ изъ членовъ семьи, находило свой откликъ во всѣхъ остальныхъ. Тогда радость каждого переживается всѣми, а это ведетъ къ еще большему умноженію счастья въ семье.

Если мы возьмемъ ту болѣе широкую группу людей, которая называется народомъ, то въ отношеніи нея для отдѣльной личности могутъ быть намѣчены слѣдующія цѣли: 1) стремленіе создать такой общественный порядокъ, который давалъ бы каждому члену общества возможность въ наибольшей степени удовлетворять всѣ свои потребности, а также слѣдовательно своимъ склонностямъ и вкусамъ, насколько, конечно, эти послѣдніе совмѣстимы съ нормальнымъ, здоровымъ развитиемъ человѣческой природы; 2) стремленіе, чтобы этотъ общественный порядокъ въ наименьшей степени ограничивалъ свободу каждого; 3) стремленіе настолько сплотить общество, чтобы оно являлось чуткимъ къ страданіямъ и радостямъ каждого изъ своихъ членовъ. Широкая симпатія между членами общества есть условіе для наибольшей суммы счастья въ немъ.

Если, наконецъ, стремленіе доставить людямъ счастье распространится на все человѣчество, то мы получимъ слѣдующія задачи: 1) стремленіе объединить все человѣчество въ одинъ широкій союзъ людей, ставящій своей главною цѣлью удовлетвореніе всѣхъ потребностей каждого изъ своихъ

членовъ; 2) стремлениe, чтобы подобный союзъ на ряду съ наибольшею солидарностью и съ наибольшимъ развитиемъ взаимной симпатии соединялъ наименьшее ограничение свободы каждого человѣка и доставлялъ бы каждому изъ своихъ членовъ наибольшую возможную сумму счастья. Когда человѣчество достигнетъ этой цѣли, то, быть можетъ, оно поставить своей задачей—достиженіе такого мірового порядка, при которомъ бы каждое живое существо имѣло возможность достигнуть наибольшей полноты счастья.

Намъ остается теперь только разсмотрѣть тѣ цѣли, главный предметъ которыхъ составляетъ содѣйствіе развитію и совершенствованію другихъ людей. Начнемъ съ семьи. Общая цѣль — содѣйствіе развитію — разбивается здѣсь на слѣдующія частные задачи: 1) содѣйствіе развитію своихъ дѣтей, воспитаніе и образованіе ихъ; 2) содѣйствіе взрослымъ членамъ семьи въ ихъ стремленіяхъ къ дальнѣйшему совершенствованію себя, къ пополненію и продолженію своего образования и т. д.; 3) содѣйствіе къ созданію такого взаимодѣйствія между отдѣльными членами семьи, которое давало бы возможность каждому изъ нихъ достигнуть наибольшей возможной степени развитія и совершенства и которое обратило бы семью въ солидарный союзъ лицъ, взаимно помогающихъ другъ другу въ дѣлѣ совершенствованія и развитія.

Если содѣйствіе развитію распространяется на большую группу, напр., на народъ, то возникаютъ слѣдующія задачи: 1) содѣйствіе развитію и совершенствованію молодого поколѣнія даннаго народа, правильному его воспитанію и образованію; 2) доставленіе взрослому поколѣнію этого народа возможности и средствъ продолжать свое развитіе и совершенствованіе, пріобрѣтать новые научныя знанія, расширять свой умственный кругозоръ и т. д. Наконецъ, 3) созданіе такихъ общественныхъ условій, такая реорганизація общественной жизни, которая дала бы возможность каждому достигнуть наибольшей возможной степени развитія. Не только, напр., низшее образованіе должно стать всеобщимъ и для всѣхъ доступнымъ, но таковымъ должно стать также и среднее образованіе и высшее. При этомъ здѣсь предполагается также стремлениe такъ видоизмѣнить существующія воспи-

тательныя и образовательныя высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, чтобы они дѣйствительно способствовали развитію своихъ питомцевъ и ихъ совершенствованію, а не порождали бы часто совершенно противоположныхъ результатовъ.

Предположимъ теперь, что предметомъ заботъ отдѣльной личности становится все человѣчество, тогда она будетъ имѣть передъ собою слѣдующія задачи: 1) объединеніе всего человѣчества въ широкій солидарный союзъ свободныхъ людей, соединенные усилия которыхъ были бы направлены самымъ цѣлесообразнымъ и успешнымъ образомъ на воспитаніе и развитіе молодого поколѣнія, такъ чтобы каждый членъ этого молодого поколѣнія могъ достигнуть наибольшей полноты развитія и совершенства, допускаемой его природными задатками, чтобы ни одна способность, ни одно дарованіе не заглохли, а получили бы возможность развернуться пышнымъ цвѣтомъ; 2) созданіе такихъ формъ общенія и взаимодѣйствія среди объединенного человѣчества, которыя давали бы возможность и каждой взрослой личности продолжать непрерывно свое развитіе и совершенствованіе, давали бы возможность каждому достигать и быть идеальнымъ образомъ человѣческаго типа, чтобы человѣчество стало союзомъ развитыхъ и совершенныхъ людей, продолжающихъ подниматься на все болѣе высокія ступени развитія и совершенства, благодаря той широкой гармоніи и коопераціи, которая существует между ними. Когда человѣчество станетъ такой совершенной коопераціей людей для всеобщаго взаимнаго развитія и совершенствованія, тогда, быть можетъ, передъ нимъ возникнетъ новая задача: содѣйствовать развитію и совершенствованію каждого живого существа и цѣлый міръ пересоздать по образу и подобію того, что человѣчеству удалось устроить внутри самого себя. Тогда, быть можетъ, человѣчество будетъ стремиться сдѣлать всю вселенную всеобщимъ гармоническимъ союзомъ всѣхъ живыхъ существъ для взаимнаго ихъ совершенствованія и развитія. Борьба за существованіе и антагонизмъ интересовъ уступятъ мѣсто всеобщей коопераціи и гармоніи, и прогрессъ, всеобщій, непрерывный, сознательный и систематической прогрессъ всѣхъ живыхъ существъ и ихъ соціальныхъ сочетаній другъ съ

другомъ—составить высшій незыблемый законъ этого обновленного міра, этой новой Вселенной. Дальше этого не можетъ подниматься мечта современного человѣка. Многіе назовутъ, пожалуй, это бреднями и посмѣются надъ подобными фантазіями, но, по нашему мнѣнію, эти фантазіи имѣютъ тѣмъ не менѣе большое значеніе. Онѣ составляютъ остаточную форму того, что метафизика заключаетъ въ себѣ прочнаго, хорошаго, здороваго. Метафизическая потребность, какъ попытка отдать себѣ отчетъ въ томъ, какой смыслъ имѣеть наша жизнь въ безпредѣльной жизни всего міра, никогда не умретъ, да было бы и печально, если бы она умерла. Никто не говорить, чтобы вы отвлекались отъ практическихъ жизненныхъ интересовъ, чтобы вы игнорировали текущія „злобы дня“, которые каждый шагъ вашего существованія приносить вамъ. Это — неоспоримая истина, что мы живемъ на землѣ и что каждому дню „довлѣть злоба его“, но развѣ надъ нами не раскинулось также безпредѣльное небо, развѣ наша мысль не способна охватить въ своемъ смѣломъ полетѣ не только кратковременное поприще нашей мимолетной и недолгой жизни, но и жизнь человѣчества въ его безпредѣльномъ развитіи. Жизнь будетъ не полна, если мы будемъ исключительно только глядѣть на землю, на то, что находится подъ нашими ногами, и откажемся взглянуть на свѣтлое небо, на тѣ широкія безпредѣльныя перспективы, которые мысль человѣка открываетъ передъ нимъ. Зачѣмъ суживать свой горизонтъ и произвольно ограничивать поле своего зрѣнія, зачѣмъ воздерживаться отъ попытки болѣе широко взглянуть на свою жизнь? Не бойтесь, подобная попытка не повредить вашей практической дѣятельности, не отвлечетъ васъ отъ вашихъ земныхъ дѣлъ и нуждъ, но, быть можетъ, дастъ вамъ возможность легче переносить бремя жизни и бодрѣе двигаться впередъ къ лучшему будущему среди разныхъ житейскихъ неудачъ.

На этомъ мы и заключимъ свой обзоръ цѣлей, который, конечно, далеко не полонъ и неисчерпываетъ всѣхъ возможныхъ цѣлей. Но, какъ мы указывали уже это ранѣе, наша классификація имѣеть только примѣрное значеніе и мы никакъ не претендуемъ на ея полноту.

IV.

**Развитіе чувства нравственной любви.**

Заканчивая эту статью, мы коснемся здѣсь только еще одной стороны нравственного развитія, относительно которой до сихъ поръ нами ничего не было сказано. Мы отмѣтили ту важность, какую имѣеть для выработки нравственной воли развитіе способности представлениѧ. Но наряду съ интеллектуальнымъ моментомъ не менѣе важную роль въ нравственности играетъ и моментъ эмоциональный. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи фундаментомъ этическаго развитія должна служить нравственная любовь.

Какъ описать и охарактеризовать это чувство? Мы бы опредѣлили его такъ: этическая любовь есть такое чувство гармоніи человѣка съ человѣкомъ, при которомъ одинъ человѣкъ сливается духовно съ другимъ человѣкомъ въ одно цѣлое настолько, что становится способнымъ желать блага, счастья и развитія этого другого человѣка ради него самого, а не ради себя, безъ всякихъ даже соображеній о томъ, что воспослѣдуется отъ этого лично для себя. Развить такое чувство какъ въ себѣ, такъ и въ дѣтяхъ очень трудно, а еще труднѣе достигнуть того, чтобы это чувство сдѣлалось руководящимъ нашимъ стимуломъ во всѣ моменты нашей жизни, а не вспыхивало бы въ насъ только, какъ яркій огонекъ, при исключительныхъ условіяхъ. Какъ часто бываетъ, что вспыхнетъ на минуту въ душѣ огонь этой свѣтлой страсти и потухнетъ, и въ душѣ воцаряется страшная тьма, подъ покровомъ которой выползаютъ изъ разныхъ закоулковъ души всевозможные гады въ образѣ низменныхъ желаній и начинаютъ безконтрольно и безшабашно въ ней хозяйничать до тѣхъ поръ, пока внезапно опять не вспыхнетъ свѣтлый огонекъ и всѣ отвратительныя чудовища, терзавшія нашу душу, не разбѣгутся въ страхѣ и трепетѣ въ разныя стороны. Вотъ и надо, чтобы этотъ огонекъ, который загорается въ насъ только временами, могъ бы всегда въ насъ горѣть ровнымъ, никогда не ослабѣвающимъ пламенемъ, такъ чтобы тѣ чудовища, о которыхъ мы говорили, не находя пищи и про-

стора для своей дѣятельности, мало-по-малу и незамѣтно умерли, не оставивъ въ душѣ никакого слѣда.

Первое необходиное условіе для развитія нравственной любви заключается въ томъ, чтобы научить человѣка разсматривать себя не какъ нѣчто изолированное отъ всего окружающаго міра и противостоящее ему, но какъ составляющее съ этимъ міромъ одно цѣлое. Надо, чтобы человѣкъ научился во всѣхъ актахъ своей жизни становиться на точку зрењія болѣе или менѣе широкаго цѣлага, чтобы мѣстоименіе „мы“ („для нась“) играло въ его сознаніи болѣе значительную роль, чѣмъ мѣстоименіе „я“ („для меня“), во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ преслѣдуєтъ тѣ или другія цѣли. Но здѣсь мы должны отвѣтить на одно весьма важное возраженіе, которое можетъ быть намъ сдѣлано.

Намъ скажутъ: „развитіе нравственныхъ стремленій въ человѣкѣ связано съ развитіемъ въ немъ самосознанія, съ вышею выработкою въ немъ того, что называется личностью. Стараясь пріучить его разсматривать себя составляющимъ съ міромъ одно цѣлое, вы подрываете въ немъ развитіе личности и самосознанія и тѣмъ самымъ уничтожаете въ немъ одно изъ необходимыхъ условій для развитія нравственныхъ стремленій“. Вотъ то противорѣчіе, на которое могутъ обратить наше вниманіе: одно необходиное условіе для развитія въ человѣкѣ нравственности, повидимому, совершенно устраниетъ и дѣлаетъ невозможнымъ другое такое же необходиное условіе. Но именно только повидимому, и указанное противорѣчіе есть не болѣе какъ мнимое: развитіе въ человѣкѣ самосознанія и личности нисколько не уничтожаетъ необходимости развивать въ немъ привычку разсматривать себя съ человѣчествомъ, какъ одно цѣлое. Самосознаніе вовсе не обозначаетъ противоположенія индивидуума всему остальному міру или человѣчеству; можно было бы даже опредѣлить его просто, какъ сознаніе того мѣста, которое индивидуумъ, какъ часть, занимаетъ въ обширномъ цѣломъ, называемомъ нами человѣчествомъ или міромъ. Стараться приобрѣсти себѣ наибольшее сознаніе о мірѣ, стараться понять, какъ это „Великое Цѣлое“ дробится на отдѣльныя взаимно-связанныя части и стараться изъ этихъ отдѣльныхъ частей

понять прежде всего именно тѣ, которые намъ наиболѣе всего доступны, т.-е. самихъ сѣя, не значитъ ли это работать въ то же время на пути выработки въ себѣ наибольшей возможной степени самосознанія и личности. Личность я бы опредѣлилъ, какъ часть этого цѣлаго, сознавшую свою роль, мѣсто и назначеніе въ немъ и стремящуюся все это сознательно осуществить на дѣлѣ.

Такимъ образомъ, для развитія самосознанія и выработки личности необходимо, болѣе чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ, развитіе способности становиться на точку зрењія болѣе или менѣе широкой группы существъ. Личность, достигшая высшей степени самобытности, самосознанія и свободы, будетъ въ то же время и личностью, которая въ наибольшей степени чувствуетъ свое глубокое родство съ безпредѣльной жизнью всего человѣчества и міра, которая связана съ этою жизнью самыми тѣсными и неразрывными нитями, которая живеть съ человѣчествомъ и міромъ одною общею жизнью, которая въ работе надъ улучшеніемъ, возвышеніемъ и облагороженіемъ міровой и общечеловѣческой жизни находитъ для себя высшую цѣль и для которой маленькое мѣстоименіе „я“ утратило свое прежнее значеніе, ставъ въ ея глазахъ выраженіемъ человѣческой гордости, заносчивости и эгоизма. Каждый человѣкъ нашего поколѣнія долженъ прилагать всѣ усилия къ тому, чтобы разрушить тѣ заставы, перегородки и каменные стѣны, которая ложное воспитаніе и унаслѣдованные предразсудки воздвигли между нимъ и его близними, между нимъ и міромъ. Какъ много стѣнъ ему придется сломать, сколько упорной работы, и среди этихъ стѣнъ какъ много—изукрашенныхъ цветами его чувства и фантазіи и разрушить которые онъ можетъ только съ болью сердца! Сколько милыхъ, дорогихъ сердцу предразсудковъ, съ которыми ему, быть можетъ, придется разстаться, обливъ ихъ слезами! Послѣ, оглядываясь на пройденный путь, онъ будетъ удивляться этимъ слезамъ, но въ свое время онъ были выраженіемъ живого реального горя, такъ какъ душа приходилось переживать страшную ломку всѣхъ прежнихъ коренныхъ устоевъ.

¶ Чтобы воспитать въ человѣкѣ привычку разматривать

себя, какъ составляющаго съ міромъ и человѣчествомъ одно цѣлое, надо пользоваться для этого всякимъ представляющимся случаемъ. Чтобы родилось сознательное и глубокое чувство подобной связи съ міромъ и человѣчествомъ, надо, чтобы самая мысль и идея этой связи пустили глубокіе корни въ нашемъ мышленіи, надо такъ пріучить работать нашу мысль, чтобы, думая о частномъ, индивидуальномъ и особенномъ, она прежде всего старалась бы понять то мѣсто, которое данный индивидуальный фактъ занимаетъ въ общемъ строѣ міровой жизни. Въ нась, напротивъ того, преобладаетъ другая черта: задумываясь надъ извѣстными частными явленіями, мы рассматриваемъ ихъ обыкновенно изолированно и рѣдко стараемся понять ихъ мѣсто въ общемъ потокѣ явленій и оцѣнить ихъ значеніе въ эволюціи міровой жизни. Пока не измѣнятся привычки нашего мышленія въ этомъ отношеніи, трудно расчитывать на то, чтобы измѣнились существенно и способы нашей практической дѣятельности. Теоретическій способъ отношенія къ міру и жизни, проявляется ли онъ въ методическомъ-научномъ или въ наивномъ обыденномъ мышленіи, играетъ большое значеніе въ отношеніи человѣческаго поведенія. Высказывая эту мысль, я подразумѣваю не тотъ фактъ, что извѣстное міросозерцаніе имѣть опредѣленное вліяніе на наши поступки, а тотъ, что еще большее вліяніе имѣютъ самые пріемы мысли, и если вы хотите достигнуть дѣйствительно глубокихъ переворотовъ въ области человѣческаго поведенія, то направьте свои удары не на то или другое міросозерцаніе, а на тѣ или другіе пріемы и способы мышленія. Если человѣкъ научится всегда, когда бы ему ни приходилось примѣнять свою мысль, становиться на точку зреїнія всего міра, какъ цѣлаго, то повѣрьте, что и практически, въ своей дѣятельности, въ своемъ поведеніи, онъ перестанетъ себя раздѣлять отъ человѣчества и міра и будетъ дѣйствовать такъ, какъ если бы онъ составлялъ съ человѣчествомъ и міромъ одно неразрывное цѣлое. Но, чтобы измѣнить способы и пріемы мышленія—въ этомъ отношеніи еще очень много придется сдѣлать. Міросозерцанія легче мѣняются, чѣмъ пріемы мышленія, но оттого менѣе значи-

тельно и ихъ вліяніе на поведеніе чоловѣка. Привить людямъ тѣ или другія идеи гораздо легче, чѣмъ воспитать въ нихъ правильный способъ теоретического отношенія къ явленіямъ жизни.

При воспитаніи въ ребенкѣ привычки и способности становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлага, часть которого онъ составляетъ въ данную минуту, надо слѣдоватъ слѣдующему правилу. Понятіе о томъ цѣломъ, на точку зрѣнія котораго ребенокъ становится, должно быть распираемо только постепенно въ связи съ ростомъ умственныхъ способностей ребенка. Съ развитіемъ этихъ способностей ребенокъ дѣлается въ состояніи становиться на точку зрѣнія все болѣе и болѣе широкаго цѣлага, но каждый разъ надо заботиться о томъ, чтобы онъ становился на точку зрѣнія того цѣлага, о которомъ онъ имѣть ясное представление и которое имѣть для него то или другое конкретное реальное значеніе. Иначе понятіе о цѣломъ, часть которого онъ составляетъ, свѣдется для него на звукъ пустой и не будетъ имѣть никакого благотворнаго воспитательного вліянія. Напр., въ первое время ему можетъ быть ясно и понятно только, что онъ составляетъ одно цѣлое со своею матерью, потомъ онъ научится включать сюда отца, братьевъ, сестеръ и т. д. Только уже въ самомъ зрѣломъ возрастѣ на извѣстной высотѣ научнаго и философскаго развитія, вооруженный богатымъ запасомъ знаній о природѣ и историческомъ развитіи человѣчества, чоловѣкъ научается становиться на точку зрѣнія всего міра и всего человѣчества. Но это—вершина, подниматься до которой приходится черезъ множество промежуточныхъ ступеней. Главный вопросъ въ томъ и заключается, чтобы опредѣлить эти послѣдовательныя ступени такъ, какъ онъ намѣчаются соотвѣтственно съ естественнымъ развитіемъ умственныхъ способностей ребенка.

Для того, чтобы еще болѣе ярко оттѣнить, чѣмъ толькъ способъ мышленія, о которомъ мы выше говорили и который составляетъ необходимый фундаментъ для развитія въ насъ нравственной любви, разнится отъ обычнаго обыденнаго, возьмемъ конкретный примѣръ. Представьте себѣ, что передъ вами находится какое-нибудь другое живое существо, напр.,

человѣкъ, и что вы думаете о немъ. Какимъ образомъ можетъ направиться при этомъ ваша мысль? Вы можете обратить вниманіе на его наружность, носъ, глаза, очертаніе лица, походку, на его костюмъ, способъ разговора и т. д. и, составивъ такимъ образомъ себѣ понятіе о немъ, какъ опредѣленномъ индивидуумѣ, этимъ ограничиться. Но можно пойти и дальше, можно не ограничиться мыслью о данномъ человѣкѣ, какъ индивидуально-изолированномъ фактѣ, но спросить себя, какое значеніе этотъ человѣкъ имѣть для остального міра людей и не могла ли бы жизнь его быть болѣе плодотворна въ этомъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ мысль о другомъ человѣкѣ не вызоветъ съ вашей стороны никакого практическаго дѣйствія, во второмъ случаѣ она повлечетъ за собою цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать жизнь этого другого человѣка болѣе плодотворной для человѣчества, чтобы сдѣлать жизнь его болѣе богатой, цѣнной и содержательной. Конечно, передъ вами проходятъ ежедневно тысячи людей и нѣть возможности такимъ образомъ задуматься о каждомъ, но съ нѣкоторыми изъ этихъ людей вы встрѣчаетесь болѣе часто и вступаете въ болѣе близкія отношенія и, вотъ, думая объ этихъ-то людяхъ, ваша мысль должна работать въ указанномъ направлениі.

Однимъ словомъ, думая объ извѣстномъ человѣкѣ, какомъ бы то ни было, надо, насколько это допускаютъ наши свѣдѣнія о немъ, стараться понять его значеніе въ жизни всего человѣчества, надо разсматривать его не какъ изолированнаго индивидуума, а какъ члена общества, какъ часть большого цѣлага, называемаго человѣчествомъ. Если бы мы были искренними,— то должны были бы откровенно сознаться, что очень рѣдко и очень мало думаемъ объ общечеловѣческой цѣнности каждой человѣческой жизни и о тѣхъ средствахъ, какими эту цѣнность можно было бы возвысить. Вся бѣда въ томъ, что люди нась или вовсе не интересуютъ, или интересуютъ исключительно только взятые въ своей индивидуальной оболочкѣ. О людяхъ же, какъ возможныхъ плодотворныхъ работникахъ на пользу человѣчества мы рѣдко когда думаемъ. Но если вы хотите воспитать въ себѣ не безразличное отношеніе къ людямъ и если вы хотите, чтобы ваше чувство къ нѣкото-

рымъ членамъ человѣчества не носило исключительно только чисто личнаго и субъективнаго характера и не имѣло бы видъ лишь пристрастія, старайтесь о каждомъ человѣкѣ вообще, а о близкихъ и дорогихъ вамъ въ особенности, думать, какъ о возможныхъ служителяхъ добра и правды, какъ о свободныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ увеличенія среди человѣчества солидарности и свободы. Если вы научитесь подобнымъ образомъ смотрѣть на каждого человѣка, то вы тогда дѣйствительно воспитаете въ себѣ способность любить человѣка тою высшею нравственною любовью, выше которой ничего быть не можетъ; вы научитесь любить его ради него самого и ради человѣчества. Въ каждомъ отдельномъ человѣкѣ вы будете любить все человѣчество и отъ этого ваша любовь къ данному лицу приобрѣтеть болѣе свѣтлый, широкій и благородный характеръ.

Да не подумають, что мы хотѣли бы уничтожить личныя чувства и личныя привязанности и интересъ ко всякому человѣку именно какъ къ особенному индивидууму, со своей индивидуальной физіономіей и со своимъ особыеннымъ складомъ жизни. Мы далеки отъ всякой подобной мысли; напротивъ того, мы признаемъ большое значеніе за личнымъ, субъективнымъ, индивидуальнымъ. Все, на чемъ мы настаиваемъ, это—чтобы человѣкъ научился не застывать и не останавливаться исключительно только на индивидуальномъ, но постоянно стремился бы свои мысли, чувства и дѣйствія, имѣющія субъективный, личный характеръ, связывать съ мыслями, чувствами и дѣйствіями, предметомъ которыхъ является все человѣчество. Наши личныя чувства отъ этого не потерпять никакого ущерба, но станутъ только шире, свѣтлѣе и чище. Мечтать же объ уничтоженіи всего личнаго, всего, носящаго индивидуальный оттѣнокъ, стремиться индивидуума цѣликомъ безъ остатка растворить въ общемъ,—значить работать противъ началъ самой жизни, значитъ вмѣсто жизни сѣять всюду смерть и разложеніе. Главная задача наша въ томъ именно и заключается, чтобы наибольшее развитіе всего личнаго и индивидуальнаго, умѣть гармонически соединить съ наиболѣшимъ развитіемъ безличнаго и всеобщаго. Индивидуумъ даже какъ индивидуумъ имѣть неизмѣримую цѣну и не допускаетъ никакой для

себя замъны, но эта цѣна безконечно, безмѣрно возрастаетъ, если индивидуумъ получаетъ значеніе въ общемъ ходѣ жизни человѣчества и міра.. Только о томъ, чтобы увеличить его цѣну, а не о томъ, чтобы его обезличить и лишить той цѣны, которую онъ уже имѣеть, какъ индивидуумъ, идетъ здѣсь дѣло. И то же самое имѣеть значеніе въ отношеніи каждого субъективнаго, личнаго чувства или мысли. Чтобы повысить значеніе этого чувства или мысли надо связать ихъ съ чувствами и мыслями, имѣющими болѣе широкій характеръ, предметъ которыхъ простирается на болѣе широкое цѣлое. Въ конечномъ предѣлѣ это цѣлое становится равнымъ всему человѣчеству и міру. Чѣмъ болѣе идеи, чувства и поступки человѣка, не утрачивая своего индивидуального характера, приобрѣтаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческое значеніе, чѣмъ въ большей мѣрѣ отдельный человѣкъ является представителемъ и выражителемъ всего человѣчества, то завѣтныхъ надеждъ и стремленій, его борьбы за лучшее, свѣтлое будущее, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ жизнь и дѣятельность данной личности. Способствовать этому всѣми возможными средствами и составляетъ одну изъ самыхъ основныхъ задачъ нравственного воспитанія.

V.

**Значеніе эмоціональной и волевой стороны нашей психической жизни въ развитіи чувства нравственной любви.**

Наше изложеніе тѣхъ условій, которыя необходимы для развитія въ дѣтяхъ чувства нравственной любви было бы не полнымъ, если бы мы ограничились вышесказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ предыдущаго изложенія у читателя могло получиться такое впечатлѣніе, какъ будто бы это развитіе обусловливается исключительно развитіемъ нашего интеллекта, какъ будто бы только элементамъ интеллектуальнаго порядка принадлежитъ опредѣляющая роль въ немъ. Поводъ къ этому можетъ подать устанавливаемое нами положеніе, что для развитія чувства нравственной любви надо пріучить ребенка становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлага. Намъ слѣдуетъ поэтому еще нѣсколько под-

робиťе остановиться на этомъ положеніи, чтобы предупредить возможное ложное пониманіе его.

Отдадимъ себѣ ясный отчетъ, въ томъ психологическомъ фактѣ, который характеризуется словами „становиться на точку зрења болѣе или менѣе широкаго цѣлаго“. Какія предпосылки заключаетъ въ себѣ этотъ фактъ, что дѣлаетъ его вообще возможнымъ? Всякая „точка зрења“ предполагаетъ определеннымъ образомъ направленное вниманіе, и въ этомъ смыслѣ всякая „точка зрења“ дѣляется возможной только благодаря акту воли. Только актомъ воли, какъ ребенокъ, такъ и взрослый человѣкъ можетъ стать на точку зрења болѣе или менѣе широкаго цѣлаго. Но что же дѣляетъ возможнымъ этотъ актъ воли, это сознательное направленіе вниманія въ определенную сторону? Сознательное направлениe вниманія въ ту или другую сторону становится возможнымъ только благодаря тому, что вниманіе уже было до нѣкоторой степени непроизвольно направлено въ эту сторону. Это же непроизвольно направленное вниманіе связано съ наличностью въ нашей душѣ известныхъ чувствованій, определенныхъ эмоцій, естественнымъ образомъ направляющихъ въ ту или другую сторону нашъ интересъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ отсюда, тѣ интеллектуальные процессы, которымъ мы придаемъ такое значеніе въ дѣлѣ развитія въ человѣкѣ нравственной любви, предполагаютъ уже съ своей стороны волевые акты и эмоціи. Это и понятно, потому что, строго говоря, каждая сторона нашей душевной жизни тѣсно и неразрывно связана со всѣми другими и развитіе каждой изъ нихъ обусловлено развитіемъ всѣхъ остальныхъ. Какъ развитіе интеллекта обусловливаетъ развитіе психической жизни въ эмоциональномъ и волевомъ отношеніи, такъ и развитіе волевое и эмоциональное, не остается безъ вліянія на интеллектъ. Въ данномъ случаѣ существуетъ вѣчный, никогда не останавливавшійся круговоротъ. Въ виду факта такой тѣсной зависимости всѣхъ трехъ сторонъ душевной жизни человѣка, остановимся на тѣхъ явленіяхъ въ области эмоциональной и волевой жизни, которые дѣлаютъ возможнымъ возникновеніе и дальнѣйшее развитіе того высокаго сознательного чувства нравственной любви, которое было описано нами выше.

Естественною исходною точкою въ эмоциональномъ отно-  
шени въ развитіи чувства нравственной любви является  
симпатія, насколько послѣдня имѣть активный характеръ.  
Активная симпатія есть природное влечение человѣка, кото-  
рому въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же трудно противостоять,  
какъ трудно бываетъ противостоять и другимъ влечениямъ  
нашей природы. Это есть та природная основа, на которой  
впослѣдствіи развивается болѣе сложное чувство сознатель-  
ной нравственной любви къ человѣчеству, болѣе широкія и  
богатыя содержаніемъ формы нравственности. Нравственность  
на этой первой своей ступени есть нравственность непосред-  
ственного чувства, непосредственного стремленія или влече-  
нія. Она получается личностью въ готовомъ видѣ, какъ даръ  
природы. Это — цвѣтокъ, который благоухаетъ потому, что  
онъ отъ природы пропитанъ тонкимъ ароматомъ, распростра-  
няющимся повсюду кругомъ. Здѣсь мы имѣемъ естественную,  
природную нравственность, которую можно назвать орга-  
ническою нравственностью, инстинктивной, или какими еще  
угодно именами. Разные люди обладаютъ этой нравствен-  
ностью въ различной степени. Она — исходная точка въ раз-  
витіи сознательного чувства нравственной любви, принимаю-  
щаго вмѣстѣ съ ростомъ личности все болѣе и болѣе широ-  
кие размѣры. Изъ нея должна при благопріятныхъ усло-  
віяхъ родиться та высшая нравственность, которая въ истин-  
номъ смыслѣ этого слова можетъ быть названа нравствен-  
ностью и въ возникновеніи которой играетъ большую роль  
сознательная воля человѣка. Цвѣтокъ любви, который мы  
при своемъ рожденіиносимъ на свѣтъ, разрастется тогда  
въ могучее дерево, на которомъ будутъ расти тысячи та-  
кихъ цвѣтковъ. Но этотъ цвѣтокъ безъ участія сознатель-  
ной воли человѣка можетъ завянуть и перестать цвѣсти и  
струить свой ароматъ.

Какимъ образомъ изъ этой природной естественной нрав-  
ственности возникаетъ нравственность, служащая выраже-  
ніемъ сознательной воли человѣка? Какимъ образомъ цвѣ-  
токъ обращается въ плодъ, приносить сѣмя и изъ этого сѣ-  
мени вырастаетъ пышное дерево? Нельзя ли намѣтить хотя  
въ общихъ чертахъ послѣдовательныя стадіи въ этомъ про-  
цессѣ?

Условіемъ для развитія высшей нравственности, сознательного чувства нравственной любви, обстоятельствомъ, которое съ необходимостью требуетъ этого развитія, является то, что никакой инстинктъ, никакое влечение, никакое чувство не могутъ дѣйствовать всегда и при всѣхъ условіяхъ безошибочно. Наоборотъ, предоставленные самимъ себѣ, они направляются часто по ложному пути, на которомъ вмѣсто удовлетворенія имъ приходится терпѣть разочарованія. Всякое влечение можетъ дѣйствовать самопроизвольно только въ томъ случаѣ, если остается неизмѣнной окружающая среда, окружающая условия жизни, тогда можно положиться на самопроизвольное разряженіе влечения въ дѣйствіи и быть увѣреннымъ въ томъ, что оно пойдетъ по правильному пути, связанному съ его удовлетвореніемъ. Но если среда и условия жизни или обстоятельства рѣзко измѣняются или уклоняются отъ обычнаго и влечение не имѣло или не имѣетъ возможности само по себѣ непосредственно приспособиться къ этой измѣненной совокупности обстоятельствъ, тогда должны быть пущены въ ходъ другія психическая силы. Влечение, которое нѣсколько разъ, устремляясь по обычной дорогѣ, осталось неудовлетвореннымъ, приведетъ въ дѣйствіе нашъ интеллектъ и нашу волю и вмѣшательство этихъ силъ поведеть къ измѣненію и самого характера влечения. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ въ частности то влечение, которое мы назвали активной симпатіей. Это чувство въ его непосредственной формѣ побуждаетъ насъ прямо и немедленно выполнять то, что приносить облегченіе страданіямъ другого или что доставляетъ ему удовольствіе. Но очень скоро приходится убѣдиться, что такое непосредственное обнаруженіе чувства симпатіи во многихъ случаяхъ можетъ оказываться ошибочнымъ. Иногда, стремясь къ облегченію страданій другого и къ доставленію ему тѣхъ или другихъ удовольствій, мы вмѣсто пользы приносимъ ему вредъ. Во имя болѣе разумно понятой симпатіи приходится иногда сдерживать проявленія своей естественной симпатіи. Непосредственная доброта, напр., можетъ насъ побуждать къ тому, что мы будемъ давать какому-нибудь пьяницѣ деньги на выпивку, видя, какъ онъ мучается жа-

ждою выпить, но, представивъ себѣ всѣ тѣ послѣдствія, кото-  
рыя будуть имѣть подобный образъ дѣйствій, мы воздер-  
жимся отъ проявленія подобной доброты и постараемся  
найти для нея другой болѣе цѣлесообразный выходъ.

Вмѣшательство интеллекта и воли является необходимымъ не только въ виду того, что наши влеченія могутъ получить неправильныя формы удовлетворенія, что поведетъ къ разочарованію, но также еще и потому, что между самими влеченіями можетъ итти борьба. Такъ нашему влече-  
нію къ активной симпатіи приходится отстаивать себя отъ другихъ нашихъ эгоистическихъ влеченій, идущихъ съ нимъ въ разрѣзъ, а для этого опять-таки необходимо участіе ин-  
теллекта и сознательной воли.

Такимъ образомъ, только при участіи интеллекта и со-  
знательной воли и благодаря развитію этихъ силъ въ нась  
природная нравственность, свойственная намъ, можетъ при-  
нять высшія формы. Каковы будутъ первыя измѣненія, ко-  
торымъ подвергнется вслѣдствіе этого природная нравствен-  
ность? Вместо того, чтобы слѣдовать прямо и непосред-  
ственно первому побужденію чувства симпатіи, личность  
будетъ контролировать это чувство размышеніемъ. Во имя  
высшей и болѣе широкой симпатіи личность будетъ сдержи-  
вать въ себѣ порывы болѣе узкой и низшей симпатіи. Раз-  
мышеніе, если оно вызывается самимъ чувствомъ симпа-  
тии, не ведеть къ уничтоженію и ослабленію послѣдняго, а  
напротивъ того только къ расширенію и углубленію этого  
чувства. Конечно, слѣдуетъ только заботиться о томъ, что-  
бы размышеніе имѣло мѣсто заблаговременно и чтобы  
тогда, когда нужно немедленно дѣйствовать, у нась былъ бы  
уже готовый отвѣтъ, какъ именно мы должны поступить въ  
данномъ случаѣ. Когда приходится дѣйствовать, то поздно  
уже размышлять, надо пользоваться тѣми результатами ра-  
боты нашей мысли, которые уже были получены нами пред-  
варительно.

Такимъ образомъ, для того, чтобы изъ того непосред-  
ственного чувства симпатіи, которое намъ дано отъ приро-  
ды, могла развиться высшая нравственность, сознательное  
чувство нравственной любви къ человѣчеству, требуется,

чтобы это чувство было постепенно расширяемо и углубляемо въ возможно большихъ предѣлахъ. Условія для этого расширенія доставляетъ растущая въ нась способность представления, предвидѣнія, однимъ словомъ, развитіе интеллекта. На первой ступени человѣкъ представляеть ясно только то непосредственное состояніе даннаго лица, которое у него передъ глазами и это непосредственное состояніе служить и импульсомъ къ его дѣятельности. Онъ видить страданіе и это видимое имъ страданіе побуждаетъ его къ тому или другому образу дѣйствій для облегченія его. Въ дальнѣйшемъ развитіи чувства симпатіи мотивомъ является не только то, что человѣкъ видить непосредственно, что находится, такъ сказать, передъ его глазами, но и то, что онъ представляеть себѣ. Не только известный эпизодъ изъ жизни данной личности, случайно подмѣченный нами, опредѣляетъ нашъ поступокъ, но и представленіе о дальнѣйшей жизни этой личности, а также, быть можетъ, и представленіе о жизни тѣхъ личностей, съ которыми жизнь данной личности связана. Наконецъ, симпатія достигаетъ такой формы, когда опредѣляющимъ моментомъ въ ней является, кроме всѣхъ вышеперечисленныхъ, идея о нравственномъ развитіи всего человѣчества. И тогда она становится тѣмъ, что мы охарактеризовали выше, какъ чувство нравственной любви.

Если въ эмоциональномъ отношеніи развитіе чувства нравственной любви въ человѣкѣ имѣть своею исходною точкою симпатію, то въ волевомъ отношеніи оно связано тѣсно и неразрывно съ дѣятельностью человѣка. Нравственная любовь, активный альтруизмъ не могутъ развиться въ сколько-нибудь значительной степени безъ дѣятельности соответствующаго рода. Только дѣятельность, въ результатѣ которой получается улучшеніе жизни и существованія другихъ людей, можетъ развить теплое, любовное отношеніе къ этимъ людямъ, которое заставить нась забывать о своихъ материальныхъ интересахъ и безкорыстно трудиться на пользу ближняго. Надо прежде всего поставить ребенка въ необходимость дѣйствовать для другихъ. Такимъ образомъ у него разовыются активные нравственные чувства и активная нравственная воля. Ребенокъ, какъ и всякий живой организмъ, стремится

жить, расходовать свою энергию, расширять поле своей деятельности. Воспользуйтесь этою живою потребностью къ деятельности, направьте ее такимъ образомъ, чтобы въ результате дѣятельности ребенка получались какія-нибудь благотворные послѣдствія для другихъ людей, которыхъ онъ даже не имѣлъ въ виду, но которыхъ онъ случайно открываетъ въ качествѣ слѣдствій, вытекающихъ изъ его дѣятельности, и вотъ вамъ дана почва для развитія въ немъ чувства любви къ ближнему. Какъ это прекрасно показываетъ Рибо въ своей „Психології чувствованій“, доброжелательное чувство можетъ очень легко быть результатомъ случайности и совершенно не имѣть въ началѣ характера преднамѣренности. Какимъ образомъ это происходитъ, лучше всего можетъ объяснить приводимый имъ же примѣръ. „Человѣкъ“,—говорить онъ, нечаянно выливаетъ воду на растеніе, засыхавшее около его дома; на другой день онъ случайно замѣчаетъ, что оно начинаетъ зеленѣть, и уже намѣренно продѣлываетъ то же самое; это занимаетъ его чѣмъ дальше, тѣмъ больше, онъ начинаетъ любить это растеніе, и ему уже бы было непріятно его лишиться. Вотъ явленіе очень обыкновенное, и съ каждымъ человѣкомъ случалось что-нибудь подобное; это придаетъ ему въ нашихъ глазахъ еще большую цѣну, такъ какъ даетъ намъ возможность видѣть генезисъ занимающаго насъ чувства во всей его простотѣ. А если это можетъ случиться съ нимъ по отношенію къ растенію, то насколько легче предположить такое же явленіе по отношенію къ человѣку!“<sup>1)</sup>.

Итакъ то, что было сначала непреднамѣренно и вытекало изъ потребности дѣйствовать вообще, можетъ стать впослѣдствіи сознательной потребностью дѣйствовать и работать для блага другихъ. Начавшее такимъ образомъ разvиваться доброжелательное чувство къ другимъ людямъ приведетъ въ дѣйствіе и интеллектуальные силы ребенка, направить его умственный интересъ на жизнь людей, ихъ нужды, горести и стремленія, побудить его пріобрѣтать обо всемъ этомъ подробное и конкретное знаніе, что въ свою очередь поведетъ къ еще большему расширенію и углубле-

1) Т. Рибо. Психологія чувствованій, стр. 318.

нію его альтруистическихъ чувствованій и его дѣятельности направленной на благо другихъ людей. И такимъ образомъ, мало-по-малу путемъ собственной, самостоятельной, свободной дѣятельности ребенка, все болѣе расширяющейся вмѣстѣ съ ростомъ силъ въ немъ, создастся тотъ стойкій нравственный характеръ, который останется всегда твердымъ и непоколебимымъ, въ какую бы порочную среду ни пришлось попасть ребенку впослѣдствіи, когда онъ станетъ взрослымъ человѣкомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ же путемъ естественная симпатія къ людямъ разгорится въ его душѣ въ свѣтлое, яркое пламя нравственной любви къ человѣчеству, которое ровнымъ свѣтомъ будетъ горѣть въ теченіе всей его жизни и которое безсильны будутъ загасить злые метели и свирѣпые выюги метущейся и неустроенной жизни человѣчества.

---

## **Нужно ли обучать детей нравственности?**

Въ предыдущей статьѣ нами былъ сдѣланъ очеркъ тѣхъ основныхъ задачъ, которая слѣдуетъ ставить въ области нравственного воспитанія. Но мы оставили въ ней не освѣщен-нымъ одинъ вопросъ, который въ настоящее время пріобрѣтаетъ особенное значеніе, это—вопросъ объ обученіи дѣтей нрав-ственности. Нужно ли обучать дѣтей нравственности? Нужно ли преподавать имъ ту или другую опредѣленную систему морали? Составляеть ли обученіе нравственности въ этомъ смыслѣ одну изъ неотложныхъ задачъ нравственного воспи-танія? — вотъ вопросы, настоятельно требующіе своего раз-рѣшенія. За послѣднее время обнаруживается стремленіе отвѣтить на эти вопросы въ положительному смыслѣ. На Западѣ, напр., во Франціи, въ народныхъ школахъ даже проходится цѣлый курсъ морали, въ Германіи составляются цѣлые настольные руководства для родителей и воспитате-лей въ видахъ обученія дѣтей нравственности, обученія, ко-торое было бы независимо отъ тѣхъ или другихъ религіоз-ныхъ догмъ или метафизическихъ предположеній. Какъ на одно изъ такихъ руководствъ я могу, напр., указать на книгу Дёринга „Handbuch der menschlich-natürlichen Sittenlehre für Eltern und Erzieher“, подробное изложеніе которой въ свое время было дано мною въ „Педагогическомъ Листкѣ“ (1901 г., №№ 5, 6, 7, 8).

Вѣра въ мистику и сверхъестественное съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣеть, и скептицизмъ, который у боль-шинства людей съ течениемъ времени уноситъ эту вѣру, въ большинствѣ случаевъ грозить поколебать въ нихъ и нрав-ственныя убѣжденія, тѣсно связанныя въ обычной ходячей программѣ воспитанія съ вѣрой въ сверхъестественное. Этотъ

фактъ, который констатируется при наблюденіи современной общественной жизни, впушаетъ опасеніе за судьбу самой нравственности. Отсюда получаютъ свое начало попытки гарантировать молодое поколѣніе отъ нравственной гибели путемъ такого обученія его нравственности, которое не опиралось бы ни на какія мистическія и сверхъестественные предположенія, а было бы поставлено на свои собственные ноги.

Но при этомъ совершаются двѣ крупныя ошибки. Во первыхъ, преувеличивается значеніе обученія нравственности молодого поколѣнія въ дѣлѣ нравственного возрожденія человѣчества. Совершенно упускается изъ виду, что при отсутствіи другихъ мѣръ, болѣе существенныхъ и важныхъ, одинъ только путь обученія нравственности єдва ли приведетъ къ наибольшему подъему человѣчества въ нравственномъ отношеніи. А во-вторыхъ, при обученіи нравственности не столько имѣется въ виду содѣйствовать развитію въ дѣтяхъ того, что можетъ быть названо нравственностью въ истинномъ смыслѣ этого слова, сколько догматическимъ путемъ внушить имъ известныя правила ходячей нравственности, господствующей въ данномъ обществѣ. Такъ, что касается послѣдняго, то несостоятельность въ дѣлѣ нравственного воспитанія метода обученія дѣтей нравственности въ смыслѣ сообщенія имъ тѣхъ или другихъ ортодоксальныхъ взглядовъ ярче всего обнаруживается на примѣрѣ французской начальной школы. Л. Шейнисъ въ своей статьѣ „Буржуазная мораль для дѣтского обихода“, помѣщенной въ № 1 „Русского Богатства“ за 1900 годъ, находитъ на основаніи внимательного изученія офиціальныхъ программъ и инструкцій, касающихся преподаванія морали во французскихъ начальныхъ школахъ, близкаго знакомства со всѣми сколько-нибудь употребительными во французскихъ школахъ учебниками по нравственности и личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ посѣщенія этихъ школъ, „что преподаваніе этики, какъ оно поставлено во французскихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не только не соответствуетъ здравымъ воспитательнымъ цѣлямъ, но часто идетъ прямо въ разрѣзъ съ ними (стр. 3). По мнѣнію Шейниса, юридическія нормы и этическія формулы относительны, но представители

современной буржуазіи считаютъ такой взглядъ ересью и склонны разрѣшать вопросы о добрѣ и злѣ съ прямолинейностью, рѣзко разграничивая оба эти понятія китайскою стѣною предразсудковъ. Подобную-то буржуазно-прямолинейную мораль преподносить своимъ воспитанникамъ французская начальная школа. Утрировка, представляющая отличительную черту этой „морали“ безжалостно искажаетъ все содержаніе этики. Такъ эта утрировка разумную любовь къ родинѣ превращаетъ въ кичливое національное самохвальство, въ драчливый націонализмъ и пошлый шовинизмъ. Въ однѣомъ изъ учебниковъ, напр., доказывается, „что книжка сберегательной кассы есть свидѣтельство о нравственности и трудолюбії“ (стр. 13). Но главнымъ зломъ этой морали является проводимый ею повсюду въ самой грубой формѣ принципъ утилитаризма. „Преміи и награды за хорошее поведеніе съ одной стороны, боязнь жандарма и диспепсіи—съ другой—вотъ краеугольные камни, на которыхъ зиждется все зданіе буржуазной морали для дѣтей, преподносимой имъ во французскихъ начальныхъ школахъ“. „Этическій элементъ здѣсь въ сущности играетъ третьюстепенную роль, а на первомъ планѣ стоитъ житейская мудрость, пресловутое *savoir-faire* и *savoir-vivre*“ (стр. 15).

Такимъ образомъ, французская школа даетъ намъ наглядный примѣръ, во что вырождается на практикѣ обученіе дѣтей нравственности и какъ въ дѣйствительности это обученіе стоитъ далеко отъ истинной и настоящей нравственности. При подобномъ обученіи нравственности достигаются результаты, прямо противоположные тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣлись или могутъ имѣться при этомъ въ виду. Но не только при подобномъ, а и при всякомъ обученіи дѣтей морали, задающемся цѣлью внѣдрить въ ихъ сознаніе тотъ или другой опредѣленный кодексъ моральныхъ предписаній, получается то же самое, потому что по самой своей природѣ нравственность есть нечто такое, чему нельзя обучать, но что можетъ быть добыто и достигнуто только путемъ собственной самостоятельной творческой работы личности.

Никакой доктринальный курсъ морали, какъ бы хорошо онъ ни былъ составленъ и какъ бы убѣжденно онъ ни до-

казывалъ ребенку необходимость поступать нравственно, не можетъ еще самъ по себѣ направить волю ребенка на путь нравственной творческой дѣятельности, не можетъ, вообще говоря, создать въ немъ нравственную волю. Нравственная воля вырабатывается главнымъ образомъ не благодаря тому, что ребенокъ прослушаетъ курсъ морали, доказывающій ему необходимость рѣшиться сдѣлаться нравственнымъ человѣкомъ, она вырабатывается путемъ дѣятельности. Надо помѣстить ребенка въ такія условія, чтобы ему приходилось дѣйствовать нравственно, и это его скорѣе поставитъ на путь нравственности, чѣмъ какой бы то ни былъ курсъ морали, прослушанный имъ. Подобный курсъ морали можетъ имѣть только дополнительное значеніе въ системѣ тѣхъ мѣръ, которыя мы предпринимаемъ, чтобы вызвать и сдѣлать необходимымъ нравственное дѣйствіе со стороны ребенка. Самый важный вопросъ въ дѣлѣ нравственного воспитанія это создать такую обстановку, такую среду вокругъ ребенка, въ которой его естественная потребность въ дѣятельности могла бы быть затрачена на нравственные цѣли цѣликомъ и безъ остатка, которая совершенно исключала бы возможность направить ее въ какую-либо другую сторону. Надо, чтобы окружающая ребенка среда была такого рода, чтобы она постоянно и систематически доставляла дѣтямъ матеріаль и открывала просторъ для ихъ нравственной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ долженъ быть преобразованъ какъ строй семейной жизни, такъ и строй школы. А строй семейной и школьной жизни можетъ быть преобразованъ въ сколько-нибудь значительной степени только тогда, когда преобразуется и строй общественной жизни. И этими путями мы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ спасемъ въ молодомъ поколѣніи нравственность, чѣмъ путемъ обученія дѣтей въ семье или школѣ той или другой ортодоксальной системѣ нравственныхъ воззрѣній.

Причины ненормальной постановки нравственного воспитанія въ настоящее время и тѣ плачевые результаты, къ которымъ оно приводить, коренятся въ самомъ складѣ современного общества, современныхъ общественныхъ формъ и учрежденій. Современному обществу не нужны люди, пол-

ные энтузиазма и глубокой безграничной вѣры въ нравственный идеалъ, люди твердыхъ и стойкихъ самостоятельныхъ нравственныхъ убѣжденій; такіе люди не находять въ немъ себѣ поддержки, ихъ гонятъ, преслѣдуютъ, они часто истощаютъ свои силы въ бесплодной борьбѣ съ общественными предразсудками и несправедливостями и прежде времени гибнутъ. Современное общество не поддерживаетъ этихъ великихъ творцовъ будущаго, въ которыхъ находять свое выражение высшія творческія силы, свойственные человѣку. Ему нужны не столько люди, сколько автоматы, которые каждый на свое мѣсто исполняли бы съ неуклонною точностью машины наложенные на нихъ извнѣ обязанности. Вотъ почему и нравственное воспитаніе въ настоящее время основано на выработкѣ тѣхъ или иныхъ привычекъ и навыковъ, на привитіи дѣтямъ путемъ наставленій и обученія ихъ нравственности тѣхъ или другихъ привычныхъ взглядовъ, соответствующихъ кодексу морали, господствующему въ современномъ обществѣ, а не на развитіи въ нихъ творческихъ силъ и способностей, вдохновляемыхъ безграничною вѣрою въ нравственный идеалъ, созданный собственною самостоятельною творческою мыслью.

Родители и воспитатели, стремящіеся путемъ наставленія и уроковъ морали развить въ своихъ дѣтяхъ или воспитанникахъ безпредѣльную любовь къ нравственному идеалу, хотя бы и понимаемому въ ихъ смыслѣ, часто не сознавая того, впадаютъ въ самое поразительное и чудовищное лицемѣріе и противорѣчіе. Какую же любовь къ нравственному идеалу могутъ развивать воспитатели и родители въ своихъ дѣтяхъ, если они сами охвачены глубокимъ равнолушіемъ къ нему, если они въ своей жизни и дѣятельности являются не созидателями лучшаго, болѣе совершенного порядка вещей, а тѣми колесиками громаднаго механизма, которая, пущенные въ ходъ чужою рукою, имѣютъ своей задачей поддерживать дѣятельность этого механизма въ неизмѣненномъ видѣ. Такая любовь къ нравственному идеалу разовьется въ будущемъ поколѣніи при томъ только условіи, если повысится общій тонъ соціальной жизни, если измѣнится ея колоритъ и содержаніе. Надо поэтому особенно

настаивать на необходимости для родителей и воспитателей способствовать осуществлению этой посльдней задачи, потому что только этимъ путемъ сдѣляется возможной и осуществимой и постановка иныхъ болѣе высокихъ цѣлей для нравственного воспитанія, а не путемъ лицемѣрныхъ нравственныхъ наставлений въ семье и не менѣе лицемѣрныхъ уроковъ морали въ школѣ, причемъ почти никакихъ усилий не прилагается къ тому, чтобы поднять строй и той, и другой хоть сколько-нибудь въ нравственномъ отношеніи.

Но допустимъ, что и въ семье, и въ школѣ, и въ общественной жизни будетъ дѣлаться все, что только необходимо, для поднятія какъ можно выше ихъ нравственного уровня, спрашивается, допустимо ли и при этомъ предложеніи обученіе дѣтей нравственности въ томъ смыслѣ, въ какомъ берется это слово обычно, т.-е. въ смыслѣ привитія дѣтямъ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ нравственныхъ воззрѣній. Едва ли,—даже и при этомъ предположеніи, роль воспитателей должна заключаться не столько въ сообщеніи дѣтямъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ воззрѣній и въ стремлениі внѣдритъ въ ихъ сознаніе тотъ или другой нравственный идеалъ, сколько въ стремлениі доставить имъ возможно болѣе полный и широкій матеріалъ, пользуясь которымъ они могли бы путемъ самостоятельного творчества выработать свой собственный нравственный идеалъ.

Въ области морали надо стать на болѣе широкую объективную точку зрењія, независимую отъ тѣхъ или другихъ субъективныхъ взглядовъ воспитателя на нравственность. Такую широкую объективную точку зрењія даетъ намъ принципъ гармоніи цѣлей, въ качествѣ высшаго принципа нравственности. Этотъ высшій принципъ, какъ это показано было въ предыдущихъ статьяхъ, сводится не къ чему иному, какъ къ требованію, вытекающему изъ самой природы нашей воли, стремиться къ установленію гармоніи между всѣми цѣлями нашей жизни; при чемъ самая система цѣлей постепенно все болѣе и болѣе расширяется. Каждая цѣль, взятая изолированно отъ другихъ цѣлей нашей жизни, не имѣть нравственного значенія и пріобрѣтаетъ его только тогда, когда при ея постановкѣ принята во вниманіе вся сово-

купность жизненныхъ цѣлей. Выхваченная изъ цѣлаго и виѣ гармонической связи съ нимъ, она лишена всякаго нравственного характера: каждая цѣль пріобрѣтаетъ нравственный или безнравственный характеръ въ зависимости отъ того мѣста, которое она занимаетъ въ общей системѣ цѣлей. Это объясняетъ намъ одновременно и измѣнчивый и постоянный характеръ нравственности: нравственность измѣняется съ теченіемъ времени, она различна у различныхъ народовъ, даже болѣе того — у различныхъ людей. Да иначе и быть не можетъ: совокупность цѣлей, которыя преислѣдуются въ данное время и данными людьми, различна отъ той совокупности, которая преислѣдуется въ другое время и другими людьми, и эта совокупность непрерывно и постоянно измѣняется.

Правда, среди этихъ цѣлей есть нѣкоторыя, которыя не утрачиваютъ своего значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ присоединяются и новыя, а другія отпадаютъ совершенно. Совокупность цѣлей подлежитъ непрестанному измѣненію и различна отъ одной личности къ другой,—и въ этомъ заключается то, что нравственность содѣржитъ въ себѣ непостоянаго и измѣнчиваго. Но наряду съ этимъ остается и никогда не прекращается основная задача нравственности: внести, насколько возможно, гармонію въ эту постоянно колеблющійся и волнующійся міръ цѣлей. Каждый разъ эта задача решается по-разному, то въ болѣе узкихъ, то въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и эта задача остается вѣчной задачей какъ для отдельной личности, такъ и для всего человѣчества. Въ вѣчности и постоянствѣ ея лежитъ абсолютный характеръ нравственности и ея непреходящее значеніе.

Вотъ та точка зреїнія, съ которой должно бы было производиться доставленіе дѣтямъ необходимыхъ свѣдѣній въ области нравственности. При этой точкѣ зреїнія, ставящей дѣло нравственности на такую широкую и объективную почву, возможно было бы избѣгнуть вліянія всякой иной предвзятой точки зреїнія, всякаго догматизма и субъективизма; при этой только точкѣ зреїнія является полная возможность построить си-

стему нравственного воспитания, опираясь на самодѣятельность ребенка, на самостоятельную творческую работу его въ области мысли и практической дѣятельности.

Принципъ гармоніи цѣлей ставить наше въ области нравственности прямо на объективную почву: онъ требуетъ, чтобы мы брали тѣ цѣли, которыя преслѣдуются людьми, въ ихъ фактически данномъ разнообразіи. Онъ требуетъ прежде всего подробнаго и детальнаго описанія этихъ цѣлей, ихъ классификаціи, сравненія ихъ между собою, изслѣдованія ихъ взаимной зависимости и относительной цѣнности. Здѣсь мы исходимъ изъ области фактовъ, а не тѣхъ или другихъ произвольныхъ умозрительныхъ теорій обѣ этихъ фактахъ. А изслѣдованіе исторического развитія системы цѣлей, какъ личной жизни, такъ и общественной, даетъ намъ возможность намѣтить себѣ то направленіе, въ которомъ расширяется или можетъ расширяться эта система цѣлей. Такимъ образомъ, исходя изъ фактовъ, мы получаемъ возможность построить идеалъ. Идеаль здѣсь явится не оторваннымъ отъ дѣйствительности, а прямо и непосредственно выросшимъ изъ нея, не утопическимъ построеніемъ, созданнымъ произвольно фантазіею мыслителя, а необходимымъ выводомъ изъ реальной природы человѣка и человѣческаго общества и необходимыхъ законовъ ихъ развитія.

Дать ясное пониманіе этой природы человѣческой личности, а также природы общественной жизни, пониманіе законовъ развитія какъ индивидуальной жизни, такъ и общественной, значитъ дать дѣтямъ тотъ существенный матеріалъ, изъ котораго они будутъ въ состояніи путемъ творческой работы мысли построить свой нравственный идеалъ. Это будетъ важнѣе, чѣмъ дать имъ для изученія моральный катехизисъ и прочесть соответствующій этому катехизису курсъ такъ называемой морали. Въ области нравственности нѣтъ мѣста катехизисамъ. Нравственность должна быть творческимъ дѣломъ каждого или продуктомъ совмѣстной, но творческой работы,

иначе она утрачиваетъ характеръ нравственности, а нравственное воспитаніе становится дрессировкой, какія бы благородныя и привлекательныя формы эта дрессировка ни принимала. Дайте дѣтямъ въ руки моральный катехизисъ, и неизбѣжно получится нѣкоторый родъ нравственной дрессировки, хотя и въ смягченной формѣ. Моральный катехизисъ долженъ быть каждымъ ребенкомъ написанъ самимъ для себя, а не составленъ воспитателемъ по одному шаблону для всѣхъ дѣтей вообще, онъ долженъ быть плодомъ творческой мысли самого ребенка. Катехизировать нравственность для всѣхъ значитъ ее разрушать; можно катехизировать право, общественные обычаи, вообще все то, что налагается извнѣ на человѣка, но нельзя катехизировать нравственности, этого самаго интимнѣйшаго дѣла нашей души, въ которомъ должны быть вызваны къ дѣйствію всѣ высшія творческія способности человѣка.

Только самостоятельная творческая мысль подымаетъ насъ на высоту нравственности, и высшая задача воспитателя — будить ее въ ребенкѣ, а не давать ему шаблонныхъ готовыхъ формъ, — только такимъ путемъ онъ и достигнетъ выработки изъ ребенка истинно-нравственного существа. Въ основу обучения дѣтей нравственности должно быть положено систематическое критическое изслѣдованіе цѣлей человѣческой жизни, производимое самими дѣтьми, а не воспитателемъ за нихъ. Воспитатель здѣсь долженъ дать дѣтямъ только возможно большій фактическій материалъ для этой работы и направлять незамѣтнымъ образомъ для ребенка творческую работу его мысли на правильный путь, при чемъ наиболѣе важный и существенный материалъ долженъ быть черпаемъ изъ жизни самихъ дѣтей, такъ чтобы теоретическое разрѣшеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ нравственности было всегда тѣсно связано съ ихъ практическимъ примѣненіемъ въ жизни: та-

кимъ путемъ наряду съ расширенiemъ горизонта знанія въ области нравственности у ребенка будетъ также развиваться и крѣпнуть нравственная воля и нравственный характеръ.

Такимъ образомъ на поставленный нами въ началѣ этой статьи вопросъ о томъ, должно ли обучать дѣтей нравственности и составляетъ ли подобное обученіе одну изъ задачъ нравственного воспитанія, мы отвѣтимъ: обучать дѣтей нравственности въ смыслѣ преподаванія имъ той или другой опредѣленной системы нравственности, того или другого кодекса морали ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

Обученіе нравственности должно состоять только въ доставлениі дѣтямъ возможно болѣе богатаго и изобильнаго матеріала для свободной творческой ихъ работы надъ этимъ матеріаломъ въ цѣляхъ выработки самаго высокаго нравственного идеала, до котораго только можетъ подняться человѣческое творчество, если будетъ данъ полный просторъ для его свободного обнаруженія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нами было указано на важное значеніе, которое имѣеть въ дѣлѣ нравственного воспитанія окружающая ребенка среда, и на то, что всякое какое бы то ни было преподаваніе дѣтямъ нравственности можетъ быть плодотворно только въ томъ случаѣ, если окружающая ребенка среда такова, что она побуждаетъ ребенка дѣйствовать нравственно въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ и даетъ неисчерпаемый матеріалъ и просторъ для его нравственной дѣятельности. Обсужденію вопроса о значеніи среды, какъ фактора нравственного воспитанія и посвящена слѣдующая статья.

---

## **Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія<sup>1)</sup>.**

„Вышелъ сѣятель сѣять сѣмя свое; и когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ, и было потоптано, и птицы небесныя поклевали его. А иное упало на камень и взошедши засохло, потому что не имѣло влаги. А иное упало между терніемъ, и выросло терніе, и заглушило его. А иное упало на добрую землю и взошедши принесло плодъ сторичный“.

*Евангелие отъ Луки. Глава VIII, 5—8.*

Какъ часто приходится слышать о дурныхъ въ нравственномъ отношеніи дѣтяхъ у идеально хорошихъ и образцовыхъ родителей, которые всю душу свою положили на воспитаніе ихъ, не жалѣя для этого ни времени, ни труда, строго обдуманно и систематически примѣняя къ нимъ разные цѣлесообразные пріемы и методы, рекомендуемые современной педагогикой. Враги всякаго систематического воспитанія обыкновенно съ торжествомъ указываютъ на подобнаго рода факты и говорятъ: „Стоитъ ли тратить столько усилий для того, чтобы получить такие отрицательные результаты. Представьте все самопроизвольному течению жизни и, повѣрьте, что въ итогѣ получится несравненно лучшее, чѣмъ если вы будете вторгаться въ дѣло воспитанія съ самыми совершенными и великолѣпными педагогическими планами. Чѣмъ меньше мудрить, тѣмъ лучше, тѣмъ больше шансовъ раз-

---

1) Статья эта была напечатана въ №№ 1, 2, 3, 4 и 5 — 6 журнала „Образованіе“ за 1900 годъ.

считывать на то, что изъ вашего воспитанника выйдетъ что-нибудь путное"...

Враги всякихъ системъ воспитанія упускаютъ при этомъ изъ виду только одно, что никто еще до сихъ поръ не производилъ сравнительной статистики результатовъ того или другого образа дѣйствій въ области воспитанія, и если бы такое сравненіе и было произведено, то, быть можетъ, оно оказалось бы не въ пользу теоріи самопроизвольнаго воспитанія. Тогда бы и обнаружилось, какъ много нравственно-испорченныхъ дѣтей создается именно этимъ путемъ абсолютнаго невмѣшательства въ дѣло воспитанія, когда родители и воспитатели предоставляютъ дѣйствовать на ребенка всякой случайной совокупности обстоятельствъ.

Фактъ, что у хорошихъ людей, озабоченныхъ участю своихъ дѣтей, несмотря на рядъ примѣняемыхъ ими систематическихъ мѣръ, рекомендуемыхъ современной педагогіей, получаются подчасъ очень плачевые результаты, долженъ бы наводить насъ на совершенно другія мысли. Быть можетъ, тутъ виновато то обстоятельство, что плохо примѣняется самая система. А можетъ быть, что еще болѣе вѣроятно, и система воспитанія не совсѣмъ правильна, не считается со всѣми факторами, имѣющими значеніе въ этомъ дѣлѣ, или, во всякомъ случаѣ, не отводить имъ должнаго мѣста и, быть можетъ, она почти совсѣмъ оставляетъ въ тѣни одинъ могущественный факторъ, непринятіе въ разсчетъ котораго грозить разрушить все тщательно воздвигаемое педагогомъ зданіе.

Да, такой могущественный факторъ дѣйствительно существуетъ, это — соціальная среда, окружающая ребенка. Съ этимъ факторомъ необходимо считаться; непринятіе его въ расчетъ часто и дѣлаетъ столь сомнительными всѣ усилия самыхъ лучшихъ и образцовыхъ воспитателей. Педагогику ставятъ въ самую тѣсную связь съ психологіей. И это справедливо. Психологія составляетъ самую главную науку, лежащую въ основѣ педагогики, такъ какъ послѣдняя существеннымъ образомъ представляетъ пе что иное, какъ практическое примѣненіе тѣхъ законовъ душевнаго развитія, которые намъ открываетъ первая. Но одной ногой педагогика соприкасается съ біологіей — ей приходится, напр., считаться

сь законами наслѣдственности и физіологического развитія, которая намъ формулируетъ біологія, а другой—она соприкасается съ соціологіей, имѣющей дѣло съ общественной средой и взаимодѣйствіемъ, которое существуетъ между этой средой и индивидуумомъ. Педагогика, будучи существеннымъ образомъ построена на психологіи, имѣть свою біологическую и соціологическую основу.

Только за послѣднее сравнительно недавнее время выдвигается вопросъ о вліяніи среды, какъ факторѣ нравственного воспитанія. Мы не хотимъ, впрочемъ, этимъ сказать, чтобы и раньше упомянутый вопросъ не подвергался обсужденію. Давно уже раздаются рѣчи о томъ, какъ среда заѣдаетъ людей, какъ она губить и калѣчить молодыя созрѣвающія силы, какъ вмѣсто того, чтобы направлять ихъ къ добру, къ свѣту знанія, къ плодотворной работѣ на пользу своего народа и человѣчества,—она дѣлаетъ изъ нихъ человѣконенавистниковъ, самыхъ твердыхъ столповъ и устоевъ „темнаго царства“ произвола, невѣжества и беззастѣнчивой эксплоатации одного человѣка другимъ. Но все это ограничивалось только констатированіемъ фактовъ и анализомъ ихъ,—самый же вопросъ о вліяніи среды на отдѣльную личность далеко еще не былъ поставленъ на научную почву. Научная постановка его только еще намѣщается; она становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возможной, благодаря тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлали и продолжаютъ дѣлать психологія, этика и соціальные науки.

Этотъ вопросъ представляетъ особенно важное значеніе для педагога, озабоченнаго тѣмъ, чтобы воспитать здоровое въ нравственномъ отношеніи поколѣніе. Ему болѣе чѣмъ кому бы то ни было необходимо разобраться здѣсь и уяснить себѣ тотъ процессъ, какимъ среда, дѣйствующая на ребенка непрерывно съ момента его рожденія и до зрѣлаго возраста, вліяетъ на сформированіе послѣдняго въ нравственномъ отношеніи. Быть можетъ, когда онъ въ достаточной мѣрѣ углубится въ затрагиваемый нами вопросъ, онъ увидитъ и пойметъ, какъ много важныхъ обязанностей онъ упустилъ изъ виду, обязанностей, которая ложатся на него, какъ на воспитателя будущихъ поколѣній, и которая необходимо вытека-

ють изъ упомянутаго нами факта вліянія среды на нравственное развитіе человѣка.

Мы хотимъ здѣсь высказать нѣсколько соображеній по этому поводу, но отнюдь не претендуетъ на исчерпывающее освѣщеніе такого сложнаго вопроса,—для полнаго разрѣшенія котораго понадобится соединенный трудъ многихъ лицъ, располагающихъ въ общей суммѣ громаднымъ запасомъ самыхъ разностороннихъ знаній. Если наша работа послужить толчкомъ къ подобной коллективной работе, если она побудить высказаться тѣхъ, кто обладаетъ болѣе полнымъ и совершеннымъ знаніемъ, то лучше этого намъ не останется ничего и желать.

## I.

### **Важное значеніе внѣшнихъ впечатлѣній въ виду вліянія оказываемаго ими на волю.**

Каждое впечатлѣніе, оказываемое на насть окружающей средой, такъ или иначе, но необходимо отражается въ концѣ концовъ и на нашей волѣ. Оно является не только тѣмъ материаломъ, который ложится въ основу умственного развитія, но и тѣмъ, который одновременно съ этимъ закладываетъ фундаментъ для всего послѣдующаго развитія нравственнаго. Такъ впечатлѣніе отъ предмета, обладающаго способностью удовлетворять ту или другую нашу потребность, даетъ толчокъ нашей волѣ въ направленіи къ обладанію этимъ предметомъ. Этотъ толчокъ, конечно, можетъ быть парализованъ другими одновременными впечатлѣніями и чувствами и самъ по себѣ, какъ единичный, весьма возможно что будетъ слабымъ. Но какъ бы слабъ онъ ни былъ, онъ существуетъ, и волѣ такъ или иначе быть данъ импульсъ къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи. Предположите теперь, что здѣсь получается не одно, а много однородныхъ впечатлѣній, дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же направленіи. Толчки, которые получаются отъ каждого изъ нихъ для воли, суммируются вмѣстѣ въ большую силу, и въ результатаѣ можетъ явиться поступокъ, въ которомъ человѣкъ, совершившій его, самъ потомъ будетъ раскаиваться. Часто и взрослый

бываетъ не въ состояній предохранитьъ себя отъ подобныхъ поступковъ, а что же можно требовать въ этихъ случаяхъ отъ ребенка. Но взрослый имѣть то преимущество передъ ребенкомъ, что воля его сложилась и приняла извѣстныя устойчивыя направленія, которыя внѣшнимъ впечатлѣніямъ часто очень трудно бываетъ опрокинуть,—воля же ребенка, напротивъ того, очень легко поддается вліянію этихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Вотъ почему то, что для взрослого сходить почти безъ всякихъ послѣдствій, для ребенка является безусловно гибельнымъ. „Если сильно вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній на взрослыхъ, говорить Эскиросъ, то какъ несравненно оно сильнѣе въ отношеніи дѣтей... Наши пороки и наши добродѣтели вполнѣ реальны, и тѣ и другіе развиваются подъ вліяніемъ тѣхъ предметовъ, которые непосредственно дѣйствуютъ на нихъ. Напр., жадность до извѣстной степени раздражается видомъ и запахомъ вкусныхъ кушаньевъ, ревность пробуждается звукомъ сладкихъ рѣчей и видомъ ласкъ, расточаемыхъ другимъ. Прежде всего слѣдуетъ изучить ребенка, а потомъ изгнать духа-соблазнителя, т.-е. материальныхъ агентовъ, которые, вліяя на его чувства, вызываютъ дурныя желанія. „Не вводите насъ во искушение!“ сколько людей имѣютъ это право сказать своимъ воспитателямъ“<sup>1)</sup>.

Устраненіе дѣтской души отъ вреднаго вліянія тѣхъ или другихъ впечатлѣній является безусловно необходимымъ, пока она еще не сформировалась, пока не пріобрѣла твердыхъ и хорошихъ навыковъ, пока не выработалась сознательная разумная воля. Это устраненіе отъ извѣстныхъ впечатлѣній играетъ роль и въ послѣдующую жизнь ребенка, когда характеръ его получить болѣе или менѣе опредѣленную физіономію, и даже въ теченіе всей жизни каждого человѣка, но никогда оно не имѣть такого значенія, какъ именно для первого дѣтства.

Подобное устраненіе себя или другого отъ извѣстныхъ впечатлѣній, скажутъ намъ, представляетъ искусственный пріемъ; но вѣдь воспитаніе и есть не что иное, какъ искус-

1) Эскиросъ. Эмиль XIX столѣтія, стр. 67, 68.

ство. Воспитывая ребенка, мы не хотимъ, чтобы онъ подвергался вліянію всѣхъ сторонъ данной среды, въ которой ему приходится жить. Мы знаемъ, что эта среда, съ заключающимися въ ней внушеніями, имѣемъ въ себѣ и дурныя и хорошія стороны, толкаетъ нашу волю въ направленіи нравственныхъ побужденій и въ направленіи, совершенно противоположномъ имъ. Мы стараемся путемъ критического анализа опредѣлить тѣ элементы среды, которые имѣютъ хорошее вліяніе на волю, и затѣмъ насколько это возможно, ставимъ ребенка подъ вліяніе этихъ элементовъ. Отдѣлить эти элементы фактически отъ дурныхъ сторонъ среды часто является совершенно невозможнымъ, и слѣдовательно, часто бываетъ невозможно избѣжать и вліянія этихъ послѣднихъ на дѣтскую душу. Но во всякомъ случаѣ воспитатель долженъ дѣлать все возможное, чтобы создать условія для наиболѣе плодотворного и прочного вліянія хорошихъ сторонъ среды. Болѣе того, онъ долженъ дѣлать все возможное, чтобы оздоровить самую среду, чтобы свести ея дурныя стороны къ минимуму, а если можно, то и совсѣмъ ихъ уничтожить.

Всѣ эти соображенія достаточно ясно показываютъ то важное значеніе, какое имѣеть вопросъ о средѣ, какъ факторѣ нравственного воспитанія. Разсмотримъ же теперь болѣе подробно, въ чёмъ выражается нравственно-воспитывающее вліяніе среды и что можетъ и должно быть сдѣлано въ смыслѣ болѣе благотворного значенія ея для подрастающихъ поколѣній.

## II.

### Что слѣдуетъ понимать подъ средою.

Мы собираемся говорить съ читателемъ о средѣ, какъ факторѣ нравственного воспитанія, и вотъ первый вопросъ, который въ насъ рождается, это — что мы должны подразумѣвать подъ средою. Естественный отвѣтъ, самъ собою представляющійся при этомъ, будетъ, повидимому, заключаться въ слѣдующемъ: среда это — все то, что находится внѣ данного индивидуума, что его окружаетъ, среди чего онъ живетъ. Въ

этомъ смыслѣ пришлось бы назвать средою весь виѣшнїй міръ, всю вселенную. И это въ извѣстной мѣрѣ будетъ спра-ведливо. Но мы хотимъ здѣсь взять понятіе среды не въ этомъ широкомъ, а въ болѣе узкомъ смыслѣ.

Въ этомъ смыслѣ подъ средою слѣдуетъ понимать не все то, что находится виѣ даннаго индивидуума, а только то, что такъ или иначе, прямо или косвенно, на него воздѣйствуетъ. Для каждого существуетъ своя среда, которая оказываетъ на него вліяніе, и тамъ, гдѣ кончается виѣшнное воздѣйствіе, тамъ даны и предѣлы среды, окружающей индивидуума. Возьмите двухъ людей, совершенно одинаковыхъ во всѣхъ отно-шеніяхъ и живущихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, слѣдова-тельно, окруженнныхъ одними и тѣми же предметами, но одинъ изъ нихъ слѣпой, а другой обладаетъ нормальнымъ зрѣніемъ,—очевидно, что для каждого изъ нихъ будетъ су-ществовать и совершенно различная среда. Такимъ образомъ, въ этомъ значеніи среда есть совокупность всѣхъ тѣхъ ма-теріальныхъ или психическихъ факторовъ, которые вліяютъ на жизнь данной личности. Все, что на нее не оказываетъ никакого вліянія, — все это и не является составнымъ элементомъ среды, ее окружающей. Описать среду, въ ко-торой живеть данная личность, значитъ перечислить въ систематическомъ порядке всѣ тѣ виѣшніе факторы, ко-торые опредѣляютъ ея жизнь, ея существованіе и физиче-ское и духовное развитіе. Но, приступая къ подобному опи-санію, мы скоро убѣждаемся, что далеко не всѣ факторы являются равноцѣнными по своему вліянію — одни имѣютъ для жизни данной личности большее значеніе, другіе — меньшее, а третыи играютъ и совсѣмъ ничтожную роль. И переходъ отъ факторовъ первого порядка къ послѣднимъ является со-вершенно неуловимымъ. Кромѣ того, одинъ и тотъ же факторъ можетъ имѣть совершенно различное значеніе, смотря по тому, въ связи съ какою стороною существованія личности мы его рассматриваемъ. Такъ, напримѣръ, онъ можетъ являться очень важнымъ для физического развитія личности и не имѣть почти никакого значенія въ смыслѣ ея нравственного совершенствованія.

Въ настоящей статьѣ насть занимаетъ вопросъ не о влі-

янії среды вообще, но о вліяніи среды, насколько ею обусловливается прогрессъ личности въ нравственномъ отношеніи. Мы не будемъ поэтому здѣсь касаться и того вліянія, которое среда оказываетъ на физическое, умственное или эмоциональное развитіе человѣка, а сосредоточимъ свое вниманіе исключительно только на тѣхъ составныхъ элементахъ среды, которые стоять въ той или другой причинной зависимости съ выработкой въ человѣкѣ нравственныхъ стремленій. Всѣ остальные стороны развитія личности и среда въ своемъ воздействиіи на послѣднія могутъ быть приняты нами въ расчетъ только въ той мѣрѣ, въ какой они стоять въ связи съ развитіемъ нравственнымъ.

Но прежде, чѣмъ идти дальше въ своемъ изслѣдованіи, мы должны постараться по возможности точно и ясно определить сущность и характеръ нравственного развитія. Выясненіе этого вопроса дастъ намъ возможность вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить себѣ и тѣ составные элементы среды, которые имѣютъ особенно важное значеніе въ дѣлѣ нравственного воспитанія.

### III.

#### Характеристика процесса нравственного развитія личности.

Нравственное развитіе отдельной личности есть фактъ очень сложный, потому что онъ охватываетъ собою не одну только какую-нибудь сторону душевной жизни личности, а всѣ стороны ея. Хотя нравственность и является главнымъ образомъ выражениемъ того или иного направленія воли, тѣмъ не менѣе она самыи тѣсныи образомъ связана и съ интеллектуальными процессами и съ душевными волненіями или чувствами. Воспитаніе въ ребенкѣ или вообще въ человѣкѣ нравственной воли предполагаетъ въ немъ съ одной стороны выработку и усвоеніе извѣстнаго круга нравственныхъ идей, съ другой—культивировку нравственныхъ чувствъ или эмоцій.

Совокупность всѣхъ нравственныхъ понятій данной личности образуетъ то, что можетъ быть названо ея нравственнымъ идеаломъ. Этотъ нравственный идеалъ или идею о

преображенной, улучшенной жизни личность противополагаетъ дѣйствительной, реальной жизни и стремится видоизмѣнить послѣднюю сообразно съ первымъ. Нравственный идеалъ всегда есть идеалъ жизни, только жизни болѣе полной, жизни лучшей, болѣе свѣтлой, находящейся на болѣе высокой ступени развитія. Являясь однимъ изъ факторовъ преобразованія жизни, онъ подобно остальнымъ элементамъ ея, тоже подлежитъ безпрестанному и непрѣрывному развитію, соотвѣтственно съ ростомъ и расширеніемъ жизненного опыта человѣка и пониманія имъ законовъ развитія общечеловѣческой и общеміровой жизни.

Жизнь развивается независимо отъ воли и желанія человѣка—таковъ естественный законъ, который намъ формулируетъ современная наука. А человѣкъ, какъ нравственное существо, стремится продолжить эту работу природы, онъ вносить въ нее мысль и свѣтъ, изъ бессознательного творчества стихійныхъ силъ онъ стремится сдѣлать ее сознательнымъ творческимъ дѣломъ отдѣльной личности или болѣе или менѣе широкой группы гармонически соединенныхъ между собою людей. Онъ начинаетъ только систематически и сознательно, а потому съ большимъ успѣхомъ, преслѣдоватъ то, что природа достигала до сихъ поръ бессознательно и стихійно и, слѣдовательно, съ громадной и непроизводительной растратой силъ, которая при другихъ условіяхъ могли бы быть утилизированы для прогресса жизни. Развитіе жизни какъ оно до сихъ поръ идетъ въ природѣ, прерывается часто шагами назадъ и покупается слишкомъ дорогую цѣною гибели многихъ живыхъ существъ въ борьбѣ за существованіе, въ которой выживаютъ только наиболѣе сильные, наиболѣе приспособленные къ той средѣ, гдѣ имъ приходится жить и развиваться. Человѣкъ, какъ нравственное существо, стремится сдѣлать это развитіе жизни всеобщимъ, распространяющимся на всѣ существа и прежде всего на всѣхъ людей, не терпящимъ никакихъ исключеній, касающимся всѣхъ сторонъ жизни и покупаемымъ не цѣною борьбы за существованіе и выживанія наиболѣе приспособленныхъ, а цѣною сознательной солидарной коллективной дѣятельности и поддержки всего слабаго и менѣе одаренного въ борьбѣ за жизнь.

„Чтобъ одного возвеличить, борьба  
Тысячи слабыхъ уноситъ—  
Даромъ ничто не дается:—судьба  
Жертвъ искупительныхъ просигъ“...<sup>1)</sup>

Такъ рисуетъ намъ поэтъ слѣпой естественный законъ природы, законъ безумной расточительности, растраты силь. Человѣкъ стремится замѣнить этотъ законъ болѣе высокимъ, сознательнымъ, нравственнымъ закономъ разумной экономіи силь, недопускающимъ, чтобы хотя одна жизнь, какъ бы слаба и ничтожна она ни была, пропадала безплодно для всеобщаго прогресса.

Такимъ образомъ, сознательное, разумное содѣйствие всеобщему и систематическому развитію жизни въ мірѣ, увеличенію ея общей суммы, напряженности, полноты и совершенства—составляетъ сущность и содержаніе нравственнаго идеала. Нравственный идеалъ прежде всего требуетъ, чтобы личность перестала противополагать себя міру, перестала смотрѣть на мірѣ, какъ на нѣчто ей враждебное, находящееся съ ней въ антагонизмѣ, чтобы, напротивъ того, она научилась разматривать мірѣ, какъ одно изъ условій своего существованія и полнаго развитія, и научилась бы равнымъ образомъ смотрѣть на себя, какъ на одно изъ условій существованія и развитія самого міра. Только въ той мѣрѣ, въ какой индивидуальная личность признаетъ и сознательно воплощаетъ въ своихъ поступкахъ эту идею цѣльности и гармоніи между собою и міромъ, только въ той мѣрѣ она и является истинно-нравственнымъ существомъ. Безнравственнымъ съ этой точки зрењія будетъ тотъ, кто сознательно, и теоретически и практически, противополагаетъ мірѣ своей личности и смотритъ на него, какъ на нѣчто себѣ чуждое, какъ на нѣчто, съ чѣмъ надо бороться и враждовать. Чѣмъ больше гармонія, которая существуетъ между личностью и міромъ, тѣмъ больше личность приближается къ типу нравственныхъ существъ.

Но степень достигнутой гармоніи зависитъ отъ той ступени развитія, на которой находится данная индивидуальная

---

<sup>1)</sup> Н. Некрасовъ. Стихотворенія.

личность, а также и отъ общихъ условій развитія міра, какъ цѣлаго, вообще. Развитіе міровой жизни, какъ намъ приходится наблюдать его въ настоящее время, далеко еще не достигло той ступени, когда можно было бы надѣяться хотя въ отдаленной степени на установленіе полной гармоніи между индивидуумомъ и всѣмъ міромъ: все, о чёмъ позволительно мечтать въ предѣлахъ нашего опыта, это—объ установлениі гармоніи между индивидуальной личностью и той частью міра, которая называется человѣчествомъ. Слѣдовательно, становясь на чисто практическую точку зре́нія, т.-е. имѣя въ виду ближайшую достижимую цѣль, мы можемъ сказать, что задача истинно нравственного существа въ настоящее время заключается въ установлениі возможно полной гармоніи между нимъ и человѣчествомъ, въ болѣе или менѣе совершенномъ объединеніи себя съ человѣчествомъ въ одно цѣлое. Если работа мысли индивидуальной личности, если переживаемыя ею чувства, если совершаемые ею поступки, вообще вся ея жизнь находится въ наиболѣе полной гармоніи съ развивающейся жизнью всего человѣчества, то эта личность тѣмъ самыемъ достигаетъ высшей возможной для данного времени ступени нравственности. Но гармонія между личностью и человѣчествомъ будетъ только въ томъ случаѣ, если личность своимъ существованіемъ и всею своею жизнью будетъ способствовать подъему жизни въ суммѣ, интенсивности и цѣнности во всемъ человѣчествѣ, если, однимъ словомъ, она станетъ однимъ изъ условій прогрессивнаго и всесторонняго развитія всего человѣческаго рода.

Итакъ, если въ настоящее время индивидуальная личность и не можетъ сказать, что она съ міромъ составляетъ одно гармоническое цѣлое, то она можетъ и должна во всякомъ случаѣ стремиться къ тому, чтобы составить подобное гармоническое цѣлое со всѣмъ человѣчествомъ, должна проникнуться этой великой идеей и стараться осуществить ее въ той мѣрѣ, въ какой возможно. Свѣтлый образъ объединеннаго и гармонически связанного внутри себя человѣчества, нераздѣльной частью котораго каждая личность является, долженъ быть для нея путеводной звѣздой; въ об-

щѣй работѣ со всѣмъ человѣчествомъ и для всего человѣчества личность, насколько она дѣйствительно стремится стать нравственной личностью, должна видѣть высшій смыслъ и значеніе своей жизни.

Такимъ образомъ мы пришли къ идеѣ работы личности для всего человѣчества, къ идеѣ, являющейся практически въ данное время высшимъ нравственнымъ идеаломъ. Идеалъ содѣйствія личности развитію всеобщей міровой жизни, или работы личности для всего міра, можетъ быть осуществленъ только тогда, когда все человѣчество дѣйствительно станетъ солидарнымъ цѣлымъ, когда внутри его прекратится всякая борьба человека съ человѣкомъ, какія бы утонченныя и скрытая формы она ни принимала—когда человѣчество образуетъ одну всеобщую кооперацію всѣхъ людей для всеобщаго взаимнаго развитія. Тогда объединенное человѣчество, достигнувъ гармоніи внутри себя, можетъ поставить своей задачей—установленіе гармоніи въ мірѣ, а пока міровая гармонія есть не болѣе какъ только свѣтлая поэтическая грѣза, продуктъ религіознаго или метафизического творчества. Мы оставимъ ее поэтому въ сторонѣ и обратимся къ анализу идеи работы личности для всего человѣчества. Посмотримъ, какія частныя производныя идеи могутъ быть выведены изъ этой общей и основной.

Прежде всего мы должны отмѣтить слѣдующее: работа личности для всего человѣчества только тогда дѣйствительно имѣть нравственный характеръ, когда она совершается сознательно и свободно, по естественному побужденію личности, а не въ силу какого бы то ни было явнаго или скрытаго принужденія. Только сознательная и свободная, но отнюдь не механическая и принудительная работа личности для человѣчества можетъ быть высшимъ нравственнымъ идеаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно показать, что только въ этомъ случаѣ жизнь и дѣятельность отдѣльной личности могутъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе для всего человѣчества, могутъ въ наибольшей степени способствовать приближенію того времени, когда все человѣчество станетъ дѣйствительно однимъ гармоническимъ цѣлымъ, однимъ со-

лидарнымъ союзомъ всѣхъ людей между собою. Вѣдь высшая солидарность и высшая гармонія, къ которой стремится въ конечномъ предѣлѣ все человѣчество, заключается въ сознательномъ соединеніи свободныхъ и независимыхъ личностей, но отнюдь не есть солидарность рабовъ, какія бы утонченныя формы это рабство ни принимало. Только подобного рода солидарность, т.-е. солидарность, основанная на сознательномъ и свободномъ стремленіи къ соединенію другъ съ другомъ связанныхъ между собою существъ, отличается прочностью и устойчивостью. Солидарность же и гармонія, въ основѣ которыхъ лежитъ та или другая форма явнаго или скрытаго принужденія, представляютъ только внѣшнюю гармонію, обусловленную тѣмъ или инымъ счастливымъ стечениемъ обстоятельствъ, и потому имѣютъ только временный и случайный характеръ. Прекращается это случайное сѣщеніе обстоятельствъ, и цѣлое, связанное только чисто внѣшимъ, принудительнымъ и механическимъ образомъ, естественно, само собою распадается на свои составные части.

Такимъ образомъ мы неизбѣжно приходимъ къ идеѣ свободной и независимой личности, развитіе жизни которой ничѣмъ не стѣсняется, которая можетъ безпрепятственно развивать всѣ свои силы и способности, можетъ расширять свою активность во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ и безъ конца увеличивать сферу ея приложенія. Чѣмъ личность свободнѣе отъ какихъ бы то ни было цѣпей, тѣмъ большее она значеніе получаетъ для развитія и подъема жизни во всемъ человѣчествѣ, для укрѣпленія и расширенія среди него солидарности и гармоніи. „Какъ біологически, такъ и соціологически“, говорить Гефдингъ, „свобода является имѣющимъ большое значеніе средствомъ прогресса“<sup>1)</sup>.

Но чѣмъ личность свободнѣе, чѣмъ болѣе она имѣеть возможности сознательно и цѣлесообразно развивать всѣ свои силы, дарованія и способности, тѣмъ болѣе она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣеть и возможности становиться совершенной лич-

---

<sup>1)</sup>) Г. Гефдингъ. Ученіе о принципахъ нравственности (публичные лекціи, читанныя въ цюрихскомъ университѣтѣ), стр. 45.

ностью. Отъ идеи о свободной личности мы неизбѣжно приходимъ къ идеѣ о совершенной личности. Только совершенный человѣкъ, всѣ силы и способности котораго достигли максимума возможнаго развитія, можетъ стать и наиболѣе совершеннымъ работникомъ въ дѣлѣ развитія солидарности среди человѣчества, можетъ въ наибольшей степени способствовать совершенствованію всего человѣчества, обращенію его въ одну всеобщую кооперацію всѣхъ людей для всеобщаго взаимнаго развитія, въ одно гармоническое, совершенное общество.

Совершенное общество и совершенный человѣкъ въ нерасторжимой, органической связи другъ съ другомъ—составляютъ нравственный идеалъ, выраженный въ его наиболѣе развитой формѣ, а высшее этическое предписаніе сводится въ концѣ концовъ къ слѣдующему: стремись стать наиболѣе совершенною во всѣхъ отношеніяхъ личностью, чтобы имѣть возможность въ наибольшей степени содѣйствовать осуществленію идеи совершенного человѣчества, совершенного общества. „Ты—часть великаго цѣлага, называемаго человѣчествомъ“, какъ бы говорить этическій идеалъ отдѣльной личности, „и высшій смыслъ твоей жизни, твоего развитія, твоего совершенствованія — въ наиболѣе плодотворной и успешной дѣятельности для этого цѣлага, въ работѣ тадѣ тѣмъ, чтобы оно становилось лучше, выше и совершеннѣе, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, чтобы оно воплощало въ своихъ общественныхъ учрежденіяхъ и въ формахъ своихъ общественныхъ отношеній больше правды и справедливости. Развивай себя, свои силы и способности для этой работы и при помощи этой работы; пусть ни одно твое дарованіе, какъ бы ничтожно оно ни было, не останется для нея неиспользованнымъ!.. въ ней высшій цвѣтъ и благоуханіе твоей жизни, безъ нея она за сохнетъ, завянеть, умалится и будетъ лишена всякаго смысла и значенія. Только сливъ себя съ человѣчествомъ, только сдѣлавъ его дѣло своимъ дѣломъ, дѣломъ всей своей жизни, ты и самъ, какъ личность, можешь достигнуть наибольшей возможной для тебя полноты развитія и совершенства; въ же человѣчества, отдѣльно отъ него, ты такъ же лишенъ

смысла и значенія, какъ растеніе—безъ земли, воды и воздуха. Человѣчество — это почва, на которой ты выросъ, благодаря которой ты развился и можешь продолжать развиваться все далѣе и далѣе; человѣчество—это тотъ воздухъ, которымъ ты дышишь и безъ которого духовно ты застыль бы и замеръ навѣки... Твой безкорыстный, самоотверженный трудъ для человѣчества можетъ только въ слабой ничтожной степени отплатить человѣчеству за то, чѣмъ ты ему обязанъ, и только при помощи этого труда твоя жизнь и твоя личность могутъ пріобрѣсти нравственную цѣнность и стать совершенными“...

Таковы въ общихъ чертахъ основныя нравственные идеи, до выработки которыхъ лучшая часть человѣчества достигла въ настоящее время.

Но нравственныхъ идей однѣхъ еще недостаточно для того, чтобы поставить человѣка на путь нравственной дѣятельности. Это доказывается существующими случаями „нравственной безчувственности“, известной подъ именами нравственного сумасшествія, импульсивного сумасшествія, инстинктивной мономаніи и др. Въ большинствѣ случаевъ подобного рода субъекты, пораженные этимъ недостаткомъ, „очень хорошо знаютъ правила морали, имѣютъ отвлеченое понятіе о добрѣ, злѣ и долгѣ, привитое имъ воспитаніемъ“, но „все это не имѣть на ихъ поведеніе никакого вліянія. У нихъ есть нравственные понятія, но нѣть нравственныхъ чувствованій, т.-е. предрасположенія къ известному образу дѣйствія и чувствованія“<sup>1)</sup>). Нравственный идеалъ для того, чтобы быть двигательной силой въ жизни человѣка, долженъ быть не только продуманъ, но и прочувствованъ, долженъ сводиться не только къ совокупности тѣхъ или другихъ идей, но долженъ опираться также на тѣ или другія нравственные чувства или эмоціи. Нравственный идеалъ, не одушевленный и не поддерживаемый нравственными чувствами, есть мертвая сила и не можетъ имѣть плодотворного значенія.

Каковы же тѣ нравственные чувствованія, которые должны быть культивируемы для того, чтобы нравственные идеи

<sup>1)</sup>) Т. Рибо. Психологія чувствованій, стр. 324.

могли действительно стать руководящими началами въ нашей жизни. Мы говоримъ нравственныя чувствованія, а не нравственное чувство, потому что, какъ это совершенно вѣрно замѣчаетъ Рибо, „нравственная эмоція очень сложна“, это— не простой актъ, а сумма стремленій, и подобно всѣмъ другимъ элементамъ психической жизни она подлежитъ развитію и совершенствованію или разложенію и упадку. Какъ всякое сложное чувство, нравственная эмоція не можетъ быть одинаковой у всѣхъ людей и на всѣхъ ступеняхъ развитія общественности <sup>1)</sup>). Въ нашу задачу не входитъ здѣсь подробное изложеніе генезиса нравственной эмоціи и всѣхъ постоянныхъ и переходящихъ элементовъ, которые она могла или можетъ заключать въ себѣ. Мы остановимся только на тѣхъ нравственныхъ чувствованіяхъ, какія предполагаетъ обрисованный нами высшій этическій идеалъ, до выработки котораго достигла наиболѣе развитая часть человѣчества въ настоящее время.

Ставя своею высшею задачею содѣйствіе развитію жизни и подъему ея въ своей цѣнности у всѣхъ живыхъ существъ, способныхъ къ подобному развитію, взятыхъ ли каждое въ отдѣльности или въ своихъ соціальныхъ сочетаніяхъ другъ съ другомъ, — высшій нравственный идеалъ предполагаетъ прежде всего безграницную любовь къ жизни, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась, или, вѣрнѣе, къ развитію жизни къ ея подъему въ своей интенсивности, широтѣ и цѣльности. Любить жизнь во всѣхъ ея обнаруженіяхъ, гдѣ она намъ является, какъ развитіе, какъ поднятіе съ низшей ступени на высшую, какъ свободная активность, какъ неутомимая дѣятельность, ведущая личность все впередъ и впередъ, какъ все возрастающая въ своей широтѣ гармонія, какъ объединеніе и солидарность, захватывающія все болѣе широкій кругъ существъ и сливающія ихъ со все большаго числа сторонъ,—вотъ общее основное чувство, которое构成ляетъ подкладку этическаго идеала.

Въ своей самой высшей формѣ, которую мы только можемъ себѣ представить, это чувство охватываетъ собою раз-

<sup>1)</sup> Т. Рибо. Психологія чувствованій, стр. 324, 325.

вивающуюся жизнь всего міра, взятаго, какъ цѣлое, и такимъ образомъ въ конечномъ своемъ предѣлѣ является не чѣмъ инымъ, какъ „любовью къ міру“, другими словами, тѣмъ чувствомъ, въ которомъ личность духовно сливается со всѣмъ міромъ въ одно гармоническое цѣлое. Но достигнетъ ли когда-нибудь любовь къ жизни этой предѣльной своей формы, наступить ли когда-нибудь такое время, когда личность дѣйствительно будетъ въ состояніи составить со всѣмъ міромъ одно гармоническое цѣлое,—этого мы сказать не можемъ. Быть можетъ, это—тотъ предѣлъ, къ которому развитіе будетъ безконечно приближаться все болѣе и болѣе, никогда однако его не достигая вполнѣ. Во всякомъ случаѣ можно сказать только одно, что до тѣхъ поръ, пока закономъ міровой жизни будетъ являться антагонизмъ силъ и интересовъ и борьба за существованіе во всѣхъ ея видахъ, до тѣхъ поръ и любовь къ жизни не будетъ въ состояніи принять такого широкаго характера. Чтобы она могла охватить собою весь міръ, для этого надо, чтобы этотъ нестройный и хаотическій міръ отъ антагонизма и борьбы силъ перешелъ къ ихъ коопераціи и гармоніи, чтобы все, что мы только находимъ въ мірѣ, способствовало великой цѣли всеобщаго развитія жизни. Но міровую гармонію отдѣльный, изолированный человѣкъ безсиленъ осуществить; если она когда-нибудь и станетъ дѣйствительнымъ фактъ, то это можетъ быть во всякомъ случаѣ только дѣломъ всего объединенного человѣчества, планомѣрныя, систематическая усилия котораго только и въ состояніи создать что-нибудь дѣйствительно великое. На пути къ осуществленію міровой гармоніи, составляющей скорѣе метафизическую грезу, предстоитъ пройти еще одни ворота: прежде всего должна быть достигнута и осуществлена гармонія среди человѣчества, прежде всего изъ его жизни должны быть устраниены всякие слѣды конкуренціи и борьбы за существованіе и человѣчество объединено въ одну всеобщую кооперацію сознательныхъ, самобытныхъ и свободныхъ личностей. Раньше, слѣдовательно, чѣмъ любовь къ жизни приметъ такой широкій и всеобъемлющий характеръ, что станетъ любовью къ міру, она должна въ своемъ развитіи принять еще другую менѣе широкую, ча-

стную и переходную форму, она должна стать любовью къ человѣчеству, къ всестороннему и полному развитію обще-человѣческой жизни. Любовь къ человѣчеству—вотъ та форма любви къ жизни, которую надо культивировать въ настоящее время, вотъ то чувство, которое должно составить опорную точку для реализаціи высшаго нравственнаго идеала въ томъ видѣ, какъ онъ очерченъ былъ нами выше.

Но тутъ передъ нами возникаетъ слѣдующій важный вопросъ, на который мы уже натолкнулись, говоря о любви къ міру. Мы видѣли тамъ, что любовь къ міру не можетъ возникнуть и развиться до тѣхъ поръ, пока міръ представляеть нечто нестройное, хаотическое, пока закономъ его жизни является антагонизмъ силъ и борьба за существованіе во всѣхъ ея видахъ. Подобно этому можно было бы спросить: какъ можно любить все человѣчество, когда человѣчество распадается на рядъ отдѣльныхъ личностей, далеко еще не связанныхъ между собою въ одно стройное солидарное цѣлое? Вѣдь только тогда, когда человѣчество дѣйствительно будетъ представлять одинъ всеобщій союзъ всѣхъ людей, одногармоническое цѣлое, только тогда оно и можетъ стать реальнымъ объектомъ человѣческой любви. А пока предметомъ этой любви могутъ быть только отдѣльныя личности или небольшія группы людей. Все это вѣрно и тѣмъ не менѣе уже и въ настоящее время можетъ и должна быть культивируема любовь къ человѣчеству, ибо она составляетъ истинную основу этическаго идеала. Допустимъ, что въ настоящее время, при современныхъ условіяхъ жизни, наша любовь можетъ имѣть своимъ предметомъ только отдѣльныхъ людей или только небольшія группы ихъ, но вѣдь ничто же намъ не мѣшаетъ любить и отдѣльную личность и группу такихъ личностей прежде всего и главнымъ образомъ какъ представителей будущаго солидарного человѣчества, какъ защитниковъ его интересовъ, какъ работниковъ, подготавляющихъ почву и создающихъ условія для осуществленія великой идеи всеобщаго братства всѣхъ людей и всѣхъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ можно и должно любить все человѣчество. Любовь къ отдѣльной личности, пріобрѣтшая такой широкій характеръ, есть то, что можетъ быть названо

нравственную любовь. Такимъ образомъ, нравственная любовь есть та конкретная форма, которую принимаетъ общая, неопределенная любовь къ человѣчеству.

Спрашивается теперь, какимъ же образомъ должна относиться личность къ самой себѣ? должна ли она любить себя или неѣть? Не должны ли мы вовсе отвергнуть всякое чувство любви къ себѣ, какъ служащее выраженіемъ самаго низкаго и отвратительного эгоизма? На этотъ вопросъ, повидимому, можно было бы отвѣтить слѣдующее: личность должна относиться къ самой себѣ такъ же, какъ и къ другимъ окружающимъ ее людямъ, должна и на себя одинаковымъ образомъ смотрѣть, какъ на часть человѣчества, должна любить въ лицѣ своеемъ будущее солидарное, объединенное человѣчество, должна видѣть въ себѣ работника, таскающаго кирпичи для фундамента, на которомъ воздвигнется величественный храмъ будущаго, храмъ свободнаго колективнаго труда всѣхъ людей надъ поднятіемъ въ цѣнности и облагороженіемъ какъ индивидуальной, такъ и общественной жизни. Ея любовь къ самой себѣ должна принять характеръ той нравственной любви, о которой мы говорили выше.

Чувство любви къ себѣ или къ лучшей части своего „я“, благодаря которой мы духовно сливаемся, въ болѣе или менѣе широкой степени, со всѣмъ человѣчествомъ и которая въ концѣ концовъ побѣждаетъ всѣ низшія стороны нашей природы, можетъ быть названо еще иначе чувствомъ нравственного достоинства, сознаніемъ своей цѣны, какъ нравственной личности, и сводится къ дѣятельному стремленію дать своей личности эту нравственную цѣнность. Эта любовь къ себѣ, какъ возможной нравственной личности, необходимо должна быть вырабатываема, такъ какъ она является той побудительной причиной, которая заставляетъ отдельнаго человѣка неутомимо работать надъ своимъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ.

Но человѣкъ можетъ пріобрѣсти нравственную цѣнность только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ чувствовать и сознавать себя, какъ часть великаго цѣлаго, называемаго человѣчествомъ, и если онъ будетъ развивать свою личность для того, чтобы эта послѣдняя послужила источникомъ раз-

витія жизни среди человѣчества. Чувство нравственного достоинства въ его наиболѣе развитой формѣ тѣсно связано съ сознаніемъ, что развитіе индивидуальной жизни можетъ быть достигнуто только путемъ работы надъ развитіемъ жизни общечеловѣческой и что главная и высшая цѣль саморазвитія и заключается въ томъ, чтобы сдѣлать индивидуума совершеннымъ орудіемъ прогрессивнаго развитія жизни во всемъ человѣчествѣ. Нравственное самосовершенствованіе отдѣльной личности достигается только путемъ дѣятельности этой личности надъ тѣмъ, чтобы все человѣчество, частью которого эта личность является, стало совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, а если это возможно, то чтобы и весь міръ, какъ цѣлое, пріобрѣлъ нравственную цѣнность. Въ работѣ надъ нравственнымъ развитіемъ человѣчества заключается высшій смыслъ работы личности и надъ собственнымъ нравственнымъ самосовершенствованіемъ.

Такимъ образомъ, чувство любви къ себѣ, какъ возможной нравственной личности, или чувство нравственного достоинства, самымъ тѣснымъ образомъ связано съ чувствомъ любви къ другимъ, какъ къ существамъ, способнымъ стать нравственными существами, способнымъ пріобрѣсти нравственную цѣнность.

Чувство, побуждающее насъ содѣйствовать развитію другихъ людей, заставляющее насъ прилагать всѣ свои старанія къ тому, чтобы „сдѣлать изъ существъ, живущихъ зоологическою жизнью,—нравственныхъ личностей“ <sup>1)</sup>—есть справедливость.

Справедливость можетъ быть опредѣлена нами, какъ такое чувство, въ силу котораго мы признаемъ цѣнность и значеніе за каждою индивидуальною жизнью и стараемся о томъ, чтобы эта цѣнность получила свое признаніе въ совершенной организаціи общественныхъ отношеній. Чувство справедливости въ его высшей формѣ побуждаетъ насъ стремиться къ организаціи всего человѣчества въ одно совершенное гармоническое общество, которое дасть возможность

---

<sup>1)</sup> Современная ученія о нравственности и ея исторія. „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 4, стр. 464.

каждой индивидуальной личности, входящей въ его составъ, развиться до той полноты развитія, до которой только она можетъ развиться по природѣ заложенныхъ въ ней силъ, способностей и дарованій.

Такимъ образомъ, резюмируя все предшествующее, мы можемъ сказать, что если чувство нравственного достоинства есть та форма, которую нравственная любовь принимаетъ, поскольку предметомъ ея является сама индивидуальная личность, то чувство справедливости есть та форма, которую принимаетъ нравственная любовь, насколько предметомъ ея служатъ другіе люди, насколько она опирается на признаніе нравственной цѣнности за каждою индивидуальною жизнью. Основнымъ чувствомъ, служащимъ точкою опоры для нравственного идеала, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ опредѣленъ выше, во всякомъ случаѣ является нравственная любовь.

Если нравственные идеи и нравственные чувства достаточно сильны въ человѣкѣ, чтобы устоять въ борьбѣ съ эгоистическими и низшими влеченіями его природы и противообщественными стремленіями и инстинктами, которые могли быть унаследованы имъ отъ предковъ или внушены окружающей средою, то они властно двигаютъ человѣческою волею и приводятъ къ тому, что можетъ быть названо нравственною дѣятельностью или нравственнымъ поведеніемъ. Воля, двигательной пружиной которой являются нравственные идеи и нравственные чувства, становится нравственной волей. Чѣмъ болѣе такая воля обнаруживается въ дѣйствіи, тѣмъ болѣе она упражняется, тѣмъ болѣе нравственное дѣйствіе дѣлается для нея легкимъ и возможнымъ. Каждое хорошее дѣйствіе имѣеть не только одинъ вицѣшній результатъ, но и результатъ внутренній, выражающійся въ томъ, что человѣкъ все болѣе дѣлается предрасположеннымъ къ добру. Дѣйствуя нравственно, обнаруживая свою нравственную волю, совершая хорошия поступки, — индивидуальный человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ въ себѣ тотъ нравственный характеръ, который составляетъ необходимое условіе для сколько-нибудь прочной, плодотворной и устойчивой нравственной дѣятельности. Нравственный характеръ — это — сфор-

мировавшаяся путемъ дѣятельности и закалившаяся въ борьбѣ съ препятствіями воля, которая стала способной противостоять всякимъ искушеніямъ и отнынѣ будетъ двигаться нѣуклонно впередъ въ направленіи нравственного идеала. Весь вопросъ нравственного воспитанія и сводится къ сформированію подобного нравственного характера или организованной, твердой и устойчивой воли.

Какимъ путемъ воля въ человѣкѣ становится нравственной? Какую роль въ этомъ процессѣ играетъ среда? Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, мы должны постараться выяснить себѣ, что слѣдуетъ понимать подъ волею вообще, каковы ея характерные особенности, какъ психологического факта, въ чемъ выражается развитіе и совершенствованіе воли и не является ли нравственная воля вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе совершенной волей, т.-е. волей, стоящей на болѣе высокой ступени развитія.

#### IV.

### Характерные особенности воли, какъ психологического факта.

Современная научная психологія, стоящая на почвѣ опыта и строго провѣренныхъ фактovъ, въ лицѣ такихъ выдающихся мыслителей, какъ, напр.: Вундтъ, Геффингъ и др., понимаетъ волю, какъ своеобразный фактъ сознанія, несводимый ни на представлениe, ни на чувствованіe, хотя тѣмъ не менѣе нераздѣльный отъ нихъ и всегда сопутствуемый ими. Нѣть ни одного волевого акта, который не заключалъ бы въ себѣ тѣ или другіе элементы чувствованія и представления: отдѣлить его отъ этихъ послѣднихъ можно только путемъ отвлечения, въ дѣйствительности же и воля, и чувствованіе, и элементы познанія (представления и ощущенія) составляютъ одно нераздѣльное цѣлое.

Какія же качества можно считать характерными для воли, если мы представимъ себѣ исключенными изъ нея всѣ элементы познанія и чувствованія? Въ такомъ случаѣ останутся только два основныхъ качества—самодѣятельность и единство. И эти качества характеризуютъ какъ отдельный актъ воли,

такъ и цѣлый послѣдовательный рядъ такихъ актовъ, по- скольку въ нихъ проявляется одна и та же воля.

По мнѣнію Рибо, напр., всѣ болѣзни воли сводятся „къ независимости, неправильности, изолированности, анархіи дѣйствій“ <sup>1)</sup>. Предположить отдѣльные акты воли виѣ всякой связи другъ съ другомъ значитъ предположить и отсутствіе самой воли. Отдѣльные акты воли перестаютъ быть въ собственномъ смыслѣ этого слова волевыми актами, разъ только между ними не существуетъ никакой связи, разъ только они не могутъ составить одно неразрывное, связное цѣлое. Это бываетъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда въ индивидуумѣ дѣйствуютъ внезапные, неудержимые импульсы, которые не вступаютъ въ связь съ другими стремленіями, которые выходятъ, такъ сказать, изъ общаго ряда и начинаютъ повелѣвать вмѣсто того, чтобы подчиняться. Когда эти импульсивныя стремленія перестаютъ быть случайными и дѣлаются привычными, тогда воля становится только исключеніемъ. „Еще немнога ниже и воля является уже простою случайностью. Въ ряду непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ и ежеминутно менѣяющихся импульсовъ, случайное хотѣніе едва, и то изрѣдка, находитъ условіе для своего существованія; тутъ уже остаются только при- чуды“ <sup>2)</sup>. Образомъ такой совершенной безсвязности дѣйствій, такого полнаго отсутствія единства между ними является истерическій характеръ. Вотъ какъ Рибо характеризуетъ послѣдній: „Истеричныя волнуются и находятся во власти своихъ страстей. Всѣ почти разновидности ихъ характера и ихъ умственного состоянія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ словахъ: онѣ не умѣютъ, не могутъ и не хотятъ хотѣть“ <sup>3)</sup>.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ между послѣдовательными дѣйствіями исчезаетъ единство и связь, которыя допускали бы считать эти дѣйствія проявленіемъ одной и той же воли,

1) Т. Рибо. Болѣзни воли. Пер. со 2-го франц. изд. д-ра Томашевскаго, стр. 153.

2) Тамъ же стр. 176.

3) Тамъ же стр. 118.

исчезаетъ также и то чувство самодѣятельности, которое характеризуетъ всякое истинное хотѣніе. Человѣкъ, который дѣйствуетъ, повинуясь минутнымъ побужденіямъ, сильнымъ страстнымъ порывамъ, стремленіямъ настолько могущественнымъ, что они подавляютъ всѣ другія стремленія его природы, — не чувствуетъ себя самодѣятельнымъ и активнымъ. Это достаточно подтверждается фактами психологического самонаблюденія и можетъ быть прощеено каждымъ человѣкомъ надъ самимъ собою. Чувство самодѣятельности и активности въ наибольшей степени связано только съ тѣми дѣйствіями, которые представляютъ результатъ сознательного, обдуманного выбора и рѣшенія. А что такое, въ сущности, подобный сознательный и обдуманный выборъ, какъ не сравненіе новыхъ предполагаемыхъ къ достижению цѣлей со старыми, которая уже достигались личностью ранѣе, или съ тѣми позднѣйшими цѣлями, которая могутъ быть для нея возможны въ болѣе или менѣе ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ,—какъ не опредѣленіе гармоніи или соответствія между ними. Чѣмъ шире это сравненіе, тѣмъ сознательнѣе и обдуманнѣе выборъ, тѣмъ совереннѣе волевой актъ, являющійся его результатомъ, тѣмъ болѣе личность чувствуетъ себя самодѣятельной и активной. Совершенство волевого акта, какъ такового, прямо пропорціонально степени связи и единства, существующей между нимъ и другими волевыми актами, которые совершались ранѣе или могутъ еще совершаться личностью въ будущемъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, воля не исчерпывается въ одномъ дѣйствіи, но предполагаетъ цѣлый непрерывный рядъ дѣйствій, связанныхъ въ одно неразрывное, болѣе или менѣе гармоническое цѣлое. Если послѣдовательные дѣйствія не объединяются между собою, если связь нарушена, то не существуетъ въ строгомъ смыслѣ и того, что могло бы быть названо волей. Все это даетъ намъ право каждое отдельное дѣйствіе воли разматривать, какъ членъ цѣлой системы дѣйствій, а отдельную ставимую волею цѣль, какъ членъ цѣлой системы цѣлей. Чѣмъ въ большей степени отдельные акты воли образуютъ одну систему волевыхъ дѣйствій, а отдельные цѣли, достигаемыя этими

дѣйствіями, одну систему цѣлей, тѣмъ въ большей степени воля можетъ быть считаема нами совершенной, тѣмъ на болѣе высокой ступени развитія она находится.

Но волевые акты или цѣли только въ той мѣрѣ соединяются въ одну систему, въ какой они не находятся между собою въ противорѣчіи, т.-е. не уничтожаютъ, не исключаютъ взаимно другъ друга, но, напротивъ того, находятся другъ съ другомъ въ соответствіи. Однимъ словомъ, можно сказать, что воля тѣмъ въ большей степени совершенна, чѣмъ болѣе отдельные акты воли кооперируютъ другъ съ другомъ, а отдельные цѣли гармонируютъ между собою, и тѣмъ въ большей степени несовершенна, чѣмъ болѣе отдельные акты воли находятся въ антагонизмѣ другъ съ другомъ а отдельные цѣли—въ дисгармоніи.

Степень совершенства воли измѣряется, такимъ образомъ, степенью кооперациіи отдельныхъ актовъ воли и степенью гармоніи отдельныхъ цѣлей. Но, кроме этого показателя совершенства воли, другимъ показателемъ ея совершенства является количество цѣлей. Наиболѣе совершенная и наиболѣе развитая воля преслѣдуєтъ и наибольшее количество цѣлей, находить свое выраженіе и въ наибольшемъ количествѣ отдельныхъ актовъ или дѣйствій. Развитіе воли есть одновременно возрастающая связь и кооперація отдельныхъ дѣйствій, прогрессирующая гармонія цѣлей, и въ то же время это есть возрастаніе суммы дѣйствій, расширеніе системы цѣлей.

Къ этому надо еще прибавить, что чѣмъ совершеніе воля, тѣмъ болѣе сложный и широкій характеръ приобрѣтать каждое отдельное дѣйствіе ея. Этотъ фактъ можетъ быть выраженъ еще нѣсколько иначе, если отъ самаго процесса волевой дѣятельности мы обратимъ свое вниманіе на цѣли, достигаемыя этою дѣятельностью. Съ развитіемъ, каждымъ отдельнымъ дѣйствіемъ достигается все болѣе и болѣе широкая цѣль, охватывающая въ себѣ, какъ въ одной системѣ, все большее количество болѣе узкихъ цѣлей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ всѣ дѣйствія, совершаemыя человѣкомъ, такъ и всѣ цѣли, послѣдовательно ставимыя имъ, стремятся все въ большей степени составить одну безпредѣльно расширяю-

щуюся систему человѣческихъ дѣйствій и человѣческихъ цѣлей, въ которой каждое единичное дѣйствіе и каждая единичная цѣль являются нераздѣльною, органическою составною частью послѣдней. Развитіе воли, такимъ образомъ, связано какъ съ возрастаніемъ объединенія ставимыхъ и достигаемыхъ цѣлей—такъ и съ возрастаніемъ самаго количества цѣлей. Если первоначально цѣли, которыя ставить себѣ человѣкъ, могутъ имѣть своимъ предметомъ только непосредственно близкое, только существеннымъ образомъ наше личное „я“, то съ развитіемъ воли наши цѣли распространяются на все болѣе и болѣе отдаленные предметы, приобрѣтаютъ все болѣе безличный и широкій характеръ: мы начинаемъ хотѣть не только для себя, но и для другихъ людей. Конечный предѣлъ развитія воли, если только онъ мыслимъ, будетъ достигнутъ нами тогда, когда мы будемъ хотѣть не только для непосредственно близкихъ намъ людей, но для всего человѣчества, а если это возможно, то и для всего міра. Такимъ образомъ, воля поднимается на все болѣе высокую ступень по лѣстницѣ развитія по мѣрѣ того, какъ она освобождается отъ узкихъ, своекорыстныхъ, эгоистическихъ цѣлей и становится все болѣе и болѣе широкой, безкорыстной и любящей, по мѣрѣ того, какъ все болѣе обширный кругъ человѣческихъ существъ дѣлается идеальнымъ предметомъ ея стремленій.

Намъ необходимо отмѣтить еще одну, очень существенную характеристическую черту процесса развитія воли. Мы видѣли, что развитіе воли на пути къ совершенству выражается какъ въ увеличеніи количества и сложности цѣлей человѣческой жизни, такъ и въ возрастающемъ объединеніи ихъ между собою, въ стремленіи составить одну систему, одно гармоническое цѣлое. Выраженный другими словами, этотъ фактъ явится намъ какъ возрастаніе и расширеніе творческой дѣятельности. Воля есть дѣятельность творческая по преимуществу, и чѣмъ выше поднимается она въ своемъ развитіи, тѣмъ рельефнѣе становится ея творческій характеръ. Эта сторона развитія воли заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подробнѣе.

Въ интересной статьѣ Пьера Жанэ, носящей заглавіе

„Etude sur un cas d'aboulie et d'idées fixes“ (Revue philosophique за 1891 г., №№ 3 и 4), мы имъемъ подробное описание наблюдений, произведенныхъ имъ надъ одной молодой девушкой, 22 лѣтъ, въ которой было замѣчено почти полное уничтоженіе способности, называемой волею. Фактъ, наиболѣе бросающійся въ глаза, который прежде всего констатируется у этой больной, и первый симптомъ, на который она жалуется, если ее спрашиваютъ—это необыкновенная трудность движений всякаго рода. У нея совершенно исчезла воля, какъ способность рѣшиться исполнить какое-нибудь дѣйствіе, совершить какое-нибудь движеніе. Марсель, какъ называетъ ее условно Жанэ, уже съ давняго времени не въ состояніи ни на что рѣшиться, даже на самое пустяшное дѣло. Она не знаетъ, слѣдуетъ ли пойти погулять или оставаться сидѣть въ креслѣ и въ присутствіи этого тяжелаго вопроса она остается неподвижной цѣлый день, бормоча: „что дѣлать? Боже мой, что дѣлать?“ Но воля у нея исчезла не только какъ способность рѣшиться, но и вообще какъ способность добровольно, а не автоматически, произвести какое-нибудь опредѣленное движеніе или предупредить, задержать исполненіе какихъ-нибудь движений. Дѣйствія автоматической не только у нея сохранились, но даже проявляются въ необыкновенно сильной, преувеличенной степени. Всякий образъ какого-нибудь акта подобного рода становится импульсивнымъ и, не встрѣчая никакой задержки со стороны безсильной воли, ведетъ къ совершенію самого акта.

Но надо замѣтить, что колебаніе и безсиліе, обнаруживаемыя этой больной, въ дѣйствительности очень измѣняются, смотря по степени ея болѣзни въ разное время, и даже въ одно и то же время они крайне различны, смотря по природѣ дѣйствій, которыхъ слѣдуетъ совершить и которые не кажутся трудными всѣ въ одинаковой степени. Такъ Марсель, напр., когда ей предлагали брать со стола разные находящіеся тамъ предметы, съ большою легкостью брала предметъ извѣстный и обычный и съ большимъ трудомъ могла взять предметъ новый, который ей не приходилось ранѣе никогда брать въ руки: свой вязальный крючокъ она брала со стола всегда довольно удовлетворительно, съ одной

или двумя минутами колебанія, но ей требовалось десять минутъ или четверть часа, чтобы взять карандашъ чужого человѣка. Вообще трудность движенія здѣсь была въ прямомъ соотношеніи съ его новизною. Это обстоятельство легко можетъ быть проявлено на всемъ поведеніи Марсель. Она, напр., вполнѣ неспособна разговаривать съ какимъ-нибудь новымъ лицомъ; ей необходимо было два мѣсяца, чтобы привыкнуть говорить съ авторомъ упомянутой нами статьи, затѣмъ она разговаривала съ нимъ вполнѣ свободно. Самымъ тягостнымъ для нея является всегда начало дѣйствія, подъ которымъ отнюдь не слѣдуетъ понимать материальный фактъ приведенія въ движеніе мускуловъ, до этого времени находившихся въ покое. Всякому такому движенію мускуловъ всегда предшествуетъ образованіе той сложной совокупности идей и образовъ, которая необходима для того, чтобы представить себѣ существующее быть совершеннымъ дѣйствіемъ. Эта связанная совокупность образовъ и идей, этотъ синтезъ, какъ называется ее Жанэ, не бываетъ буквально одинаковъ для двухъ актовъ, какъ бы они ни казались похожими другъ на друга. Образованіе этого синтеза—вотъ что представляется труднымъ для Марсель, тогда какъ повтореніе того же самаго синтеза, разъ онъ уже совершенъ, для нея легко. Все это приводить Жанэ къ установлению слѣдующаго важнаго различія между дѣйствіями автоматическими и дѣйствіями волевыми: „дѣйствія автоматическія—это дѣйствія, для которыхъ достаточно повторенія старого синтеза образовъ, уже связанныхъ вмѣстѣ въ одно цѣлое, однимъ словомъ, дѣйствія, которые были уже прежде предметомъ воли; воля же... есть образованіе этихъ новыхъ синтезовъ. Дѣйствіе является волевымъ только въ силу своей новизны“<sup>1)</sup>.

Однако это заключеніе, повидимому, противорѣчить многимъ другимъ фактамъ, наблюдавшимся у упомянутой нами

1) Pierre Janet. Etude sur un cas d'aboulie et d'idées fixes (Revue philosophique 1891, № 3, стр 268, 269).

больной. Такъ, во-1-хъ, если Марсель предлагаютъ пойти поискать какой-нибудь предметъ, который она никогда раньше не брала въ руку, то она не остается абсолютно неподвижной: она поднимается съ мѣста, протягиваетъ руку и т. д., однимъ словомъ, ей удается привести въ исполненіе нѣкоторую долю полезныхъ движений. Это обстоятельство объясняется тѣмъ соображеніемъ, что, въ сущности говоря, дѣйствіе, которое предстоитъ выполнить Марсель, не является абсолютно и вполнѣ новымъ, оно слагается изъ совокупности прежнихъ актовъ, которые она можетъ совершать легко. Другое затрудненіе заключается въ слѣдующемъ. Въ нѣкоторые дни, когда болѣзнь принимаетъ особенно тяжелый характеръ, что случается съ Марсель довольно часто, она становится вполнѣ неподвижной и утрачиваетъ способность выполнять дѣйствія даже наиболѣе обычныя. Она не въ состояніи уже болѣе разговаривать даже съ лицомъ, съ которымъ ей приходилось разговаривать сотни разъ, не въ состояніи болѣе одѣваться, подняться съ кресла и т. д. Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Тѣмъ, что не существуетъ дѣйствія, которое было бы буквальнымъ повтореніемъ прежняго дѣйствія и не заключало бы въ себѣ хотя ничтожной доли новизны. „Никто не купается дважды въ одной и той же водѣ, сказалъ древній мудрецъ: вселенная измѣняется непрестанно, и какъ бы ни казались наружно тождественными обстоятельства, среди которыхъ мы находимся, всегда существуетъ перемѣна, или внѣ нась, или внутри нась самихъ, которая требуетъ нового приспособленія, нового усиления. Такъ какъ будущее никогда не бываетъ точнымъ повтореніемъ прошлаго, то актъ сознательный никогда не бываетъ актомъ вполнѣ автоматическимъ. Всегда бываетъ необходимо дѣлать усилие, изобрѣтать, хотѣть немного, даже для того, чтобы повторить дѣйствіе наиболѣе обычное“<sup>1)</sup>. Нѣть ничего удивительного поэтому, что въ тѣ моменты, когда болѣзнь Марсель принимаетъ наиболѣе тяжелый характеръ, когда воля въ ней кажется сведенной почти къ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 269.

нулю, она теряетъ способность выполнять дѣйствія даже наиболѣе обычныя.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ отсюда, по существу своему волевой актъ является своего рода творчествомъ; поскольку дѣйствіе утрачиваетъ этотъ творческій характеръ, поскольку оно является только повтореніемъ старого, поскольку оно перестаетъ быть волевымъ и становится автоматическимъ. Но такимъ образомъ волевое дѣйствіе представляется намъ только въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ имѣть въ виду его внутреннюю сторону, безотносительно къ тѣмъ внѣшнимъ результатамъ, которые являются его послѣдствиемъ. Съ точки зрењія этихъ внѣшнихъ результатовъ волевая дѣятельность не всегда бываетъ творчествомъ, т.-е. созданіемъ изъ известныхъ данныхъ, находящихся на-лицо, матеріаловъ новыхъ, болѣе сложныхъ сочетаній, новыхъ болѣе высокихъ формъ, она очень часто является разрушеніемъ и уничтоженіемъ или, вообще, имѣетъ отрицательный характеръ. Воля человѣка находитъ себѣ примѣненіе, напр., не только въ формѣ цѣлесообразного труда, который заставляетъ поля покрываться питательными злаковыми растеніями, который изъ различныхъ строительныхъ матеріаловъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, воздвигаетъ человѣческія жилища и т. д. На ряду съ этой положительной, творческой, созидательной дѣятельностью, мы наблюдаемъ, къ сожалѣнію въ очень широкихъ размѣрахъ, и дѣятельность разрушительную, дѣятельность отрицательного характера. Человѣкъ не только обрабатываетъ и засѣваетъ поля, онъ ихъ топчетъ и уничтожаетъ взошедшіе на нихъ посѣвы, онъ не только строить и воздвигаетъ жилища, онъ ихъ также уничтожаетъ при помощи огня или какими-нибудь другими способами. Такой двойственный характеръ дѣятельность человѣка можетъ носить не только въ отношеніи къ неодушевленной природѣ, но и въ отношеніи къ живымъ существамъ, животнымъ и людямъ—онъ можетъ ихъ убивать, наносить имъ вредъ, оскорблять, дурно обращаться съ ними или же, наоборотъ, онъ можетъ спасать ихъ отъ опасности, помогать имъ, заботиться о нихъ, облегчать ихъ страданія, увеличивать ихъ радости. Какой бы характеръ, положительный или

отрицательный, ни носила волевая дѣятельность человѣка, что касается ея внутренней стороны, она всегда остается творчествомъ, потому что всегда требуетъ синтеза идей и образовъ, при помощи котораго только мы и можемъ себѣ представить рядъ тѣхъ дѣйствій, каковъ бы онъ ни былъ, который намъ предстоитъ исполнить.

Но хотя дѣятельность воли, рассматриваемая съ внѣшней стороны, въ ея результатахъ, и носить указанный двойственный характеръ, тѣмъ не менѣе уже въ силу присущихъ самой духовной жизни законовъ развитія, отрицательная дѣятельность стремится отступить на задній планъ и дать полный просторъ для положительной, созидательной дѣятельности. „Разрушительная дѣятельность“, говорить Рибо, „сопровождается чувствомъ удовольствія, но это удовольствіе патологическое, потому что служить источникомъ зла. Охранительная или созидательная дѣятельность сопровождается удовольствіемъ чистымъ, не оставляющимъ послѣ себя никакого тяжелаго чувства; это удовольствіе имѣть поэтому стремленіе повторяться и разростаться: предметъ или лицо, его доставляющіе, становятся притягательнымъ центромъ, источникомъ пріятныхъ ассоціацій“<sup>1)</sup>.

Развитіе воли, съ этой точки зрењія, намъ представляется, какъ расширеніе сферы внѣшней творческой, созидательной дѣятельности, при чмъ размѣръ творческой дѣятельности возрастаетъ не только если имѣть въ виду всю систему волевыхъ дѣйствій, наблюдаемыхъ у данной личности, но и каждое отдельное дѣйствіе развивающейся воли захватываетъ все болѣе и болѣе широкія области, какъ материалъ для своего творчества. Чмъ выше ступень развитія, на которой находится человѣческая воля, тѣмъ болѣе интенсивный и широкій характеръ проявляетъ творческая дѣятельность человѣка, принося съ каждымъ своимъ обнаруженіемъ все большее количество и все болѣе глубоко отличающихся отъ прежняго, новыхъ продуктовъ, которые служать исходною точкою для новаго, еще болѣе широкаго и интенсивнаго творчества. Конечно, предѣломъ здѣсь будетъ служить то, когда все ч-

1) Т. Рибо. Психологія чувствованій, стр. 317.

ловѣчество, а если возможно и весь міръ, составлять матеріалъ для этой интенсивной творческой дѣятельности человѣка, для создания „новаго человѣчества“, а если это возможно, то и „новаго міра“, воплощающихъ въ своей жизни высшій этическій идеалъ всеобщей коопераціи всѣхъ живыхъ существъ для взаимнаго совершенствованія и развитія.

V.

**Значеніе среды въ процессѣ развитія воли. Значеніе природы въ процессѣ расширенія цѣлей, ставимыхъ человѣческой волею.**

Мы видѣли выше, что развитіе воли выражается въ прогрессивномъ умноженіи количества цѣлей, преслѣдуемыхъ человѣкомъ въ его жизни, а также и въ возрастающемъ объединеніи этихъ цѣлей между собою, въ установлениіи между ними все большей и большей гармоніи. Какое значеніе въ этомъ процессѣ развитія можетъ имѣть среда? Какимъ образомъ она можетъ явиться факторомъ, или благопріятствующимъ ему, или, наоборотъ стѣсняющимъ его и задерживающимъ?

Нѣсколько простыхъ и несложныхъ соображеній дадутъ намъ возможность очень легко понять ту роль, которую среда играетъ или можетъ играть въ дѣлѣ развитія воли, представляющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея совершенствованіе въ нравственномъ отношеніи. Воля есть способность къ дѣятельности извѣстнаго рода. Въ этой дѣятельности, въ рядѣ волевыхъ актовъ она находить свое выраженіе. И чѣмъ чаще эта дѣятельность обнаруживается, чѣмъ больше поводовъ въ жизни человѣка для волевыхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе разовьется въ немъ и воля. Съ физіологической точки зреянія воля есть функція, органомъ которой являются извѣстныя доли головного мозга, и какъ всякая функція она развивается только путемъ упражненія. Упражненіе совершенствуетъ органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ болѣе совершенной и самую функцію. И наоборотъ недостатокъ упражненія, отсутствіе дѣятельности имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что органъ мало-по-

малу атрофируется и дѣлается все менѣе способнымъ къ исполненію своей функции.

Итакъ, нужно дѣйствовать, нужно совершать волевые акты, нужно достигать тѣхъ или другихъ цѣлей, только тогда и будетъ развиваться въ насъ та способность, которую мы называемъ волею. Глазъ долженъ смотрѣть постоянно: различать свѣтъ отъ темноты, цвѣта другъ отъ друга, формы и очертанія предметовъ—только тогда онъ и разовьется. Предположите глазъ лишеннымъ свѣта, предположите, что онъ постоянно находится въ почти абсолютной темнотѣ, и онъ утратить свою способность въ должномъ размѣрѣ исполнять свое назначеніе. Такъ и воля. Представимъ себѣ, что вицшняя среда такова, что нѣтъ никакой необходимости, никакой побудительной причины для волевыхъ дѣйствій—въ такомъ случаѣ и воля человѣка будетъ лишена всякихъ данныхъ для дальнѣйшаго своего развитія. Постараемся опредѣлить теперь болѣе подробно то качество среды, которое является въ отношеніи воли тѣмъ же, чѣмъ является свѣтъ въ отношеніи глаза.

Мы видѣли выше, что дѣйствие бываетъ волевымъ только въ силу его новизны, т.-е. когда для совершенія его требуется построеніе въ сознаніи новой объединенной совокупности идей и образовъ, и что, наоборотъ, когда для совершенія дѣйствія бываетъ достаточно того сочетанія образовъ и идей, которое было уже образовано нами ранѣе, дѣйствие тѣмъ самымъ утрачиваетъ свой волевой характеръ и становится автоматическимъ. Отсюда слѣдуетъ, что при наличности однѣхъ и тѣхъ же потребностей, стремленій и цѣлей, которыя себѣ ставить данная личность, необходимо, чтобы эти потребности, стремленія и цѣли каждый разъ ей приходилось удовлетворять и достигать при измѣнившихся условіяхъ. Представимъ себѣ, что среда приняла настолько постоянный, неизмѣненный и устойчивый характеръ, что при достижениіи своихъ цѣлей человѣку всегда приходится имѣть дѣло со старою уже известною ему совокупностью условій и обстоятельствъ, что ему остается только повторять дѣйствія, которыя совершались имъ уже ранѣе—въ такомъ случаѣ исчезнетъ совершенно надобность въ дѣйствіяхъ волевого характера, въ такомъ случаѣ человѣкъ

въкъ всецѣло обратится въ автомата, въ машину, у которой на всякую виѣшнюю реакцію со стороны среды есть уже готовые, напередъ составленные отвѣты. Тогда можно будетъ сказать, что человѣкъ вполнѣ приспособился къ своей средѣ, и такое полное приспособленіе знаменуетъ собою и полное исчезновеніе въ немъ сознательной воли, превращеніе его въ машину, которая хотя и отлично отвѣчаетъ на самыя сложныя воздействиа среды, но каждый отвѣтъ которой такъ же непроизволенъ, какъ непроизвольно, напримѣръ, кукла, дернутая за снурокъ, выкрикиваетъ слова „папа“ или „мама“. Вся суть здѣсь въ установившихся, благодаря постоянному взаимодѣйствію между индивидуумомъ и средой, которую мы предположили неизмѣнной, извѣстныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ формъ реакціи индивидуума на виѣшнія впечатлѣнія среды, состоящихъ изъ ряда дѣйствій, развертывающихся съ роковою, неумолимою неизбѣжностью, разъ только дано извѣстное виѣшнее впечатлѣніе.

Такимъ образомъ, для развитія воли въ человѣкѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, необходимо, чтобы окружающая его среда не сохраняла неизмѣнный и постоянный характеръ, но чтобы она въ большей или меньшей степени непрерывно измѣнялась, такъ чтобы каждое новое дѣйствіе съ его стороны встрѣчалось бы съ новыми условіями и потому вынуждено было бы имѣть волевой, а не автоматической характеръ.

Но и этого одного условія еще недостаточно. Среда можетъ быть измѣнчива въ высшей степени, и все-таки въ ней могутъ отсутствовать условія для развитія въ человѣкѣ воли. Представимъ себѣ такой, повидимому, невозможный случай, который однако хотя отчасти находитъ себѣ мѣсто въ дѣйствительной жизни. Предположите, что среда, окружающая человѣка, такого рода, что каждая его потребность, каждое его стремленіе удовлетворяются сами собою, какъ только они въ немъ зародятся, что стоить только представить себѣ цѣль, какъ она тотчасъ же и достигается; напр., стоить только человѣку захотѣть ъсть, а передъ нимъ, какъ это часто разсказывается въ сказкахъ, явится немедленно и накрытый столъ со всякими яствами и питіями и т. д. При такихъ условіяхъ, когда

наши желанія какъ бы „по щучьему велѣнію, по человѣчьему хотѣнью“ удовлетворяются сами собою, когда съ нашей стороны для удовлетворенія ихъ не требуется никакой дѣятельности, никакого усилия—не можетъ развиться и воля. Въ этомъ отношеніи, напр., неблагопріятнымъ обстоятельствомъ для развитія въ ребенкѣ воли является, когда предупредительно исполняютъ всѣ его желанія, даже тѣ, удовлетворенія которыхъ онъ могъ бы достигнуть при помощи своихъ слабыхъ и неувѣренныхъ усилий. Мы часто дѣйствуемъ за ребенка тамъ, гдѣ бы надо предоставить ему дѣйствовать самому, и тѣмъ самымъ ослабляемъ въ немъ развитіе той сознательной воли, которая выведетъ его впослѣдствіи на свѣтлую дорогу нравственности.

Каковы бы ни были природныя и общественныя условія, нужно дѣйствовать, дѣйствовать и дѣйствовать, нужно стремиться къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ и достигать ихъ собственными усилиями; и все то во внѣшней средѣ оказываетъ пагубное вліяніе на развитіе воли въ человѣкѣ, что, при наличии однѣхъ и тѣхъ же цѣлей, избавляетъ его отъ необходимости дѣйствовать самому ради достижениія ихъ. Единственное спасеніе въ такомъ случаѣ могло бы заключаться только въ томъ, если бы явились у данного человѣка новыя цѣли, для которыхъ потребовались бы новые усилия и новая дѣятельность. При наличии же тѣхъ же самыхъ цѣлей, всякое облегченіе въ ихъ достижениіи, благодаря ли тому, что мы заставляемъ вмѣсто нась работать въ большемъ размѣрѣ силы природы, или благодаря тому, что мы въ болѣшей степени пользуемся трудомъ и дѣятельностью другихъ людей для удовлетворенія своихъ желаній—какъ отдельной личности, такъ и цѣлымъ общественнымъ классамъ грозитъ опасность вырожденія въ отношеніи нравственного характера. Исторія даетъ много примѣровъ подобнаго рода вырожденія привилегированныхъ сословій: она знакомить нась, какъ въ тѣхъ или другихъ странахъ нравственно погибла та или другая наследственная аристократія, которая, сваливъ съ себѣ бремя заботъ о материальномъ благосостояніи, не сумѣла поставить себѣ болѣе широкихъ задачъ, которые потребовали бы съ ея стороны какой-нибудь дѣятельности и усилий. А въ

настоящее время, разъ мы не присутствуемъ при вырождении буржуазіи, громадныя скопленія богатствъ у которой, дающія ей возможность располагать въ безпредѣльныхъ размѣрахъ трудомъ другихъ людей, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ для нея и тотъ смертоубийственный ядъ, который медленно, но неизбѣжно приводить ее къ лишенію того внутренняго богатства—сильной, мужественной, сознательной и разумной воли—безъ котораго всѣ виѣшнія богатства лишены всякаго смысла.

Предположимъ, что значительное развитіе техники и измѣнившіяся общественные условія сдѣлаютъ когда-нибудь для всѣхъ людей доступнымъ то, что теперь доступно только немногимъ счастливцамъ, что всѣмъ людямъ на удовлетвореніе тѣхъ цѣлей, на достижениѳ которыхъ они теперь кладутъ столько труда, придется затрачивать самыя незначительныя усилия. Природа, какъ покорный слуга человѣчества, при самомъ ничтожномъ приложеніи силь со стороны каждого отдельного человѣка, будетъ удовлетворять всѣ тѣ желанія, о которыхъ мы въ настоящее время едва смѣемъ мечтать. Если подобный рай когда-нибудь наступить на землѣ и если только человѣчество не создастъ новыхъ цѣлей для своей дѣятельности, на которыхъ могла бы быть затрачена та свободная психическая энергія, которая затрачивалась имъ раньше на достижениѳ старыхъ цѣлей, если когда-нибудь только это случится, то человѣчество погибнетъ духовно на вѣки. Но этого и не можетъ никогда случиться, потому что вслѣдствіе непрерывнаго взаимодѣйствія между человѣкомъ и средой, какъ въ предѣлахъ индивидуальной жизни, такъ и въ предѣлахъ исторической жизни человѣчества, совершается непрерывный ростъ и расширеніе той системы цѣлей, которая преслѣдуются человѣкомъ.

Разсмотримъ болѣе подробно тотъ процессъ, какимъ совершается это расширеніе системы цѣлей и тѣ причины, которыя его обусловливаютъ.

Дѣйствіе, производимое человѣкомъ ради имъ самимъ себѣ поставленной цѣли, и при помощи имъ же самимъ выбранныхъ средствъ, сводящихся къ выполненію тоже тѣхъ или другихъ дѣятельностей, произвольныхъ или автоматическихъ, есть волевое дѣйствіе. Всякое дѣйствіе, а слѣдовательно и

волевое, ведеть къ ряду измѣненій, производимыхъ человѣкомъ или въ окружающей средѣ, или въ самомъ себѣ. Разница волевого дѣйствія отъ дѣйствія всякаго другого рода заключается только въ томъ, что въ волевомъ дѣйствіи измѣненія, совершаemыя человѣкомъ въ окружающей ли средѣ или въ самомъ себѣ, предусматриваются имъ, имѣютъ такъ сказать, идеальное существование внутри его сознанія въ формѣ цѣли, прежде чѣмъ они наступятъ реально, въ дѣйствительности, въ формѣ достигнутаго результата.

Предположимъ, что цѣль нами вполнѣ достигнута, что наступили тѣ измѣненія и вѣнь насть и внутри насть, которыя нами имѣлись въ виду — можно ли будетъ все-таки сказать, что достигнутый нами реальный результатъ вполнѣ равнозначенъ, вполнѣ совпадаетъ съ тою цѣлью, которая въ формѣ группы связанныхъ между собою представлений витала передъ нашимъ сознаніемъ? Можно ли будетъ сказать, что между ними существуетъ только то различіе, какое существуетъ между идеей о какомъ-нибудь фактѣ и самимъ этимъ фактомъ, напр., между идеей данного стоящаго передо мной дуба и самимъ дубомъ, но не болѣе? Нѣть, этого сказать нельзя ни въ какомъ случаѣ. Измѣненія, производимыя человѣкомъ какъ въ окружающей средѣ, такъ и въ самомъ себѣ, даже при полномъ достижениіи имъ своей цѣли, значительно шире тѣхъ измѣненій, которыя онъ предполагалъ достигнуть. Каждое волевое дѣйствіе производить результаты, которые первоначально вовсе не имѣлись въ виду лицомъ, его совершившимъ. Если эти побочные, непредвидѣнные результаты будутъ восприняты даннымъ лицомъ въ качествѣ результатовъ его собственной дѣятельности и если они получать для него какой-либо интересъ почему-нибудь, то они могутъ стать предметомъ совершенно самостоятельной и независимой цѣли. Оно будетъ совершать рядъ волевыхъ дѣйствій, имѣя въ виду достижениe ихъ, не въ качествѣ побочныхъ и случайныхъ результатовъ, а въ качествѣ главнаго и необходимаго слѣдствія, рядъ дѣйствій, спеціально приспособленыхъ для достижениe именно этихъ цѣлей и потому достигающихъ ихъ въ болѣе успѣшной и полной формѣ. Но достижениe каждой изъ этихъ цѣлей опять-таки въ свою очередь будетъ связано съ

цѣлымъ рядомъ другихъ побочныхъ и непредвидѣнныхъ резуль-татовъ, каждый изъ которыхъ, при условіи привлеченія на свою сторону интереса, можетъ сдѣлаться одною изъ цѣлей человѣческой дѣятельности.

Здѣсь намъ, такимъ образомъ, дана возможность для без-предѣльного расширенія системы цѣлей, ставимыхъ человѣкомъ въ своей жизни. Законъ, обусловливающій указаннымъ путемъ непрерывный ростъ, измѣненіе и расширение человѣческихъ цѣлей, былъ впервые установленъ Вундтомъ и называется имъ закономъ гетерогоніи цѣлей. Вотъ та сжатая, краткая и ясная формулировка, которую Вундтъ даетъ этому закону въ своемъ „Очеркѣ психологіи“: „Отношеніе резуль-татовъ къ представляемымъ цѣлямъ носить такой характеръ, что въ первыхъ всегда даны еще побочные эффекты, не имѣвшіеся въ виду при предшествующихъ представленияхъ цѣли, но входящіе въ составъ новыхъ рядовъ мотивовъ и такимъ образомъ видоизмѣняющіе прежнія цѣли или присо-единяющіе къ нимъ новыя“ (стр. 219).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ болѣе подробному раз-смотрѣнію процесса роста и расширенія системы цѣлей, основную причину котораго мы только что въ общихъ чер-тахъ указали, остановимся на одной еще не отмѣченной нами сторонѣ этого процесса расширенія.

Не трудно замѣтить, что расширеніе системы цѣлей есть въ сущности вмѣстѣ съ тѣмъ не что иное, какъ расширеніе той среды, въ которой индивидууму приходится дѣйствовать, въ которой его сознательной волѣ приходится обнаружи-ваться. Среда, какъ мы отмѣтили это еще во 2-й главѣ, не является одинаковой для различныхъ индивидуумовъ даже живущихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ и окруженнѣхъ, по-видимому, одними и тѣми же предметами—потому что, въ зависимости отъ природы и характера личностей, не всѣ эти предметы и не въ одинаковомъ смыслѣ вліяютъ на каж-дую изъ нихъ. Теперь мы можемъ видѣть также, что среда не остается одинаковой даже для одного и того же лица въ различныіе моменты его жизни. Она непрерывно измѣняется, а насколько совершаются отмѣченный выше процессъ рас-ширенія системы цѣлей, процессъ развитія и совершенство-

ванія воли въ человѣкѣ, она вмѣстѣ съ тѣмъ столь же непрерывно и расширяется. Каждое волевое дѣйствіе, открывая новое поле для своего приложенія, тѣмъ самыемъ расширяетъ и ту среду, которая является опредѣляющимъ факторомъ въ дальнѣйшемъ развитіи воли. Индивидуумъ до нѣкоторой степени самъ создаетъ среду, въ которой ему приходится дѣйствовать. Чѣмъ шире его способность къ дѣйствію, тѣмъ шире и та среда, на которую онъ дѣйствуетъ и которая обратно воздѣйствуетъ на него.

Ростъ и измѣненіе личности и измѣненіе среды, ее окружающей, идутъ параллельно, взаимно обусловливая другъ друга. Средой новорожденного младенца является только колыбель, въ которой онъ проводить, и притомъ большею частью во снѣ, почти все свое время, да теплая грудь кормящей его матери. Но по мѣрѣ того, какъ развиваются его чувства, этой средой становится цѣлая комната со всѣми наполняющими ее вещами и живыми существами, которые являются для него источникомъ зрительныхъ, слуховыхъ и всякаго рода другихъ ощущеній. Ребенокъ растетъ, поле его дѣятельности расширяется и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно раздвигается и окружающая его среда: за предѣлы дѣтской комнаты она переходитъ на улицу, въ школу. А когда онъ сдѣлается взрослымъ человѣкомъ, когда станетъ принимать живое участіе въ судьбахъ своего народа, когда на служеніе народу онъ отдастъ всѣ свои лучшія силы, всѣ знанія, которыхъ онъ пріобрѣлъ въ школѣ, развѣ средой для него не станетъ вся его безпредѣльная родина! И даже больше того, если мы имѣемъ дѣло съ исключительною, даровитою, геніальною личностью, то когда геній въ ней развернетъ свои крылья, развѣ нельзѧ будетъ сказать, что средою для нея является все человѣчество! Шекспиръ, Бетховенъ, Гете—развѣ они не работали для всего человѣчества, и развѣ вся широкая общечеловѣческая жизнь не служила для нихъ той школой, въ которой они научились создавать свои чудныя творенія, служащія источникомъ наслажденія и духовнаго развитія для многихъ поколѣній, ихъ пережившихъ, и сохраняющія все ту же неувядаемую свѣжесть, которую они имѣли при первомъ своемъ появлениі.

Постараемся теперь выяснить себѣ болѣе подробно, на конкретныхъ примѣрахъ значеніе среды, какъ фактора въ отмѣченномъ выше процессѣ расширенія дѣлай.

Среда, окружающая человѣка, представляетъ явленіе очень сложное. Чтобы понять ея значеніе въ цѣломъ, слѣдуетъ понять предварительно то значеніе, которое имѣютъ въ отдѣльности главные составляющіе ее элементы. Среда, въ которой приходится жить человѣку, это—во-1-хъ, окружающая его естественная обстановка или природа, во-2-хъ, общество людей, ему подобныхъ, съ каждымъ изъ которыхъ у него существуютъ самые многоразличныя отношенія, въ 3-хъ, наконецъ, это—продукты дѣятельности какъ его личной, индивидуальной, такъ и колективной, общественной.

Значеніе природы въ общемъ сводится къ слѣдующему. Она служить для человѣка, съ одной стороны, орудіемъ самосохраненія, средствомъ, которое даетъ ему возможность продолжать жить и существовать, съ другой она является для него также и неисчерпаемымъ источникомъ опасностей, угрожающихъ его жизни и существованію. Она служить для него затѣмъ непрестаннымъ источникомъ какъ одновременныхъ, такъ и послѣдовательныхъ ощущеній и воспріятій. Нѣкоторая изъ этихъ ощущеній пріятны ему, другія не-пріятны. Тѣ ощущенія, которые ему пріятны, онъ стремится продолжить или повторить впослѣдствіи, тѣ, которые ему непріятны, онъ стремится прекратить и впослѣдствіи будетъ избѣгать ихъ повторенія. Какъ самосохраненіе человѣка, такъ и эти пріятныя или непріятныя ощущенія зависятъ отъ тѣхъ или другихъ вѣнчанихъ предметовъ. Человѣкъ, какъ и всякое живое существо будетъ стремиться къ предметамъ, которые являются для него условиемъ самосохраненія и источникомъ радостныхъ и пріятныхъ ощущеній, и будетъ отвращаться отъ предметовъ, являющихся въ какомъ нибудь отношеніи опасными для его существованія или служащими источникомъ ощущеній тягостныхъ и непріятныхъ. Первые онъ будетъ стремиться приблизить къ себѣ, вторые—отдалить отъ себя. Слѣдовательно, дѣятельность человѣка въ данномъ отношеніи будетъ сводиться къ тому, чтобы окружить себя предметами, служащими средствомъ для его самосохраненія

и источникомъ пріятныхъ ощущеній и чтобы удалиться какъ можно болѣе отъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые наносятъ ущербъ его существованію и служатъ источникомъ ощущеній тягостныхъ.

Измѣняя въ этомъ смыслѣ свои отношенія къ окружающей его естественной обстановкѣ, человѣкъ производить въ ней совершенно непреднамѣренно такія перемѣны, которыя дѣлаютъ доступными для него новые предметы или обнаруживаются въ старыхъ извѣстныхъ ему предметахъ новыя качества и свойства, при чёмъ можетъ оказаться, что и тѣ и другія, или въ болѣе совершенной степени обезпечиваютъ его самосохраненіе, или вызываютъ въ немъ пріятныя ощущенія нового рода, еще неиспытанныя имъ, и становятся поэтому самостоятельной цѣлью его дѣятельности.

Вообще въ отношеніи природы человѣку необходимо дѣйствовать для того, чтобы оградить свое существованіе отъ враждебныхъ вліяній или улучшить его, для того, чтобы удовлетворять всѣ тѣ органическія и другія потребности, которыя въ немъ периодически, отъ времени до времени просыпаются. Въ этой своей дѣятельности ему приходится видѣть и наблюдать себя, какъ причину тѣхъ или другихъ измѣненій, происходящихъ въ природѣ. Чѣмъ больше онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе разростается его знаніе о себѣ, какъ о причинѣ такихъ измѣненій, тѣмъ больше онъ научается понимать, какія дѣйствія надо произвести, чтобы достигнуть тѣхъ или другихъ цѣлей. Каждый организмъ стремится жить и расходовать свою энергию, стремится расширять поле своей дѣятельности. Дѣйствуя и всегда въ своей дѣятельности открывая какіе-либо непредвидѣнные результаты этой дѣятельности, онъ тѣмъ самымъ открываетъ для нея и новое поприще для приложенія, новые горизонты. Дѣйствіе, такимъ образомъ, само постепенно расширяетъ сферу своего примѣненія, дѣйствіе расширяетъ власть и могущество человѣка надъ природой.

Дѣйствіе человѣка надъ измѣненіемъ природы для своихъ цѣлей мы называемъ цѣлесообразнымъ трудомъ. Трудъ человѣка, развиваясь и совершенствуясь, самъ открываетъ для себя новые области. Чѣмъ больше человѣкъ трудится надъ

измѣненіемъ природы, тѣмъ болѣе онъ ее узнаетъ, тѣмъ болѣе онъ узнаетъ много такого, чего не зналъ ранѣе и что является средствомъ для расширенія сферы приложенія труда и увеличенія могущества человѣка.

Между природой и человѣкомъ происходитъ, такимъ образомъ, взаимодѣйствіе такого рода. Природа является для него постоянно источникомъ все новыхъ и новыхъ ощущеній, связанныхъ съ тѣми или другими чувствованіями, пріятными или непріятными, возбуждающими или успокаивающими (подавляющими), приводящими въ состояніе напряженія или разслабленія. Душевное богатство человѣка, благодаря памяти, которой онъ располагаетъ, растетъ какъ со стороны ощущеній, такъ и со стороны чувствованій. Каждое изъ ощущеній, взятое въ отдельности или въ соединеніи съ другими ощущеніями и связанное нераздѣльно съ тѣмъ или другимъ чувствованіемъ, переживаемое нами реально во всей силѣ и яркости или только представляемое въ блѣдныхъ чертахъ, можетъ послужить толчкомъ для дѣятельности человѣка, для обратнаго его вліянія на природу.

Какой характеръ будетъ носить эта дѣятельность? Она будетъ носить или характеръ автоматизма, если человѣкъ реагируетъ на какія-либо постоянныя, часто повторяющіяся ощущенія и совокупности ихъ, или же характеръ сознательнаго волевого дѣйствія, если реакція происходитъ на новыя ощущенія или новыя сочетанія ихъ. Въ той мѣрѣ, въ какой природа продолжаетъ дѣйствовать на человѣка тѣмъ же способомъ, какимъ дѣйствовала раньше, и онъ продолжаетъ ей давать отвѣты въ формѣ дѣйствій, уже выполнившихся имъ прежде. Автоматическое дѣйствіе является здѣсь вполнѣ достаточнымъ. Только новый способъ воздействиія природы приводить въ движение и сознательную волю человѣка. На новые вопросы, которые задаетъ природа, надо давать и новые отвѣты: автоматизма идей, образовъ и актовъ здѣсь оказывается недостаточно, нуженъ актъ сознательной, разумной воли, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, и актъ творчества. Но сама сознательная воля, вызывая къ жизни много нового и непредвидѣнного, измѣняя постоянно и непрѣвно окружающую природу и оставляя, такимъ обра-

зомъ, всегда въ наличности материалъ для творческой дѣятельности, тѣмъ самымъ обезпечиваетъ и условія для дальнѣйшаго своего существованія. Измѣняясь, однако, среда продолжаетъ всегда сохранять въ извѣстной степени и прежній характеръ, и такимъ образомъ наряду съ сознательной волевой реacciей всегда существуетъ и реacciя автоматическая, дѣйствія, которыя мы называемъ рефлектиными, инстинктивными, привычными, и т. д., т. е. дѣйствія, являющіяся повтореніемъ прежнихъ, уже выполнившихъ дѣйствій.

Мы разсматривали до сихъ поръ дѣятельность человѣка среди природы, поскольку она является источникомъ измѣненій въ самой природѣ, игнорируя то обстоятельство, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, что его окружаютъ другіе подобные ему люди и что всѣ тѣ измѣненія, которыя онъ производить въ своей естественной обстановкѣ, связаны съ тѣми или другими непредвидѣнными результатами для этихъ людей, вызываютъ въ нихъ тѣ или другія наблюдаемыя имъ измѣненія, или въ ихъ физической, или въ ихъ душевной природѣ. Этотъ родъ побочныхъ результатовъ, достигаемыхъ человѣкомъ въ своей дѣятельности, становится для него неисчерпаемымъ и еще болѣе богатымъ источникомъ для расширения системы цѣлей, чѣмъ какимъ является природа, рассматриваемая изолированно. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ источникъ расширения системы цѣлей человѣческой жизни имѣеть особенно важное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія человѣка, то мы и остановимся на немъ болѣе подробно.

Достиженіе какой бы то ни было цѣли, которое происходитъ въ присутствіи другихъ человѣческихъ существъ, всегда бываетъ связано съ какими-нибудь послѣдствіями для этихъ существъ, даже въ томъ случаѣ, когда цѣль имѣеть исключительно индивидуалистический характеръ, когда предметомъ ея является само дѣйствующее лицо, самосохраненіе, достижение той или другой формы личнаго счастья или саморазвитіе, т. е. достижение совершенства въ томъ или другомъ отношеніи. Каковы же эти послѣдствія для другихъ? Это будетъ, конечно, зависѣть отъ характера и качества самой цѣли. Есть цѣли, достиженіе которыхъ по самому ихъ су-

ществу выходить за предѣлы данной личности, которая могутъ становиться источникомъ счастья и развитія не только для самого дѣйствующаго лица, но и для лицъ, его окружающихъ. Такова всякая художественная, творческая дѣятельность, результатомъ которой является тотъ или другой продуктъ искусства. Пѣвецъ, обладающій прекраснымъ голосомъ и поющій свои чудныя пѣсни, которыми невольно заслушается всякий присутствующій при его пѣніи; художникъ, нарисовавшій картину, гармонія красокъ и образовъ которой вызываетъ восторгъ и т. д.—всѣ они создаютъ нѣчто такое, достигаютъ такой цѣли, которая, являясь источникомъ счастья для нихъ, служить въ то же время или можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ счастья и для безпредѣльного множества другихъ людей. Но есть цѣли, которые по самой своей природѣ какъ бы ограничены рамками资料 самого дѣйствующаго лица. Если я ъмъ и пью, то этимъ достигается удовлетвореніе только моего личнаго голода и жажды, а мой сосѣдъ отъ этого не сдѣлается болѣе сытымъ и удовлетвореннымъ; если я для развитія своего тѣла въ физическомъ отношеніи произвожу рядъ опредѣленныхъ движений, то отъ этого опять-таки разовьются только мои мускулы, а не мускулы моего ближняго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ моя дѣятельность не будетъ имѣть своимъ непосредственнымъ и видимымъ результатомъ, ни сохраненіе жизни другого лица, ни доставленіе ему счастья, ни содѣйствіе его развитію въ физическомъ или духовномъ отношеніи.

Однако, даже и цѣли послѣдняго описаннаго нами рода, носящія такой, повидимому, личный и индивидуалистический характеръ, не остаются безъ послѣдствій для людей, окружающихъ данную личность, послѣдствій, которыхъ она первоначально не предвидѣла, но которые могутъ дать начало для новыхъ цѣлей въ ея жизни. Разъ дѣятельность человѣка совершается въ обществѣ подобныхъ ему людей, то она такъ или иначе становится предметомъ ихъ наблюденія и вызываетъ съ ихъ стороны тѣ или другія сужденія, ту или другую оценку, пробуждаетъ она въ нихъ также тѣ или другія чувствованія и эмоціи, затрогивая хотя въ какой-нибудь степени ихъ интересы, и наконецъ, побуждаетъ ихъ къ тѣмъ

или другимъ дѣйствіямъ и поступкамъ въ отношеніи данной личности. Такимъ образомъ, въ качествѣ побочныхъ результатовъ своей дѣятельности личности приходится имѣть передъ собою мнѣнія и сужденія другихъ людей, волнующія ихъ разнаго рода чувствованія низшаго или высшаго порядка и, наконецъ, обусловленныя этими сужденіями и чувствованіями поступки людей. Все это, взятое вмѣстѣ, можетъ стать для личности источникомъ самостоятельныхъ и независимыхъ цѣлей, разъ только мнѣнія, чувствованія и поступки другихъ людей получать для нея какой-нибудь интересъ, а не получить такого интереса они не могутъ, хотя бы даже въ силу того соображенія, что человѣкъ чувствуетъ интересъ ко всему, что даетъ ему возможность расширить сферу приложенія своей активности, и потому всякое новое поприще, которое открывается для нея, какъ дозволяющее ей путемъ расширенія своей дѣятельности расширить свою личность, несомнѣнно привлекаетъ его вниманіе. А затѣмъ, конечно, могутъ явиться и другіе добавочные источники интереса — симпатія и любовь — которые нашу дѣятельность въ смыслѣ вліянія на другихъ людей могутъ сдѣлать еще болѣе широкой и интенсивной.

## VI.

### Психическое взаимодѣйствіе и тѣ результаты, къ которымъ оно приводитъ.

Когда сужденія, чувствованія и поступки другихъ людей становятся способными оказывать на отдельного человѣка свое вліяніе и когда отдельный человѣкъ становится способнымъ вліять на сужденія, чувствованія и поступки другихъ людей, и это вліяніе въ той или другой формѣ стремится оказывать на нихъ и на самомъ дѣлѣ, тогда устанавливается между людьми тотъ родъ взаимодѣйствія, который можетъ быть названъ психическимъ и который имѣеть особенно важное значеніе въ дѣлѣ нравственного развитія человѣка. Установленіе психического взаимодѣйствія предполагаетъ выработку языка и способности понимать выразительныя движения другихъ намъ подобныхъ существъ. Общество су-

ществуетъ благодаря психическому взаимодѣйствію и вмѣстѣ съ тѣмъ сама общественная жизнь ведеть къ все большему расширенію и развитію психического взаимодѣйствія между личностями.

Мы видѣли раньше, говоря о взаимодѣйствіи между человѣкомъ и природой, что человѣкъ можетъ являться въ отношеніи къ ней или какъ автоматъ, или какъ сознательная, творческая воля,—подобно этому и психическое взаимодѣйствіе можетъ вызывать къ дѣятельности въ человѣкѣ творческія способности, сознательную волю, или можетъ по-коиться всецѣло или отчасти на автоматизмѣ идей, образовъ, чувствованій и дѣйствій. Очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ психическое взаимодѣйствіе будетъ носить совершенно различный характеръ. Хотя въ дѣйствительной жизни обѣ эти формы психического взаимодѣйствія тѣсно переплетены и смѣшаны между собою и рѣдко встрѣчаются во вполнѣ изолированномъ видѣ, но для удобства изслѣдованія мы разсмотримъ ихъ отдельно. Посмотримъ сначала, къ какимъ результатамъ приводить психическое взаимодѣйствіе, поскольку въ основѣ его лежитъ автоматизмъ образовъ, чувствованій и дѣйствій, а затѣмъ подобнымъ же образомъ подвергнемъ изслѣдованію результаты той формы психического взаимодѣйствія, въ которой главнымъ дѣйствующимъ факторомъ является творческій, волевой элементъ въ области мысли, чувствованія и дѣйствія.

Основною формою психического взаимодѣйствія въ первомъ случаѣ является подражаніе. Это подражаніе составляетъ отличительную господствующую черту во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда психологический автоматизмъ господствуетъ въ жизни личности безраздѣльно, и въ той или другой формѣ оно играетъ роль, поскольку и въ жизни нормальной личности имѣютъ мѣсто процессы психологического автоматизма. Въ той мѣрѣ, въ какой личность является психологическимъ автоматомъ, она, вступая въ психическое взаимодѣйствіе съ другими личностями, имѣть тенденцію подражать имъ во всемъ.

„Составляетъ общеизвѣстный фактъ,—говорить П. Жанэ,— что некоторые лица не могутъ работать, когда они—одни, когда за ними постоянно и самымъ непосредственнымъ обра-

зомъ не наблюдаютъ и не руководятъ ими<sup>“</sup>. И они остаются бездѣятельными не по причинѣ лѣности или физической слабости, но потому, что они не могутъ сдѣлать выбора, они не знаютъ, что дѣлать, съ чего начинать, какъ взяться за дѣло. „Это качество замѣчается даже въ наиболѣе выдающихся произведеніяхъ искусства и науки; нѣкоторые умы являются подражателями въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова, нѣкоторыя личности не могутъ ничего сдѣлать, не опираясь на какой-нибудь уже сдѣланный трудъ, — онъ всегда являются или сотрудниками или plagiatорами<sup>“</sup>.

„Безъ сомнѣнія, — прибавляетъ Жанэ, — могутъ сказать, что подражаніе и повиновеніе существуютъ повсюду, но я могу однако замѣтить на это, что степень подражанія не одинакова у всѣхъ и что существуютъ умы, которые болѣе чѣмъ другое имѣютъ потребность въ вѣчномъ и постоянномъ подражаніи. Тѣ же самыя лица, которыхъ мы видѣли неспособными работать самостоятельно, равнымъ образомъ неспособны также сами себѣ доставлять развлеченіе. Имъ необходимы товарищи въ игрѣ... не по причинѣ того удовольствія, которое доставляетъ общество, но чтобы научить ихъ, во что играть, чѣмъ интересоваться, чѣмъ занять себя. Для меня представляеть признакъ силы духа, какъ у взрослого человѣка, такъ и у ребенка, если они умѣютъ сами находить для себя развлеченіе, и скука, которая столь часто бываетъ удѣломъ изолированныхъ личностей, является нерѣдко только симптомомъ слабости воли. Про всѣхъ подобныхъ лицъ говорятъ, что они общительны, что они имѣютъ потребность въ привязанностяхъ, страдаютъ оттого, что не поняты, „требуютъ симпатической среды“ и т. д. Эта общительность является у нихъ въ различныхъ степеняхъ не чѣмъ инымъ, какъ потребностью повиноваться. Они ищутъ друзей, которые направляли бы ихъ безъ ихъ вѣдома, они ищутъ сотрудниковъ, которыхъ они копируютъ, думая, что остаются оригиналыми, однимъ словомъ, они ищутъ такихъ людей, которые думаютъ и хотятъ за нихъ и вмѣсто нихъ“ <sup>1)</sup>.

---

1) Piegge Janet. L'influence somnambulique et le besoin de direction (Revue philosophique 1897, № 2, стр. 142).

Разсмотримъ въ отдельности тѣ результаты, которые получаются для личности при психическомъ взаимодѣйствіи на почвѣ психологического автоматизма въ области мысли, чувства и дѣйствія.

Если это взаимодѣйствіе происходитъ въ сферѣ мысли или идей, то личность начинаетъ думать чужими мыслями, повторять чужія идеи, не перерабатывая ихъ и не сравнивая съ результатами своего собственного прошлаго личнаго опыта и личнаго мышленія и не пытаясь примирить тѣ противорѣчія, которыя въ данномъ случаѣ могутъ существовать. Какъ автоматъ, она является эхомъ господствующихъ кругомъ нея идей. Если эти идеи хороши; если въ нихъ содержится хотя крупица правды и истины, то и мысли, которыя высказываетъ данная личность, будутъ хорошими, но это — не собственныя продуманныя мысли, не продуктъ личной долгой и упорной работы, неутомимаго исканія истины, не результатъ интенсивнаго умственнаго творчества, это — не настоящая монета, не слитокъ золота, а только однѣ блестки и мишура, за которыми не скрывается ничего сколько-нибудь цѣннаго. Подобный автоматъ, живя среди людей, исповѣдующихъ ложныя идеи, лелѣющихъ тѣ или другіе предразсудки, съ такою же легкостью сдѣлаетъ свою душу складочнымъ мѣстомъ самыхъ нелѣпыхъ идей, самыхъ дикихъ предразсудковъ, которые могутъ явиться тормазомъ для всякаго сколько-нибудь прогрессивнаго движенія. Не бросить въ міръ онъ „мысли плодовитой“, но можетъ помѣшать тому, чтобы у этой мысли выросли крылья и она принесла всѣ тѣ благотворныя послѣдствія, которыя въ ней скрыты. Всякую свѣтлую идею такие автоматы способны только опошлить, обратить въ мелкую ходячую монету, лишить ее того благоуханія свѣжести, новизны и оригинальности, которое дѣлаетъ ее такой сильной, яркой и привлекательной.

Подобнымъ же образомъ, если психическое взаимодѣйствіе между такимъ автоматомъ и окружающими его людьми происходитъ въ области чувствованій или эмоцій, то онъ является отраженіемъ, зеркаломъ тѣхъ чувствованій, которыя переживаютъ окружающіе его люди. Его настроеніе измѣняется съ настроеніемъ окружающихъ лицъ. Его чув-

ства, поэтому, крайне измѣнчивы, не глубоки и поверхностны, никакъ не затрагивая самой интимной стороны его души. Они сильны и непосредственны въ своемъ выражении, потому что не встрѣчаютъ противовѣса со стороны сознательной и разумной воли и не сдерживаются другими чувствованіями, но являются не столько отраженіемъ личности, сколько окружающей среды. Они имѣютъ, если можно такъ выразиться, вѣшній характеръ,— въ нихъ недостаетъ сердечности и задушевности, характеризующихъ всякое истинное чувство, насколько въ немъ принимаетъ участіе та творческая психическая сила, которая составляетъ интимное ядро личности. Подобный автоматъ можетъ обнаружить, повидимому, и самая героическая, возвышенная чувства, но наряду съ этимъ онъ можетъ проявить и такія дикія, отвратительные эмоціи, которые граничатъ съ преступлениемъ. Это можно наблюдать, напр., на дѣйствіяхъ толпы, въ которой каждый отдельный человѣкъ, какъ это утверждаетъ Густавъ Лебонъ въ своемъ сочиненіи „Психология народовъ и массъ“, обращается въ автомата. Толпа часто совершаєтъ, какъ показываетъ исторія, изумительные подвиги самоотверженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ часто возмутительную жестокость и бываетъ необузданна въ своемъ гнѣвѣ. Нерѣдко бываетъ достаточно самаго ничтожнаго толчка, чтобы настроеніе толпы перемѣнилось прямо въ противоположное.

Симпатія, которой даетъ начало психическое взаимодѣйствіе на почвѣ психологического автоматизма, не идетъ дальше той стадіи, на которой она „вызываетъ у двухъ или нѣсколькихъ индивидовъ аналогичныя аффективныя настроенія“ <sup>1)</sup>). Примѣромъ могутъ служить тѣ случаи, о которыхъ говорять, что страхъ, негодованіе, радость или горе передаются отъ одного лица къ другому. Сущность этой симпатіи заключается въ томъ, что мы сами испытываемъ аффективное состояніе, существующее у другого—состояніе, о которомъ мы узнаемъ по его физіологическому проявленію, по тому или другому, напр., выраженію лица

<sup>1)</sup> Т. Рибо. Психологія чувствованій, стр. 250.

или положенію тѣла, „Это состояніе симпатіи“, какъ замѣчаетъ Рибо, „еще не устанавливаетъ само по себѣ отношеній любви или нѣжности между тѣми, кто ее испытываетъ: оно служить только подготовкой къ нимъ. Оно можетъ послужить основой нѣкоторой общественной солидарности вслѣдствіе того, что одни и тѣ же внутреннія состоянія вызываютъ одни и тѣ же акты, но это будетъ солидарность чисто вѣнчаная, механическая, а не нравственная“. <sup>1)</sup> Симпатіи въ этой ея формѣ недостаетъ еще того творческаго, волевого элемента, благодаря которому она можетъ развиться до степени дѣятельнаго сочувствія, активнаго альтруизма, который одинъ только можетъ составить прочную основу для нравственной солидарности людей между собою, послужить внутреннимъ связующимъ звеномъ между ними. Здѣсь она пока имѣть еще только пассивный характеръ и сохраняетъ его въ той мѣрѣ, въ какой духовная жизнь личности не выходитъ за предѣлы психологическаго автоматизма.

Теперь уже не трудно видѣть также, что психическое взаимодѣйствіе въ области практической дѣятельности или поступковъ, поскольку оно совершается на почвѣ психологического автоматизма, будетъ имѣть своимъ послѣдствиемъ подчиненіе личности чужой волѣ. Какъ психологической автоматъ, вступая во взаимодѣйствіе съ другими, она дѣлается орудіемъ ихъ воли, она хочетъ того, чего хотятъ другіе, и слѣпо повинуется имъ. Воля чуждаго и остающагося чуждымъ ей существа дѣлается для личности закономъ ея поведенія, насколько между ней и этимъ существомъ устанавливается психическое взаимодѣйствіе. Психологической автоматъ, въ зависимости отъ окружающихъ его людей, можетъ намъ представить образецъ самаго добродѣтельнаго поведенія, но всѣ его добродѣтельныя поступки не что иное, какъ нарядное платье, надѣтое лакеемъ съ плечъ своего барина и подъ которымъ трепещетъ все та же неизмѣнная лакейская душа. Въ другой порочной средѣ подобный автоматъ можетъ стать преступникомъ и дѣятельность его

---

1) Тамъ же, стр. 251.

можетъ выразиться въ рядѣ поступковъ, угрожающихъ жизни счастью и спокойствію тѣхъ лицъ, съ которыми его судьба случайно столкнеть.

Встрѣчаются ли въ дѣйствительной жизни хотя въ приблизительной степени подобного рода автоматы? Къ сожалѣнію, приходится отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Такой автоматъ можетъ быть подведенъ подъ категорію тѣхъ характеровъ, которые Рибо называетъ аморфными, и вотъ какъ онъ характеризуетъ ихъ въ своей „Психологіи чувствованій“. „Имя аморфнымъ легіонъ. Я разумѣю подъ нимъ тѣхъ, которые не имѣютъ своей особой формы, характеры которыхъ цѣликомъ пріобрѣтены. Въ нихъ нѣть ничего врожденного, ничего похожаго на призваніе, природа создала ихъ податливыми до крайности. Они являются исключительно продуктами обстоятельствъ, среды, воспитанія, вліянія людей и окружающихъ предметовъ. За нихъ желаешь и дѣйствуетъ кто-нибудь другой, а за неимѣніемъ этого другого, — общественная среда. Они представляютъ собою не голосъ, а эхо, и становятся такими или иными, смотря по обстоятельствамъ. Случай решаетъ вопросъ о ихъ профессіи, о ихъ женитьбѣ и обо всемъ остальномъ; затѣмъ, разъ попавъ въ колею, они живутъ точно такъ же, какъ окружающіе. Это — характеры не индивидуальные, а видовые, профессіональные, это безчисленныя копіи съ одного оригинала, существовавшаго когда-то“ (стр. 415, 416).

Копированіе другого въ области мысли, чувства и дѣйствія, подражаніе, пассивная симпатія и рабское повиновеніе, — вотъ къ чему сводится психическое взаимодѣйствіе, поскольку оно происходитъ на почвѣ психологического автоматизма. Посмотримъ теперь, къ какимъ результатамъ приводить оно, когда устанавливается на почвѣ творческой активности нашего духа, когда его основнымъ факторомъ является сознательная воля человѣка.

Прежде всего мы имѣемъ здѣсь обмѣнъ мыслей, дѣлающій возможнымъ возникновеніе научнаго объективнаго знанія. Если бы не было обмѣна мыслей, если бы человѣкъ въ интеллектуальномъ отношеніи являлся изолированнымъ существомъ, то объективное знаніе или наука никогда бы не

возникла и человѣкъ никогда бы не вышелъ за предѣлы узкаго міросозерцанія, выработаннаго на основаніи только личнаго опыта и личнаго мышленія. Только при помощи обмѣна мыслей личный опытъ отдѣльной личности и результаты ея умственной обработки этого жизненнаго опыта могутъ становиться общимъ достояніемъ, могутъ сравниваться и сопоставляться съ таковыми же личными опытомъ и результатами мышленія другихъ людей. Знаніе есть соціальный продуктъ, и только благодаря обмѣну мыслей человѣкъ можетъ пріобщиться къ той богатой сокровищницѣ умственныхъ благъ, которая человѣчество накопило въ продолженіе своего развитія и продолжаетъ накоплять все въ болѣе возрастающемъ размѣрѣ. Чѣмъ шире обмѣнъ мыслей, чѣмъ онъ интенсивнѣе, тѣмъ быстрѣе можетъ ити ростъ научнаго знанія какъ въ отдѣльной личности, такъ и въ цѣломъ человѣчествѣ. И все, что задерживаетъ этотъ обмѣнъ мыслей, все это является препятствиемъ для умственнаго прогресса, составляющаго необходимое условіе и для развитія человѣка какъ въ эмоціональномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи воли.

Вслѣдъ за обмѣномъ мыслей идетъ то, что можетъ быть названо обмѣномъ чувствованій или эмоцій. Человѣкъ можетъ не только передумывать мысли другихъ людей, сравнивать ихъ со своими собственными, критически провѣрять, приводить во взаимную гармонію и дѣлать, такимъ образомъ, ихъ своимъ собственнымъ умственнымъ достояніемъ, — онъ можетъ также переживать волнующія этихъ послѣднихъ чувства и страсти и испытываемыя ими удовольствія и страданія, и переживать не внѣшнимъ образомъ, не пассивно, а такъ, что при этомъ затрагиваются самыя интимныя, самыя сокровенные струны его души. Благодаря психическому взаимодѣйствію, не только мысль другихъ, критически пропрѣренная и приведенная въ гармонію со всѣмъ строемъ нашего міросозерцанія, можетъ стать нашою мыслью, но и чувство, переживаемое другимъ, можетъ стать нашимъ чувствомъ, будучи не просто пассивно воспринято, но переработано до степени активнаго стремленія. Такъ, напр., состраданіе, которое рождается на почвѣ психологического автоматизма и которое способно ограничиваться только проли-

тіемъ слезъ и принятіемъ грустнаго вида, принимаетъ форму чувства состраданія, ищущаго себѣ выхода прежде всего и главнымъ образомъ въ дѣятельности, направленной на устраненіе того страданія и горя, которыя приходится видѣть или представлять себѣ.

Такимъ образомъ, наряду съ обмѣномъ мыслей, дѣлающимъ возможнымъ развитіе объективнаго знанія, всегда существуетъ обмѣнъ чувствъ или эмоцій, дѣлающей возможнымъ развитіе дѣятельной симпатіи или активнаго альтруизма. Если бы не было обмѣна чувствъ, человѣкъ никогда бы не вышелъ за предѣлы узкаго односторонняго эгоизма. Активныя альтруистическія чувствованія, дѣятельная симпатія рождаются на почвѣ той формы психического взаимодѣйствія, въ которой играетъ роль сознательная творческая воля, и представляютъ такой же соціальный продуктъ, какъ и объективное знаніе. Вмѣстѣ съ расширеніемъ круга этой формы психического взаимодѣйствія растетъ и дѣятельная симпатія, и предѣлы этому развитію указать такъ же трудно, какъ трудно указать предѣлы для развитія объективнаго знанія. Симпатія къ непосредственно близкимъ людямъ, окружающимъ данную личность, стремится постепенно расширяться на все большій и большій кругъ людей и въ конечномъ предѣлѣ охватить все человѣчество. Развиваясь еще дальше, симпатія распространяется на все то, что вообще одарено какою бы то ни было чувствительностью, на все, въ чемъ чувствуется трепетъ и дыханіе жизни. Человѣкъ дѣлается способнымъ охватывать своею любовью все, что живеть и имѣеть задатки для развитія. Благодаря обмѣну чувствъ, человѣкъ можетъ неизмѣримо расширить свою личность въ эмоціональномъ отношеніи: его жизнь дѣлается многостороннѣе и богаче, потому что онъ становится участникомъ эмоціональной жизни другихъ людей все вѣроятно и болѣе широкой степени.

Наконецъ, на ряду съ обмѣномъ мыслей и чувствъ идетъ и дѣлается, благодаря имъ, возможнымъ обмѣнъ желаній, хотѣній и идеальныхъ стремленій. Можно не только пересматривать мысли другихъ людей, можно не только переживать волнующія ихъ чувства,—можно также ихъ волю сдѣлать предметомъ своей воли, ихъ желанія своими желаніями,

ихъ идеалы своими идеалами. И сдѣлать это не въ смыслѣ пассивнаго подчиненія волѣ другихъ, а потому, что воля, желанія и идеалы другихъ согласуются съ лучшими нашими творческими стремленіями, являясь ихъ расширеніемъ, завершеніемъ и дополненіемъ. Наша личность при этомъ не стирается и не уничтожается, какъ при психическомъ взаимодѣйствіи на почвѣ психологического автоматизма, а становится только полнѣе и шире. Благодаря той формѣ психического взаимодѣйствія, о которой мы говоримъ теперь, мотивами,двигающими человѣческую волю, могутъ быть не только личныя желанія, но и справедливыя желанія другихъ: я могу сознательно и свободно хотѣть, что хотятъ другіе, и хотѣть этого для нихъ, а не только для себя.

Такимъ образомъ становится возможной общая воля, общія желанія, общіе идеалы и общественная дѣятельность, направленная на ихъ осуществленіе. И эта общая воля создается не на почвѣ подчиненія одной части людей другимъ, но ея основаніемъ служитъ признаніе цѣнности за каждою индивидуальною волею, входящую въ ея составъ. Продуктомъ обмѣна мыслей было объективное знаніе, продуктомъ обмѣна чувствованій была все шире разрастающаяся активная симпатія; подобно этому продуктомъ обмѣна въ области воли будутъ общечеловѣческія стремленія и объединенный, коллективный, урегулированный трудъ для ихъ достижениія. Благодаря психическому взаимодѣйствію въ этой области, личность все въ большей мѣрѣ становится въ своей волевой дѣятельности свободной и сознательной представительницей всего солидарного человѣчества, все болѣе дѣлается носительницей общечеловѣческихъ идеаловъ, сохраняя при этомъ вполнѣ свою самостоятельность и оригинальность. Индивидуальная воля отдельной личности на почвѣ рассматриваемой нами формы психического взаимодѣйствія дѣлается все болѣе подобной коллективной волѣ всего человѣчества, съ которой она постепенно все тѣснѣе неразрывно сливаются, не утрачивая вмѣстѣ съ тѣмъ своего самобытнаго характера. Такимъ образомъ, индивидуумъ здѣсь становится все шире и шире, пока въ конечномъ предѣлѣ не объединяется въ одно цѣлое со всѣмъ человѣчествомъ, не исчезая, однако, въ немъ до-

полної утрати себе, якъ свободної і сознательної личности. И когда это будетъ достигнуто, тогда человѣкъ въ дѣйствительномъ, истинномъ значеніи этого слова станетъ тѣмъ „сверхъ-человѣкомъ“, о которомъ мечтає Ницше, но этотъ „сверхъ-человѣкъ“ явится не путемъ попранія нѣкоторыми избранными личностями остального „человѣческаго стада“, которое должно послужить какъ бы фундаментомъ для его выработки, а путемъ все расширяющейся и усложняющейся гармоніи и коопераціи каждой отдельной личности съ остальными людьми.

Но развитіе психического взаимодѣйствія, насколько его основой служить сознательная, творческая воля, имѣть своимъ послѣдствіемъ не только расширеніе личности во всѣхъ указанныхъ нами отношеніяхъ; вмѣстѣ съ этимъ оно все болѣе приближаетъ то время, когда человѣчество изъ того разрозненного и хаотического состоянія, въ которомъ оно находится теперь, обращается въ гармонической союзъ людей, становится однимъ солидарнымъ цѣлымъ, дѣйствующимъ сознательно въ направленіи все большаго подъема интенсивности и широты жизни на земномъ шарѣ и утилизирующемъ для этого всѣ способности каждого индивидуального человѣка, входящаго въ его составъ, такъ что ни одна сила не пропадаетъ напрасно, но служить для всеобщаго прогресса жизни. Въ результатѣ обмѣна мыслей является установленіе гармоніи между мыслями отдельныхъ личностей или объединенное и систематизированное знаніе всего человѣчества, въ которомъ опытъ и критическая мысль каждой личности использованы въ полномъ размѣрѣ и въ которомъ объединяющимъ звеномъ является идея о великомъ значеніи знанія, какъ орудія для увеличенія цѣнности индивидуального и общечеловѣческаго существованія и для установленія гармоніи между тѣмъ и другимъ. Въ результатѣ обмѣна чувствъ является гармонія между чувствами всѣхъ отдельныхъ личностей, или широкая взаимная нравственная любовь, охватывающая всѣ стороны общечеловѣческой жизни и распространяющаяся на всѣхъ людей. Выражаясь фигурально, мы могли бы сказать, что изъ того бездушного и апатичнаго состоянія, въ которомъ человѣчество, какъ цѣлое, находится

въ настоящее время, оно понемногу доходить до того, что въ груди его, этой пока еще холодной и ничѣмъ не согрѣтой груди, начинаетъ трепетать и биться сердце, одушевленное безпредѣльною горячею любовью ко всякому проявленію жизни, на дѣятельную защиту которой оно готово встать всегда и во всякое время. Наконецъ, въ результатѣ обмѣна въ области желаній или воли создается гармонія всѣхъ стремленій отдѣльныхъ личностей между собою, создается организованная объединенная воля всего человѣчества, которая получаетъ свое необходимое выраженіе въ систематической солидарной колективной дѣятельности, въ планомѣрномъ труде, имѣющемъ своей задачей осуществленіе высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Такимъ образомъ результатомъ психического взаимодѣйствія въ той мѣрѣ, въ какой оно происходитъ на почвѣ той сознательной, творческой активности, которой обладаетъ человѣкъ, въ конечномъ предѣлѣ является болѣе или менѣе полное сліяніе отдѣльной личности со всѣмъ человѣчествомъ въ мысли, въ чувствѣ и волевой дѣятельности.

Не трудно видѣть, что все, отмѣченное нами здѣсь въ общихъ чертахъ, представляетъ не что иное, какъ прогрессивный ростъ и расширеніе системы тѣхъ цѣлей, которыя ставить себѣ отдѣльная личность, какъ возрастающее въ своей степени установленіе гармоніи между цѣлями, какъ подъемъ личности на все болѣе и болѣе высокія ступени нравственного развитія. Система цѣлей безпредѣльно расширяется и необходимо должна расширяться, потому что ей данъ неизсѣкающій источникъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя себѣ ставить человѣчество и къ которымъ личность, по мѣрѣ установленія солидарности среди послѣдняго, все болѣе и болѣе пріобщается. Указать предѣлы для расширенія системы цѣлей здѣсь почти невозможно, такъ какъ само человѣчество по сравненію съ личностью представляетъ нѣчто неисчерпаемое и безпредѣльное и такъ какъ процессъ развитія въ данномъ случаѣ не можетъ остановиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто полное сліяніе каждой личности со всѣмъ человѣчествомъ. А дальше? Кто скажеть, что будетъ дальше? Объединенное, солидарное человѣчество по-

ставить себѣ новые цѣли, новые задачи, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого представлѣнія.

Все выше сказанное представляетъ, такъ сказать, тотъ естественный путь, въ направленіи котораго работаетъ психическое взаимодѣйствіе между отдельными личностями, разъ только оно устанавливается между ними на почвѣ сознательной, творческой активности нашего духа. Но установление этой послѣдней формы психического взаимодѣйствія и расширеніе ея сферы наталкивается на своеи пути на много препятствій. Въ общественной жизни, такъ, какъ она протекаетъ въ дѣйствительности, встрѣчается не мало моментовъ, которые изолируютъ отдельную личность изъ круга другихъ людей или противополагаютъ ея интересы интересамъ этихъ послѣднихъ. Личность при этомъ, такъ сказать, выхватывается изъ сферы сознательного, творческаго психического взаимодѣйствія или послѣднее не можетъ итти своимъ нормальнымъ путемъ и приводить къ тѣмъ результатамъ, которые составляютъ его естественное послѣдствіе. Съ этими моментами необходимо нужно считаться, и влияніе ихъ на личность неизбѣжно должно быть принимаемо въ разсчетъ. Поскольку существуетъ обмѣнъ мыслей, обмѣнъ чувствованій и обмѣнъ желаній, въ которомъ приводится въ дѣйствіе сознательная, творческая воля въ человѣкѣ, съ необходимостью должны получиться отмѣченные нами выше въ краткихъ чертахъ результаты. И однако, хотя общество существуетъ уже давно, они до сихъ поръ еще не получились въ сколько-нибудь широкой степени. Что-то мѣшаетъ и тормазитъ развитіе человѣчества въ этомъ направленіи. Что же это такое?

Прежде всего мы не должны упускать изъ виду, что человѣкъ представляетъ животный организмъ, подчиненный всѣмъ законамъ животнаго существованія, которые намъ открываетъ біологія. Какъ животное существо, человѣкъ стремится прежде всего къ самосохраненію и продолженію рода и смотрѣть съ этой точки зрењія на все остальное, какъ на средство или орудіе этого самосохраненія или продолженія рода. Все, что мѣшаетъ ему на пути къ этой цѣли, со всѣмъ этимъ онъ вступаетъ въ самую жестокую борьбу. Кромѣ

того, являясь животнымъ организмомъ, имѣющимъ плоть и кровь, человѣкъ представляетъ существо чувственное, ищущее физическихъ наслажденій и личнаго счастья и борющееся изъ-за нихъ со всякимъ, кто только станетъ ему на этомъ пути. Борьба за самосохраненіе и борьба за физическія наслажденія, за личное счастье—вотъ что главнымъ образомъ разъединяетъ людей, что мѣшааетъ установиться между ними широкому творческому психическому взаимодѣйствію.

Конечно, и стремленіе къ самосохраненію, и стремленіе къ счастью—все это вполнѣ законныя стремленія, которыя всегда были и всегда будутъ существовать и которыя сами по себѣ еще не заключаютъ въ себѣ необходимости той борьбы, о которой мы говорили выше. Эта борьба, однако, дѣлается неизбѣжной при известныхъ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ, съ устраниемъ которыхъ она можетъ быть или значительно смягчена или даже и вовсе устранена.

Первоначально, въ первые періоды жизни человѣчества, которые мы могли бы назвать его дѣтствомъ, когда разумъ человѣка еще слабъ и мало развитъ, когда въ отношеніи интеллекта онъ немногимъ чѣмъ разнится отъ человѣкоподобныхъ обезьянъ, недостатокъ въ окружающей его обстановкѣ питательныхъ материаловъ и вообще предметовъ, служащихъ для удовлетворенія его потребностей, дѣлаетъ неизбѣжной самую жестокую борьбу за существованіе между членами человѣческаго рода и такимъ образомъ обусловливаетъ возникновеніе привычекъ и инстинктовъ, безусловно враждебныхъ нравственности и тому творческому психическому взаимодѣйствію между людьми, о которомъ мы говорили выше. Чтобы нравственное развитіе и этотъ родъ психического взаимодѣйствія стали возможными, необходимо смягченіе борьбы за существованіе, необходимо, чтобы эта борьба потеряла свой острый характеръ. Въ материальной средѣ должны происходить такія измѣненія, которыя дѣлали бы борьбу за существованіе все менѣе неизбѣжной и открывали бы такимъ образомъ все болѣе простора для дѣятельностей иного рода, направленныхъ не на уничтоженіе другихъ живыхъ существъ, а, напротивъ того, на ихъ поддержку въ тѣзки, на содѣйствіе имъ въ ихъ самосохраненіи и раз-

витіи, — ведущихъ не къ борьбѣ и разъединенію людей, а къ ихъ коопераціи и общенію другъ съ другомъ.

Самый процессъ борьбы за существованіе приводить въ концѣ концовъ къ выработкѣ тѣхъ силъ, которыя дѣлаютъ эту борьбу менѣе интенсивной, которая все въ болѣе значительной степени ее ограничиваются. Наиболѣе могущественными орудіями въ борьбѣ за существованіе являются интеллектъ и ассоціація съ другими себѣ подобными существами. Первоначально развивается только та сторона интеллекта, которая называется хитростью, проницательностью, умѣньемъ быстро сообразить обстоятельства и обмануть врага, а ассоціація съ другими людьми имѣеть кратковременный характеръ и ограниченные размѣры: борьба между отдѣльными личностями замѣняется здѣсь только борьбой между маленькими общественными группами. Изъ грубой формы интеллекта, изъ чисто животной хитрости, построенной на принципѣ обмана, развивается мало-по-малу, какъ прекрасно это показываетъ Лестеръ Уордъ въ своей книгѣ „Психическіе факторы цивилизациі“, тотъ геній изобрѣтательности, который даетъ возможность человѣку въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользоваться силами природы для улучшенія своей жизни, а первичныя несовершенныя формы ассоціаціи, въ которыхъ взаимодѣйствіе между людьми всѣцѣло почти построено на основѣ психологического автоматизма, даютъ мало-по-малу начало тѣмъ совершеннымъ формамъ общественной жизни, въ которыхъ творческимъ спламъ человѣка принадлежитъ выдающаяся роль.

Но даже и послѣ того какъ изобрѣтательный геній человѣка настолько измѣнилъ материальную среду, что борьба за существованіе между людьми, повидимому, стала вполнѣ излишней, даже и послѣ того, когда уже возникли эти болѣе совершенныя и болѣе широкія формы ассоціаціи людей другъ съ другомъ, продолжаютъ еще свое вредное дѣйствіе инстинкты и склонности, унаслѣдованные отъ прошлыхъ періодовъ жестокой борьбы за существованіе, когда материальныя условія требовали безпощадного уничтоженія соперниковъ и устраненія ихъ въ возможно болѣе значительномъ размѣрѣ съ арены жизни. Только мало-по-малу эти инстинкты и

склонности могутъ сгладиться и уничтожиться и природа человѣка придти въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися матеріальными, духовными и общественными условіями жизни. Если человѣчество и вышло изъ периода своего дѣтства, то оно далеко еще не вышло изъ периода своего отрочества, а периодъ зрѣлого возраста гдѣ-то очень далеко мерцаеть въ туманной дали будущаго.

Современная жизнь намъ еще до сихъ порь въ значительной степени представляетъ борьбу за средства существованія и погоню за богатствомъ и матеріальными удовольствіями. Только въ той мѣрѣ, въ какой эта борьба, благодаря тѣмъ или другимъ причинамъ, утихаетъ или замираетъ, сознательное, творческое психическое взаимодѣйствіе вступаетъ въ свои права и развертывается передъ нами всѣ тѣ послѣдствія, о которыхъ мы говорили выше. Когда антагонизмъ и конкуренція между людьми во всѣхъ ихъ видахъ, какъ прямого, такъ и косвенного характера, будутъ устраниены, когда каждая личность будетъ въ достаточной мѣрѣ обеспечена средствами существованія и физического счастья и ей не будетъ необходимости бороться изъ-за этого съ другими, когда въ ней окончательно исчезнутъ всѣ разрушительные и антисоціальные инстинкты,—только тогда психическое взаимодѣйствіе между людьми на почвѣ творческой активности ихъ духа получитъ полный просторъ для своего обнаруженія, только тогда разовьется тотъ широкій и интенсивный обмѣнъ мыслей, чувствъ и стремленій, о которомъ мы себѣ можемъ составить теперь только смутное представление. Развитіе производительныхъ силъ, все возрастающее по своимъ размѣрамъ примѣненіе пара и электричества, дѣлающее съ каждымъ днемъ гигантскіе шаги впередъ и влекущее за собою тотъ громадный матеріальный прогрессъ, который намъ приходится наблюдать за послѣднее время, все болѣе способствуетъ приближенію того момента, когда для психического взаимодѣйствія и для его прогрессивнаго расширенія будутъ даны наиболѣе благопріятныя условія, когда оно будетъ имѣть возможность проявляться не временами только и не въ узкихъ кругахъ общества, но постоянно и въ широкихъ общественныхъ слояхъ.

Въ заключеніе этой главы, мы должны еще нѣсколько остановиться на томъ значеніи, которое имѣютъ для развитія сознательной, творческой воли въ человѣкѣ продукты дѣятельности какъ его личной, индивидуальной, такъ и кол-лективной, общественной. Продукты этой дѣятельности, съ одной стороны, могутъ быть сведены къ опредѣленнымъ материальными вещамъ, съ другой—къ опредѣленнымъ формамъ и орудіямъ психического взаимодѣйствія. Въ той мѣрѣ, въ какой эти продукты находятъ свое воплощеніе въ формѣ тѣхъ или другихъ материальныхъ благъ, все, что было сказано нами о значеніи природы, какъ фактора, опредѣляю-щаго развитіе воли, примѣнно вполнѣ и къ нимъ. Насколько эти продукты имѣютъ идеальное и соціальное значеніе, къ нимъ можетъ быть приложено все то, что было нами сказано относительно психического взаимодѣйствія между людьми. Чтобы сдѣлать вполнѣ ясной нашу мысль, предположимъ, что такого рода искусственнымъ продуктомъ человѣческой дѣятельности является какая-нибудь статуя, изваянная великимъ скульпторомъ, напр., хотя бы Венера Милосская. Съ одной стороны, это просто материальный предметъ, кусокъ мрамора, который на человѣка, лишенного всякаго эстети-ческаго вкуса, можетъ оказаться не большее впечатлѣніе, чѣмъ какой-нибудь булыжникъ или гранитъ, съ другой—это—вопло-щеніе идеальной красоты, физической и душевной, которое можетъ наполнить самимъ неподдѣльнымъ восторгомъ наше сердце и произвести даже цѣлый переворотъ въ нашей жизни, какъ обѣ этомъ неподражаемо разсказываетъ Глѣбъ Успен-скій въ одномъ изъ своихъ очерковъ<sup>1)</sup>. Созерцая это про-изведеніе искусства, мы вступаемъ въ духовное общеніе съ художникомъ, его создавшимъ, и дѣлаемся участниками тѣхъ свѣтлыхъ идей, тѣхъ благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ порывовъ, которые его волновали, и, перерабатывая въ сво-емъ собственномъ сознаніи всѣ эти сложные душевые про-цессы, мы становимся чище, свѣтлѣе и благороднѣе. Но кусокъ мрамора, ставъ произведеніемъ искусства, не пере-сталъ оставаться и частицей той естественной обстановки,

1) Сочиненія Г. И. Успенскаго, Т. I, стр. 1122.

той природы, которая нась окружаетъ. Получивъ символическое значеніе, ставъ воплощеніемъ красоты и средствомъ духовнаго общенія людей между собою, онъ остался все тѣмъ же кускомъ мрамора, которымъ былъ прежде. Скульпторъ не уничтожилъ мрамора, только придалъ ему другую форму, другой смыслъ и значеніе кромѣ того, которое онъ имѣлъ, какъ простая каменная глыба.

Подобнымъ образомъ можно сказать, что человѣчество вообще, не уничтожая той естественной обстановки, среди которой оно живеть, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе ее преобразуетъ, придавая этой естественной обстановкѣ все болѣе и болѣе искусственный видъ. Количество продуктовъ, составляющихъ плодъ труда человѣка, его искусства, его творческой дѣятельности, все болѣе и болѣе растетъ. И каждое умноженіе числа такихъ продуктовъ есть не болѣе и не менѣе, какъ расширение той среды, которая окружаетъ человѣка и которая является поприщемъ для его болѣе одухотворенной и идеализированной жизни и для развитія его сознательной, разумной и творческой воли. Сравните среду первобытного человѣка, дикаря, бродящаго въ непроходимыхъ лѣсахъ, которому была доступна только одна природа съ ея деревьями, съ ея птицами, звѣрями, съ ея голубымъ небомъ,—со средой современного цивилизованного человѣка, который, имѣя возможность наслаждаться и пользоваться природой, если онъ хочетъ, сверхъ того находить передъ собой неисчерпаемыя богатства въ книгахъ, картинахъ, музыкальныхъ произведеніяхъ и т. д., воплощающихъ въ себѣ результаты неутомимаго исканія истины, красоты и справедливости многихъ поколѣній людей, изъ которыхъ иные уже очень давно сошли со сцены жизни. Эти лучшіе люди прошлыхъ временъ продолжаютъ жить для нась въ своихъ твореніяхъ. Духовное богатство, скопленное въ памятникахъ мысли и художественнаго творчества, безгранично и оно все болѣе и болѣе растетъ. Та искусственная среда, которая получаетъ все большее и большее значеніе въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка, неизмѣримо расширяется и нѣть возможности указать предѣлы для этого роста. Она растетъ въ связи съ расширениемъ, а также возрастаніемъ

интенсивности сознательного, творческого психического взаимодействия между людьми и является орудиемъ, показателемъ и видимымъ выражениемъ этого послѣдняго процесса.

## VII.

### Характеристическая черты среды, наиболѣе благопріятной для нравственного развитія ребенка.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы сдѣлали краткій очеркъ того взаимодействія, которое существуетъ между средой съ одной стороны и индивидуальной личностью — съ другой. Теперь намъ предстоитъ остановиться болѣе подробнѣ на вопросъ о томъ, какая среда или какія ея стороны дѣйствуютъ благотворнымъ образомъ на развитіе въ личности тѣхъ нравственныхъ идей, чувствъ и стремленій, которыя имѣютъ своимъ предметомъ воплощеніе въ жизни высшаго нравственнаго идеала.

Отвѣтить на этотъ вопросъ теперь уже не трудно. Только главнымъ образомъ на почвѣ психического взаимодѣйствія могутъ создаться тѣ могучія свѣтлые активныя идеи и чувства, которыя обусловливаютъ развитіе въ ребенкѣ нравственной воли. Взаимодѣйствіе между ребенкомъ и природой или материальной обстановкой только косвенно и только при посредствѣ психического взаимодѣйствія можетъ получить нравственное значеніе. Оно можетъ послужить школой для развитія воли въ ребенкѣ, для расширенія его сознательной творческой активности, но направить эту волю на тѣ цѣли, которыя составляютъ содержаніе нравственности, направить эту активность на преобразованіе реальной жизни сообразно съ высшимъ нравственнымъ идеаломъ можетъ только одно психическое взаимодѣйствіе. Все, что затрудняетъ возникновеніе широкаго психического взаимодѣйствія между ребенкомъ и окружающимъ его міромъ людей — все это тормозитъ въ немъ выработку нравственной воли и всѣ подобные явленія въ окружающей средѣ должны быть признаны безусловно вредными для ребенка въ нравственномъ отношеніи. Помѣшать дѣйствію подобныхъ явленій — измѣнить такъ среду, въ которой приходится жить ребенку,

чтобы эта среда пробуждала въ немъ мысли, чувства и желанія, которыми питается и на которыхъ основывается въ человѣкѣ нравственность, составляетъ великую задачу, лежащую на воспитателѣ.

Итакъ, первое и самое главное, что среда должна допускать и допускать въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ, это—установленіе всесторонняго психического взаимодѣйствія. Но главный вопросъ въ томъ, на какой почвѣ происходитъ само это психическое взаимодѣйствіе—на почвѣ ли психологического автоматизма или сознательной творческой активности.

Мы видѣли выше, что только послѣдняя форма психического взаимодѣйствія ведетъ къ созданію того истинно-нравственного характера, который долженъ составить точку опоры въ нравственной дѣятельности человѣка. На почвѣ же психологического автоматизма въ лучшемъ случаѣ можетъ создаться только виѣшняя нетвердая и неустойчивая нравственность и то при условіяхъ благопріятной, здоровой среды.

Чѣмъ болѣе въ человѣкѣ господствуетъ психологический автоматизмъ, тѣмъ болѣе онъ находится во власти и подъ вліяніемъ виѣшнихъ условій, тѣмъ большую роль играетъ среда въ качествѣ опредѣлителя и направителя его будущей дѣятельности. Наоборотъ, чѣмъ болѣе въ душѣ человѣка господствуетъ сознательная, творческая активность, тѣмъ болѣе онъ въ состояніи сопротивляться всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ среды, идущимъ въ разрѣзъ съ развитіемъ и совершенствованіемъ воли, т.-е. съ ея стремленіемъ стать нравственной, любящей, безкорыстной волей. Тѣмъ болѣе также онъ въ состояніи пользоваться въ окружающей средѣ каждымъ благопріятнымъ случаемъ, отъ которого можетъ выиграть въ немъ ростъ и развитіе этой нравственной воли.

Пѣрвоначально, въ первые годы дѣтства, сознательная творческая активность въ ребенкѣ еще очень слаба, психологический автоматизмъ играетъ въ его жизни сравнительно еще слишкомъ широкую, можно сказать, поглощающую роль. Имѣть особенно важное значеніе заботливый уходъ за этой творческой активностью. Она составить самую лучшую точку

опоры для дальнѣйшаго твердаго и прочнаго развитія въ ребенкѣ нравственности, когда онъ станетъ впослѣдствіи взрослымъ человѣкомъ. Надо дать ей полный просторъ для дѣйствія, полную свободу обнаруженія, чтобы она такимъ образомъ упражнялась, развивалась, окрѣпла и получила, какъ можно скорѣе, въ личности господство надъ автоматическими процессами.

Въ этомъ отношеніи, важнымъ представляется вопросъ, насколько окружающая среда стѣсняетъ или, наоборотъ, поддерживаетъ развитіе въ человѣкѣ творческихъ силъ. Среда, подавляющая въ человѣкѣ съ самыхъ малыхъ лѣтъ всякое творчество, не можетъ быть благопріятна для развитія нравственности. Въ такой средѣ, какъ бы высоко она ни стояла въ культурномъ отношеніи, могутъ возникнуть акробаты нравственности, но не истинно-нравственные люди. Надо остерегаться слишкомъ развивать въ дѣтяхъ психологической автоматизмъ,—онъ и такъ заполонилъ нашу жизнь и душитъ въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе истинно-творческихъ силъ, которымъ принадлежитъ будущее. Окружающая ребенка среда въ большинствѣ случаевъ стремится къ самыхъ малыхъ лѣтъ выработать изъ него автомата, а не свободную и сознательную личность человѣка — творца.

Какъ мы тщательно холимъ и лелеемъ всѣ тѣ стороны душевной жизни, которыя служатъ въ насть выраженіемъ психологического автоматизма! Мы заботимся о развитіи хорошихъ привычекъ, навыковъ, памяти, тогда какъ прежде всего и больше всего слѣдовало бы заботиться о развитіи творчества, какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни, о культивированіи той психической силы въ насть, которая, оперируя надъ совершающимися въ нашей душѣ психическими процессами, связываетъ и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое и постоянно творить и созидаетъ новое. Привычки, навыки, память — все это можетъ быть важно только какъ опорная точка для дѣятельности этой высшей психической силы, все это должно служить только для облегченія и расширенія творческой дѣятельности въ человѣкѣ. Вотъ почему развитіе привычекъ, навыковъ и

культура памяти въ ребенкѣ не должны переходить за тѣ граници, за которыми они начинаютъ пагубно отражаться на развитіи сознательной творческой воли.

А между тѣмъ вся система нашего домашняго воспитанія, а также и того образованія, которое даетъ ребенку школа, сильно грѣшить въ этомъ отношеніи. Въ домашнемъ кругу мы даемъ ребенку уже готовыя цѣли и сами же указываемъ ему средства ихъ достижения, не предоставляемъ ему самому добиваться ихъ открытія, мы развиваемъ въ немъ всевозможнаго рода привычки — къ порядку, къ аккуратности и т. д., исключая привычки дѣйствовать самостоительно. А вся система школьнаго преподаванія развѣ не сводится къ тому, чтобы въ готовомъ, пережеванномъ видѣ давать ребенку начатки знанія, расчитывая исключительно на его память, вмѣсто того, чтобы творческимъ путемъ вести его отъ одной истины къ другой, такъ чтобы весь процессъ приобрѣтенія знанія былъ для него рядомъ постоянныхъ открытій, которыя хотя онъ и дѣлаетъ при помощи учителя и наставника, но дѣлаетъ все же самъ, и знаніе такимъ образомъ является для него какъ иѣчто активно добытое, а не пассивно воспринятое. Короче говоря, и дома и въ школѣ мы дрессируемъ ребенка, какъ дрессируютъ животныхъ, но не воспитываемъ его въ истинномъ, человѣчномъ значеніи этого слова, мы стараемся развить въ немъ всевозможныя хорошія качества, кромѣ самого главнаго, а именно сознательной, разумной, творческой воли.

Что касается среды вообще, то въ этомъ отношеніи на ребенка дѣйствуетъ благотворно все то, что вызываетъ съ его стороны сознательную психическую или двигательную реакцію, что такъ или иначе побуждаетъ его дѣйствовать согласно опредѣленной намѣченной цѣли, побуждаетъ производить рядъ тѣхъ или другихъ цѣлесообразныхъ движеній или возбуждаетъ самостоятельную работу его мысли. Все это воспитываетъ его волю. И, наоборотъ, всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра, подавляющія активность въ человѣкѣ, надо признать крайне вредными въ воспитательномъ отношеніи. Этихъ впечатлѣній безусловно надо избѣгать. Для ребенка надо создать такую среду, которая постоянно пробуждала

бы въ немъ активные чувства, вызывала бы его самодѣятельность, заставляла бы его сознательно и обдуманно дѣйствовать. Только при такомъ условіи воля въ ребенкѣ достигнетъ той широты развитія, безъ которой невозможно совершенствованіе человѣка въ нравственномъ отношеніи.

Но внѣшнія впечатлѣнія, воспитывая въ ребенкѣ активные чувства, вмѣстѣ съ тѣмъ должны пробуждать въ немъ и активные идеи. Это необходимо, если только внѣшнія впечатлѣнія должны благотворно вліять на наше нравственное развитіе. Активной идеей мы называемъ всякую идею возможного конкретнаго дѣйствія. Чѣмъ больше такихъ идей въ человѣкѣ, тѣмъ лучше. Онѣ должны составить центръ, основное ядро, вокругъ котораго затѣмъ сгруппируется все осталыное наше умственное богатство. Вся бѣда наша въ томъ, что у насъ слишкомъ мало активныхъ идей; если бы ихъ было больше, то наша жизнь давно бы измѣнилась къ лучшему. Развѣ мы кругомъ себя не встрѣчаемся очень часто съ людьми, которые обладаютъ, повидимому, громадными знаніями, тщательно разсортированными въ ихъ головѣ по различнымъ рубрикамъ и подрубрикамъ, но эти знанія не имѣютъ никакого активнаго значенія, представляютъ мертвый капиталъ какъ для ихъ владѣльца, такъ и для окружающихъ людей. Эти лица имѣютъ изобилійный запасъ идей, но страдаютъ отсутствіемъ идей активныхъ, которыхъ однѣ только могли бы сдѣлать ихъ знаніе жизненнымъ и плодотворнымъ. Активная идея, пустившая глубокіе корни въ душѣ, т.-е. поддерживаемая и питаемая соотвѣтствующимъ ей активнымъ чувствомъ, есть великая и могучая сила, которая властно двигаетъ человѣческою волею.

Чтобы добиться выработки подобнаго рода активныхъ идей въ ребенкѣ, воспитатель долженъ особенное стараніе прикладывать къ тому, чтобы всякая мысль, которая рождается въ ребенкѣ, была доведена имъ до степени активной идеи или, по крайней мѣрѣ, связана съ какими нибудь другими активными идеями. Эта мысль должна стать въ немъ настолько ясной, опредѣленной и конкретной, чтобы сдѣлалось возможнымъ дѣйствіе сообразное съ ней. Вопросъ „что дѣлать?“ надо ставить себѣ, не уставая, это самый сущ-

ственный вопросъ, и пока мы не получили на него отвѣта, мы не должны знать покоя. Мысли, которыя бродятъ въ нашей головѣ, или должны быть преданы забвенію, или, если мы находимъ ихъ цѣнными, должны быть переработаны до степени активныхъ идей. Мы должны стремиться выработать въ самихъ себѣ такое міросозерцаніе, которое могло бы быть названо активнымъ; мы должны также стараться создать условія, благопріятныя для выработки активнаго міросозерцанія и въ нашихъ дѣтяхъ. Наши представленія, наши понятія, наши идеи мы должны стремиться объединить въ одну систему, въ которой руководящей идеей является идея о дѣйствіи. Надо дѣйствовать постоянно и непрерывно, чтобы изменить жизнь въ лучшую сторону, надо одному и въ союзѣ съ другими своею дѣятельностью создавать и творить новыя формы жизни, которыя превзошли бы своимъ совершенствомъ существующія. Улучшать окружающую насъ матеріальную обстановку, улучшать самого себя, улучшать другихъ людей и соціальныя отношенія, существующія между ними,— вотъ что должно облегчать намъ наше міросозерцаніе, что оно должно дѣлать яснымъ для насъ до степени возможнаго осуществленія. Только активное міросозерцаніе и имѣть какую-нибудь цѣну. Задача воспитанія выработать человѣка съ неутолимой жаждой дѣятельности, и дѣятельности сознательной, разумной, творческой, а не пассивнаго зрителя или созерцателя того, что происходитъ на аренѣ жизни или въ его собственной душѣ.

Не трудно понять, почему наша школа, при современ-  
ной ея постановкѣ, оказываетъ на дѣтей такое пагубное  
вліяніе. Она дѣлаетъ ихъ душу складочнымъ амбаромъ всевозможныхъ книжныхъ понятій, которыя ничѣмъ рѣшительно не связаны съ ихъ представленіями, не имѣютъ никакого практическаго жизненнаго значенія, и научаетъ ихъ считать это мнимое знаніе за настоящее. Она пріучаетъ ихъ удовлетворяться поддѣльными, фальшивыми монетами, не справляясь о томъ, изъ какого металла онѣ сдѣланы. Вместо того, чтобы воспитать въ насъ привычку наблюдать, способность активно вопрошать природу и собственными усилиями добиваться отъ нея отвѣтовъ, способность систематизировать свои

жизненные опыты, расширять ихъ, насколько возможно, и стараться о томъ, чтобы они нашли плодотворное примѣнѣе къ практической жизни,—она воспитываетъ въ насъ поверхностное, пассивное, недѣятельное отношеніе къ ней. Выходя изъ школы, мы еще болѣе бѣдны, чѣмъ когда вступали въ нее. Нашу природную способность къ наблюденію жизни, наше природное стремленіе къ переводу символовъ на живой конкретный языкъ реальныхъ образовъ, нашу потребность находить для теоретического знанія практическое примѣненіе она убила въ насъ совершенно: мы находимъ теперь особенное удовольствіе вращаться въ мірѣ мертвыхъ идей и удовлетворяться призраками дѣйствительной жизни. Человѣкъ настолько сживается съ затхлымъ воздухомъ той гробницы, въ которую замуровали его душу, что его перестаетъ даже тянуть на свѣжій воздухъ къ безбрежному простору безпредѣльной природы или широкаго, кипучаго, плодотворного общественного труда, подъ вліяніемъ которыхъ только и можетъ развернуться живое существо.

Да, юноша выходить изъ школы нищимъ, котораго нарядили въ великолѣпные костюмы, котораго снабдили роскошнымъ багажомъ всякаго рода тяжеловѣсныхъ знаній, но взгляните ближе въ эти костюмы, разберитесь въ этомъ багажѣ и вы увидите, что они похожи на одѣяніе паяца и арлекина, что они состоять только изъ одной мишуры и блестокъ, что подъ ними скрыта бѣдная „голодная человѣческая душа“, у которой похитили всѣ ея сокровища и, нарядивъ въ шутовское одѣяніе, пустили по міру. Нечего послѣ этого и требовать, чтобы обобранный подобнымъ образомъ въ душевномъ отношеніи юноша могъ дать что-нибудь для людей. Окружающіе его люди могутъ любоваться, какъ блеститъ мишурѣ и позолота на его шутовскомъ одѣяніи, какъ прекрасно онъ знаетъ всевозможные неправильные латинскіе и греческіе глаголы, годы сраженій и тому подобныя никому не нужныя вещи и не знаетъ совсѣмъ того, что касается его жизни и жизни другихъ окружающихъ его живыхъ людей, не знаетъ того, что могло бы содѣйствовать улучшенію и облагораживанію этой жизни. И между тѣмъ тотъ же самый юноша, если бы внимательно и заботливо къ

нему относились, если бы не растрачивали безумно и бессмысленно его душевныхъ богатствъ, если бы съ самыхъ малыхъ лѣтъ въ немъ старались воспитать дѣятельное, творческое отношеніе къ жизни, какъ много тепла и свѣта могъ бы онъ дать, какое плодотворное значеніе могъ бы онъ имѣть для близкихъ ему людей, для своей родины, для человѣчества, несмотря на отсутствіе шутовскихъ и нарядныхъ костюмовъ,

Но прежде, чѣмъ научить ребенка дѣйствовать на людей или общество, воспитатель долженъ научить его дѣйствовать на материальную среду, на природу, которая представляетъ болѣе легкое и болѣе доступное для него поприще дѣятельности.

Принципъ дѣятельного отношенія къ природѣ не сразу, а только медленно и постепенно завоевалъ себѣ мѣсто въ общемъ ходѣ жизни человѣчества, нельзя поэтому предполагать, чтобы онъ получилъ свое признаніе и съ самыхъ первыхъ дней жизни индивидуальной личности. Дѣятельное творческое отношеніе къ природѣ надо воспитывать въ ребенка, его надо тщательно поддерживать и развивать, стараясь о томъ, чтобы ребенокъ не являлся въ отношеніи природы пассивнымъ и чтобы онъ научился подавлять тотъ страхъ, который природа порою въ немъ возбуждаетъ. Надо прилагать особенную заботу къ тому, чтобы материальная среда, окружающая ребенка, какъ только представится къ этому возможность, служила ему поприщемъ для свободной творческой дѣятельности и для производительного труда, направленного на созданіе тѣхъ или другихъ материальныхъ благъ, съ которыми связано счастье человѣка или которыхъ служать источникомъ его гармонического развитія.

Не въ душныхъ и тѣсныхъ комнатахъ большого города, съ его блескомъ, пестротою и шумомъ, оглушающими и усыпляющими сознаніе не только у ребенка, а даже и у взрослого человѣка, но въ деревнѣ, среди луговъ, лѣсовъ, полей, у подножія поднимающихся къ небу горъ или на берегу безпрѣдѣльно раскинувшагося моря, волны которого то тихо, то громко постоянно о чѣмъ-то неумолчно ропщутъ, найдетъ ребенокъ наиболѣе благопріятныя условія для развитія въ немъ творче-

скаго отношенія къ природѣ. Наблюдая тамъ жизнь природы во всемъ разнообразіи ея формъ, онъ каждый день будетъ совершать новое открытие, узнавать новыхъ животныхъ и растеній, видѣть тѣ постепенные перемѣны, которыя происходятъ въ нихъ въ теченіе ихъ роста, онъ будетъ знакомиться лицомъ къ лицу съ различными физическими, химическими, метеорологическими, геологическими и иными измѣненіями въ природѣ и такимъ образомъ путемъ собственного опыта и наблюденія, требующихъ участія творческой мысли, онъ будетъ пріобрѣтать то знаніе, которое городскому ребенку приходится пріобрѣтать изъ книгъ въ готовомъ видѣ и усваивать главнымъ образомъ памятью. А на ряду съ этимъ маленький огородъ, небольшой садикъ, къ которымъ приложенъ собственный посильный трудъ ребенка, а также различные ремесла въ доступной для дѣтскихъ силъ формѣ дадутъ ему возможность для развитія своей творческой воли на какомъ-нибудь практическомъ дѣлѣ. Все это мы беремъ только въ качествѣ иллюстраціи нашей мысли, а нѣтъ сомнѣнія, что возможно найти и многіе другіе способы для развитія въ ребенкѣ творческаго отношенія къ природѣ не только въ деревнѣ, но даже и въ городѣ, гдѣ человѣкъ такъ тщательно, повидимому, искореняетъ всякие слѣды своей естественной обстановки.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы тамъ ни было, материальная среда, окружающая ребенка, имѣеть-ли она естественный или искусственный характеръ, должна доставлять достаточный материалъ для творческой, созидательной дѣятельности, и не должна затруднять свободное обнаруженіе накопленной въ немъ активности. Тамъ, где среда такого рода, что свободное, сознательное, творческое дѣйствіе почему-либо стѣсняется и задерживается, тамъ она не можетъ быть благопріятна для развитія воли. Но какимъ образомъ среда можетъ стѣснять или задерживать сознательное творческое дѣйствіе въ ребенкѣ? Это можетъ происходить двоякимъ образомъ: или среда можетъ возбуждать въ немъ страхъ того или другого рода, или впечатлѣнія, оказываемыя средой на ребенка, могутъ быть до того изобилъны, что будутъ поглощать все его время, всѣ его психическія силы, такъ что

не будетъ оставаться ни времени, ни душевныхъ силъ на ту сознательную, самостоятельную работу мысли, которая со-ставляетъ необходимое предварительное условіе всякаго во-левого акта, въ противоположность дѣйствіямъ автомати-ческимъ.

Что касается страха, то въ этомъ отношеніи мы должны помнить, что страхъ подавляетъ активность, парализуетъ силы. Человѣкъ, боящійся чего бы то ни было, не можетъ быть дѣятельнымъ. Чтобы дѣйствовать нужна извѣстная рѣ-шимость, нужно не страшиться усилия, не бояться тѣхъ страданій, которые могутъ встрѣтиться на нашемъ пути, не бо-яться пораженія, смѣло глядѣть въ лицо опасности и тѣмъ препятствіямъ, которые намъ предстоитъ преодолѣть. Тамъ, где дѣйствительность такова, что все пугаетъ и страшить человѣка, она не можетъ быть благопріятна для развитія въ немъ активности. И часто мы пугаемся не только дѣйстви-тельныхъ опасностей, но мнимыхъ, представляющихъ плодъ недостаточной oriентировки человѣка въ окружающихъ его условіяхъ жизни. Эти призраки, созданные нами же самими, иногда въ сильной степени затрудняютъ и тормозятъ нашу дѣятельность.

Страхъ передъ природою имѣлъ огромное значеніе въ ервобытныя времена существованія человѣка, когда природа являлась ему въ такомъ грозномъ и величественномъ видѣ, но врядъ ли онъ можетъ имѣть большое значеніе для совре-менного ребенка среди той видоизмѣненной человѣческимъ трудомъ природы, которую онъ находитъ въ настоящее время. Современному ребенку приходится больше бояться не столько природы, сколько близкихъ людей или руководителей, кото-рые могутъ стѣснять всякое проявленіе его воли подъ угро-зой того или другого наказанія, которые, видя въ послуша-ніи первую добродѣтель ребенка, могутъ недоброжелательно относиться ко всякому обнаруженію его самостоятельности, его свободного, творческаго отношенія къ окружающему. Вѣдь приказывать и принуждать угрозами и разными дисци-плинарными взысканіями куда легче, чѣмъ мудро и неза-мѣтно для самого ребенка руководить имъ, направляя его къ добру и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя ему дѣйствовать вполнѣ

самостоятельно, такъ чтобы весь путь нравственного совершенствования служилъ ему школою для выработки нравственной воли, а не только тѣхъ или другихъ привычекъ, именуемыхъ нами нравственными.

Точно также, что касается чрезмѣрного изобилия внѣшнихъ впечатлѣній, подавляющаго нашу активность и убивающаго наши творческія силы, то и въ этомъ отношеніи для современного ребенка опасность угрожаетъ не столько со стороны природы, сколько со стороны той искусственной соціальной обстановки, которую мы находимъ въ большихъ городахъ. Всякій навѣрное испыталъ то чувство успокоенія, возвращенія къ самому себѣ, которое приносить съ собою весною переѣздъ изъ города въ деревню. Душа отдыхаетъ отъ той чрезмѣрной пестроты, того раздражающаго многообразія внѣшнихъ впечатлѣній, съ которыми связана всякая городская жизнь, голова становится свѣжѣе, мысль начинаетъ работать самостоятельно, во всемъ организмѣ чувствуется какая-то бодрость и энергія. Городская жизнь, приводя умъ въ состояніе одѣпенѣнія и въ то же время крайняго перевозбужденія, оказываетъ на человѣка, по мнѣнію Тарда, дѣйствіе, подобное гипнотизаціи: онъ впадаетъ какъ бы въ сомнамбулистическое состояніе. „Движеніе и уличный шумъ“, говоритъ онъ, „выставка товаровъ въ магазинахъ, непомѣрное и принудительное беспокойство о своемъ существованіи дѣйствуетъ“ на многихъ горожанъ, „какъ магнитическіе пассы“<sup>1)</sup>. Если пагубно дѣйствуетъ на душу взрослого городская жизнь обиліемъ, многообразіемъ и пестротою внѣшнихъ впечатлѣній, такъ чрезмѣрно раздражающихъ и щекочущихъ нервы и такъ мало дающихъ возможности человѣку жить внутреннею жизнью, составляющею необходимое условіе для сколько-нибудь плодотворной внѣшней дѣятельности, то насколько пагубно должно быть ея вліяніе на душу ребенка. Если мы хотимъ, чтобы въ нашихъ дѣтяхъ созрѣли творческія силы, то мы должны стараться держать ихъ подальше отъ суетолоки большого города, отъ этого подавляющаго обилія внѣшнихъ раздраженій. Мы должны стараться окружить ихъ спо-

<sup>1)</sup> Ж. Тардъ. Законы подражанія, стр. 85.

койною, простою обстановкою, которая давала бы для ихъ души работу по силамъ, которая доставляла бы имъ такое количество впечатлѣній, какое они въ состояніи переварить, которая не превращала бы ихъ въ простые воспринимательные аппараты, не повергала бы ихъ какъ бы въ состояніе гипноза,—но допуская при своей простотѣ достаточное разнообразіе и перемѣну, непрестанно служила бы школою для упражненія въ нихъ сознательной, творческой воли. Матеріальная обстановка, окружающая ребенка, должна служить, постепенно вмѣстѣ съ ростомъ силъ въ немъ все въ болѣе возрастающихъ размѣрахъ, поприщемъ для приложенія сознательного, творческаго труда. Способность къ такого рода творческому труду неизмѣримо важнѣе всего того богатства впечатлѣній, которое можетъ доставить, цѣною подавленія самостоятельной духовной жизни, чрезмѣрно сложная и разнообразная среда, и вотъ почему родители и воспитатели должны съ самыхъ малыхъ лѣтъ культивировать эту способность въ своихъ дѣтяхъ.

Они должны развивать въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ труду, что возможно, конечно, только въ томъ случаѣ, если трудъ и наслажденіе въ сознаніи ребенка будутъ тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ. Наслажденіе или счастье должно поднимать въ человѣкѣ энергию и дѣлать его способнымъ для бодрого и неутомимаго труда, а трудъ, будучи свободнымъ, непринужденнымъ обнаруженнемъ активности человѣка, долженъ иметь въ своемъ результатѣ созданіе продуктовъ, ведущихъ къ подъему жизни и счастья какъ личнаго, такъ и общечеловѣческаго.

Въ этомъ отношеніи строй современной общественной жизни врядъ-ли можетъ быть признанъ благопріятнымъ въ смыслѣ развитія воли въ томъ направленіи, о которомъ мы только что говорили. Въ современной жизни мы видимъ, съ одной стороны, пресыщеніе всевозможнаго рода наслажденіями почти безъ всякаго прилагаемаго для этого труда, съ другой стороны—трудъ безъ всякихъ сопровождающихъ его наслажденій, которыми онъ долженъ былъ бы сопровождаться или которыхъ должны были бы быть его послѣдствіемъ при нормальныхъ условіяхъ. Удѣлъ однихъ въ современномъ

обществѣ есть главнымъ образомъ трудъ, удѣлъ другихъ наслажденіе. Подобное положеніе дѣлъ едва ли можетъ воспитывать любовь и уваженіе къ труду и врядъ ли можетъ быть признано нормальнымъ, а не патологическимъ явлениемъ. Трудъ и притомъ творческій, сознательный трудъ и наслажденіе должны быть въ полной мѣрѣ удѣломъ каждого человѣка

Жизнь, полная избыткомъ наслажденій, но лишенная труда, какъ и жизнь, полная труда, но лишенная наслажденій,—одинаково уклоняются отъ условій нормальной, здоровой жизни. Но въ то время какъ первая, будучи зависимой въ своемъ существованіи отъ другихъ и будучи лишена всякой активности, таитъ въ себѣ признаки разложенія,—послѣдняя есть основаніе будущаго прогресса и преобразованія общечеловѣческой жизни къ лучшему. Надо только, чтобы трудъ былъ освѣщенъ мыслью и стать творчествомъ, а не механическимъ дѣломъ, превращающимъ человѣка въ автомата. Даже представители труда и тѣ не всегда ясно сознаютъ великое нравственное его значеніе, потому что они часто трудятся только вслѣдствіе необходимости, при первой возможности готовы были бы избавиться отъ гнета послѣдней, что бы безъ всякой затраты энергіи получать отъ жизни свою долю наслажденій. Это обстоятельство имѣть свое объясненіе въ томъ, что трудъ въ современномъ обществѣ въ рѣдкихъ случаяхъ выполняется добровольно, а большей частью въ силу явнаго или скрытаго принужденія. Только свободный трудъ можетъ стать предметомъ идеальныхъ стремленій. Девятнадцатый вѣкъ характеризуется громаднымъ развитіемъ производительныхъ силъ, сдѣлавшими возможнымъ могучій материальный прогрессъ и созданіе безконечнаго разнообразія материальныхъ благъ. Но самый источникъ этихъ благъ, трудовой элементъ, остается въ тѣни и на заднемъ планѣ. Двадцатому вѣку предстоитъ великая задача: выдвинуть трудъ на первый планъ, что бы продукты труда не заслоняли собою ихъ великаго творца-человѣка, чтобы скрытая въ трудѣ идеальные блага получили возможность своего полнаго расцвѣта и развитія. Эволюція идеальныхъ благъ и идеальной культуры—вотъ что должно будетъ осуществить настоящее столѣтіе.

Здесь мы должны сказать хотя бы нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое среда имѣеть въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка въ качествѣ источника наслажденія или страданія, удовольствія или неудовольствія.

„Въ противоположности между удовольствіемъ и недовольствомъ, въ этой первоначальной противоположности въ мірѣ чувствъ, говоритъ Гефдингъ, не трудно видѣть выраженіе противоположности между подъемомъ и упадкомъ жизненного процесса“ <sup>1)</sup>. И, дѣйствительно, удовольствіе всегда бываетъ связано съ повышеніемъ въ личности жизнедѣятельности, активности, съ избыткомъ силъ, ищущимъ себѣ разряженія въ той или другой формѣ; страданіе же и въ особенности интенсивное, сильное страданіе съ подавленіемъ жизнедѣятельности и активности. Вотъ почему приобрѣтаетъ большое значеніе вопросъ о томъ, является ли среда, окружающая ребенка, для него главнымъ образомъ источникомъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій. „Если непріятныя ощущенія, говоритъ Сикорскій, испытываются ребенкомъ часто, то это безусловно вредно отражается на общемъ ходѣ его психического развитія, воспитывая въ немъ чрезмѣрную впечатлительность, чувствительность, нетерпѣливость. Чѣмъ чаще присоединяются къ этому крикъ и слезы, тѣмъ серъезнѣе будутъ вредныя послѣдствія <sup>2)</sup>.“ Изъ людей, которымъ въ дѣствѣ пришлось перенести много страданій, выходятъ часто озлобленныя, ожесточенные натуры, ищущія выместить на другихъ то, что выпало имъ на долю. И, наоборотъ, если получаемыя ребенкомъ отъ окружающей его среды удовольствія изобилыны, то у ребенка выростаетъ и крѣпнетъ зачатокъ прочныхъ энергическихъ чувствъ <sup>3)</sup> и создается любвеобильное отношеніе къ людямъ и жизни.

Но отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ быть оберегаемъ отъ всякихъ страданій какого бы то ни было рода, что надо безусловно избѣгать во внѣшней материальной обстановкѣ всего того, что можетъ

1) Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опыѣ, стр. 314.

2) Д-ръ И. А. Сикорскій. Воспитаніе въ возрастѣ первого дѣтства, стр. 31.

3) Тамъ же, стр. 30.

вызвать хоть тѣнь неудовольствія на его лицѣ. Ребенокъ, если бы только таковой оказался возможнымъ, который никогда бы въ дѣтствѣ не испыталъ и не перенесъ никакого неудовольствія и страданія, врядъ ли былъ бы способенъ понимать страданія другихъ людей, врядъ ли могло бы въ немъ развиться то могучее чувство состраданія, въ которомъ особенно нуждается наша эпоха, эпоха широкихъ общественныхъ контрастовъ, когда на ряду съ чрезмѣрнымъ скопленіемъ богатства, избыткомъ роскоши и всякаго рода земныхъ благъ у однихъ, наблюдается самая ужасная нищета и почти полное отсутствіе всякихъ средствъ для удовлетворенія даже насущныхъ потребностей у другихъ, когда такъ много лицъ, для которыхъ не приготовлено прибора на пиру жизни и которые должны довольствоваться только тѣмъ, что имъ заблагоразсудятъ бросить тѣ избранные, которые распоряжаются пиршествомъ. Извѣстная доля страданія въ жизни ребенка, которая дала бы ему возможность понять „несчастливыхъ міра сего“, необходима для развитія въ немъ впослѣдствіи широкаго чувства гуманности, но это страданіе, конечно, не должноходить за тѣ предѣлы, когда оно подавляетъ жизнедѣятельность и активность въ человѣкѣ. И вовсе нѣть надобности придумывать искусственные формы для такого рода страданія, надо только не слишкомъ оберегать ребенка отъ тѣхъ страданій, источникомъ которыхъ можетъ для него явиться окружающая среда, и надо только, какъ говорить Кейра, „пользоваться тѣмъ моментомъ, когда онъ страдаетъ самъ, чтобы возбудить въ немъ сожалѣніе о тѣхъ, кто также страдаетъ“ <sup>1)</sup>.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію характера соціальной среды, насколько съ нимъ связана выработка изъ ребенка нравственного существа.

Спрашивается, какимъ образомъ могутъ развиться въ ребенкѣ тѣ нравственные идеи, которые были очерчены нами выше? Какая среда является самой благопріятной въ этомъ отношеніи? Отвѣтъ на это подсказываетъ самъ собою. Вы-

<sup>1)</sup> F. Queyrat. *Les caractères et l'éducation morale. Etude de psychologie appliquée*, page 136.

работа нравственного идеала для отдельной личности тѣмъ больше является облегченной и возможной, чѣмъ больше окружающіе ее люди, съ которыми ей приходится сталкиваться и вступать въ психическое взаимодѣйствіе, направляютъ дѣятельность своей собственной мысли на выработку нравственныхъ идей. Тогда между отдельной личностью и окружающими ее людьми устанавливается обмѣнъ мыслей на почвѣ нравственныхъ идей, который ведетъ къ укрѣплению и къ болѣе ясной, точной и опредѣленной формулировкѣ этихъ идей, облегчающей благодаря этому и возможность практическаго ихъ осуществленія для каждой отдельной личности. Если подобная работа мысли надъ творчествомъ нравственного идеала не имѣть возможности развиться въ окружающей средѣ, встрѣчая какія-либо трудно или легко преодолимыя препятствія, то такая среда является безусловно неблагопріятной для развитія въ ребенкѣ нравственныхъ идей.

Образцомъ такой среды можетъ намъ служить хотя бы современное общество. Какъ мало въ немъ людей, которые глубоко и серьезно задумывались бы надъ нравственными вопросами. Огромное большинство довольствуется ходячими формулами нравственности, не провѣряя ихъ критически и переходя отъ однѣхъ формулъ къ другимъ, смотря по тому, въ какую сторону повернулся флюгеръ моды. Развѣ можетъ быть рѣчь о работѣ мысли надъ творчествомъ нравственныхъ идеаловъ, когда этика только въ сравнительно еще недавнее время, да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ и исключительныхъ случаяхъ, начинаетъ проникать въ школу, какъ предметъ преподаванія, когда даже среди образованныхъ и интеллигентныхъ лицъ нашей эпохи она не пользуется должной данью уваженія и вниманія. Какъ удивляться послѣ этого, если въ такой атмосфѣре, не освѣщенной свѣтомъ творческой мысли, направленной на нравственный идеалъ, и въ которой отсутствуетъ плодотворный обмѣнъ идей на почвѣ такой творческой работы, выростаютъ только чахлые и бездушные люди, равнодушно относящіеся къ общественнымъ интересамъ, самодовольные эгоисты и карьеристы всѣхъ родовъ, которые весь смыслъ жизни видятъ въ тугу набитомъ карманѣ и въ тѣхъ преимуществахъ, съ которыми это связано.

Мы видѣли, что содѣйствіе развитію жизни, увеличеніе суммы и поднятіе ея цѣнности въ мірѣ и прежде всего и главнымъ образомъ среди человѣчества составляетъ высшій этическій идеалъ. Для того, чтобы эта идея была выработана и усвоена ребенкомъ, необходимо, чтобы она была признаваема и въ окружающей средѣ, чтобы она высказывалась, обсуждалась въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ и находила свое выраженіе въ поступкахъ окружающихъ ребенка людей. Если идея развивающейся жизни не только не признается въ средѣ, окружающей ребенка, а напротивъ и теоретически и практически, и въ сужденіяхъ и поступкахъ, всячески отрицается, то такая среда является крайне неблагопріятной въ смыслѣ выработки въ ребенкѣ этой высшей этической идеи. А можемъ ли мы сказать, чтобы эта идея въ полной мірѣ господствовала въ современномъ обществѣ, гдѣ цѣнность человѣческой жизни, этого высшаго извѣстнаго намъ выраженія жизни въ мірѣ, очень часто равняется нулю, а порою спускается даже и ниже нуля. Это и понятно: тамъ, гдѣ общественные отношенія носятъ преимущественно характеръ принудительной коопераціи человѣка съ человѣкомъ, и не можетъ быть благопріятной почвы для широкаго признанія цѣнности за каждою индивидуальною человѣческою жизнью. Только въ той мѣрѣ, въ какой принципъ сознательной, свободной коопераціи прокладываетъ себѣ путь въ современномъ обществѣ, возвышается вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе къ каждой индивидуальной жизни и растетъ убѣжденіе въ томъ, что эта жизнь имѣеть безпредѣльную цѣну и что мѣшать или задерживать хотя бы въ слабой степени развитіе ея преступно. Идея эволюціи, которая, будучи послѣдовательно приложена ко всѣмъ отраслямъ преподаванія, могла бы дать молодому поколѣнію твердоѣ убѣжденіе въ томъ всеобщемъ прогрессѣ жизни, который совершается въ мірѣ и въ предѣлахъ человѣчества, эта идея до сихъ поръ не нашла себѣ еще того главнаго, руководящаго мѣста, которое ей должно было бы принадлежать въ области школы. Если бы мы содѣйствовали возникновенію этой идеи въ нашихъ дѣтяхъ съ возможно болѣе ранняго возраста то нѣть сомнѣнія, что у нихъ выработалось бы болѣе дѣятельное стремленіе вло-

жить свою лепту въ этотъ всеобщій процессъ мірового и общечеловѣческаго развитія, выработалось бы ясное пониманіе своей роли, какъ одного изъ работниковъ въ этомъ процессѣ развитія, работа котораго будетъ тѣмъ успѣшиѣ, чѣмъ болѣе она будетъ озарена свѣтомъ научнаго знанія и чѣмъ сознательнѣе и разумнѣе въ силу этого она будетъ совершаться.

Идея о развитіи жизни вообще настъ привела, какъ вѣроятно помнить читатель, къ идеямъ о совершенной личности и совершенномъ обществѣ и гармоніи, которая должна быть установлена между тѣмъ и другимъ. Совершенная личность это—личность, обладающая самой полной нравственной свободой, находящей свое необходимое выраженіе въ дѣятельности, направленной на благо всего человѣчества; совершенное общество это—общество, воплощающее въ себѣ самую широкую нравственную солидарность и солидарное дѣйствіе котораго имѣть своимъ предметомъ возможно болѣе полное и всестороннее развитіе каждой индивидуальной личности, входящей въ его составъ. Только въ той мѣрѣ, въ какой эти идеи господствуютъ въ окружающей ребенка средѣ, въ какой онѣ исповѣдуются, открыто выражаются и примѣняются на дѣлѣ людьми, среди которыхъ живетъ ребенокъ,—онѣ могутъ прочно укорениться и въ его собственномъ мышленіи. Но кто изъ настъ заботится въ сколько-нибудь значительной степени о томъ, чтобы стать совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ и чтобы содѣйствовать распространѣю и укрѣпленію нравственной солидарности среди людей? Всецѣло уходя въ сферу мелкихъ житейскихъ будничныхъ заботъ, мы рѣдко даже когда и задумываемся надъ подобными мыслями. Если онѣ, подобно молніи, и блеснутъ въ нашей душѣ, то мракъ сознанія озарится только на мгновенье и душевный небосклонъ попрежнему остается затянутымъ не-проницаемымъ пологомъ пошлыхъ мелкихъ мыслишекъ полу-преступнаго или даже совсѣмъ преступнаго характера. Такъ вмѣсто нравственнаго совершенства развѣ мы не проповѣдуемъ очень часто совершенство въ смыслѣ наибѣльшей способности отстоять себя въ борьбѣ за существованіе, другими словами нравственную испорченность, ложь и лицемѣре, а

вмѣсто солидарности самую ожесточенную борьбу во всѣхъ ея видахъ. Если воспитатель хочетъ, чтобы соціальная среда, окружающая ребенка, являлась благопріятной почвой для развитія въ немъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ, то онъ долженъ прилагать всѣ свои усилия къ тому, чтобы эти идеалы получили возможно большее распространеніе въ самой этой средѣ, чтобы идеи о всеобщемъ и систематическомъ развитіи жизни, о подъемѣ ея въ своей цѣнности, о свободной и сознательной личности, неутомимо работающей надъ установлѣніемъ среди человѣчества гармоніи, о солидарномъ обществѣ, являющемся гармоническимъ союзомъ свободныхъ личностей,— чтобы всѣ эти идеи получили возможно болѣе широкое признаніе и практическое осуществленіе и чтобы у идей противоположного рода была отнята всякая точка опоры въ сознаніи личностей, составляющихъ данную соціальную среду.

Подобнымъ же образомъ, переходя къ вопросу о средѣ, наиболѣе благопріятной для развитія въ ребенкѣ нравственныхъ чувствованій, мы найдемъ, что эти чувствованія тѣмъ легче и тѣмъ скорѣе разовьются въ немъ и тѣмъ глубже залагутъ въ его сердцѣ, чѣмъ болѣе люди, окружающіе ребенка, составляющіе его соціальную среду, одушевлены любовью къ развивающейся жизни вообще и въ частности чувствомъ нравственного достоинства, чувствомъ справедливости и тѣмъ активнымъ альтруизмомъ, о которомъ мы говорили выше и который можетъ быть названъ еще иначе чувствомъ нравственной любви. Если эти чувства переживаются въ окружающей средѣ, то они, въ силу устанавливающагося на почвѣ психического взаимодѣйствія обмѣна чувствованій, будутъ переживаться и ребенкомъ и пустятъ глубокіе корни въ его душѣ. Но если, вмѣсто любви къ развивающейся жизни, въ окружающей средѣ господствуетъ равнодушіе, презрѣніе или даже ненависть ко всякому развитію жизни, которая безжалостно губится и подсѣкается въ своемъ прогрессивномъ движеніи; если чувство нравственного достоинства, чувство справедливости и активный альтруизмъ совсѣмъ не развиты въ личностяхъ, составляющихъ среду ребенка, то такая среда является крайне неблагопріятной для развитія въ немъ нравственныхъ чувствованій.

Строй современной общественной жизни, основой кото-  
раго является классовая борьба, сильно грѣшить въ этомъ  
отношениі. Общество, въ которомъ между людьми воздвиг-  
нута тысяча разныхъ заставъ и перегородокъ, въ кото-  
ромъ основной пружиной является конкуренція на всѣхъ  
поприщахъ общественной жизни, не можетъ быть благо-  
пріятно для широкаго развитія той дѣятельной симпатіи,  
которая чутко прислушивается и отзыается на всякое стра-  
даніе человѣческое, которая, не ожидая того, чтобы оно бро-  
силось въ глаза, сама идетъ ему на встрѣчу. Не можетъ въ  
подобномъ обществѣ получить должнаго развитія и чувство  
нравственного достоинства и чувство справедливости. Гдѣ кон-  
куренція и борьба одного человѣка съ другимъ является за-  
кономъ, тамъ высшее человѣческое достоинство полагается  
въ силѣ и въ обладаніи средствами, которыя давали бы воз-  
можность пользоваться другими для своихъ личныхъ цѣлей.  
Тамъ только сильный считается имѣющимъ право жить, а  
слабый—обреченнымъ на погибель. Тамъ общество апплоди-  
руетъ всякому успѣху, какими бы средствами этотъ успѣхъ  
ни былъ купленъ. Развитіе чувства справедливости тамъ не  
идетъ дальше чувства легальности, т.-е. подчиненія устано-  
вившимся законамъ и обычаямъ, каково бы ни было ихъ про-  
исхожденіе и какъ бы они ни оцѣнивались съ этической точ-  
ки зрѣнія. Всякое угнетеніе и всякое насилие одного человѣка  
надъ другимъ считается дозволеннымъ, если только оно не  
нарушаетъ обычного установленного порядка вещей, хотя бы  
этотъ порядокъ и представлялъ организованное насилие одной  
части человѣчества надъ другою. Чувству справедливости въ  
той его формѣ, какая была нами очерчена выше, нѣть мѣ-  
ста при такомъ строѣ общественной жизни.

Наконецъ, для того, чтобы на почвѣ нравственныхъ идей  
и нравственныхъ чувствованій могла развиться нравственная  
воля, среда должна быть такъ организована, чтобы подобная  
воля могла свободно и безпрепятственно въ ней обнаружи-  
ваться, чтобы она встрѣчала поддержку и содѣйствіе въ нрав-  
ственной волѣ окружающихъ данную личность людей. Чѣмъ  
болѣе лица, составляющія среду ребенка, обладаютъ нрав-  
ственнымъ характеромъ, тѣмъ болѣе шансовъ, что нравствен-

ный характеръ сформируется и въ ребенкѣ. Чѣмъ менѣе, на- противъ, въ окружающей средѣ цѣнится нравственный ха- рактеръ, чѣмъ болѣе ребенокъ окруженъ людьми равнодуш- ными, себялюбивыми, жестокими, корыстными, характеръ которыхъ въ нравственномъ отношеніи имѣетъ отрицательную цѣну, тѣмъ менѣе шансовъ для выработки и изъ него самого нравственной личности. Если тѣ, кто всю свою жизнь и дѣя- тельность посвящаютъ „великому дѣлу любви“, принуждены безвременно погибать, а полный просторъ и свобода дѣйствія предоставлена только для „ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“, то какъ въ такой средѣ мож- жеть развиться и выработать нравственный характеръ! И если онъ тѣмъ не менѣе вырабатывается, то не есть ли это только счастливая случайность, которая могла бы при иныхъ условіяхъ стать всеобщимъ закономъ?!

### VIII.

#### Задачи, стоящія передъ воспитателемъ въ виду факта вліянія среды на нравственное развитіе ребенка. Связь педагогики съ соціологіей.

Вопросъ о вліяніи среды и вліяніи воспитателя имѣть много общаго съ вопросомъ о роли личности въ исторіи. Что можетъ сдѣлать личность для содѣйствія человѣчеству въ скорѣйшемъ осуществленіи идеала всеобщаго братства свободныхъ людей и народовъ, при наличии несовершен- ныхъ общественныхъ формъ—вотъ одинъ изъ тревожныхъ вопросовъ, которыми задается философія исторіи. Подобнымъ образомъ можно было бы спросить себя: „что можетъ сдѣлать воспитатель для выработки сознательной и свободной личности, неутомимо борющейся за свои нравственные иде- алы и сознательно проводящей эти идеалы въ жизнь свою и окружающихъ людей? Что можетъ онъ сдѣлать при налич- ности существованія грубой, непросвѣщенной и развратной среды, толкающей ребенка въ противоположную сторону?“

Онъ долженъ противопоставить свое вліяніе вліянію среды, онъ долженъ стремиться облагородить и поднять са-

мую эту среду въ нравственномъ отношеніи. Но какъ велико будетъ это вліяніе? И если бы даже оно представлялось незначительнымъ, то можно ли было бы все-таки согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что въ предѣлахъ грубаго общества, въ которомъ царить необузданная погоня за материальными наслажденіями, не слѣдуетъ воспитывать человѣка съ душой, чуткой ко всякой неправдѣ, съ неутолимой жаждой воплощенія въ жизни нравственнаго идеала, такъ какъ подобный человѣкъ былъ бы очень несчастливъ въ подобномъ обществѣ. Такъ что же?! Но вѣдь высшая задача воспитанія не въ томъ, чтобы создать счастливыхъ и самодовольныхъ людей, а въ томъ, чтобы создать людей хорошихъ, никогда не перестающихъ сознавать несовершенства жизни и неуставая работающихъ надъ улучшеніемъ ея во всѣхъ отношеніяхъ.

Нравственные идеалы, которые мы стараемся развить въ душѣ ребенка, ни въ чемъ не должны терпѣть уменьшения. Мы не должны беспокоиться о томъ, что мы сдѣлаемъ нашего ребенка черезчуръ нравственнымъ; если это ужъ такъ опасно, то сама среда позаботится умѣрить его нравственные стремленія. А воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы средѣ не приходилось умѣрять наши идеальные порывы, чтобы сама среда, напротивъ, была такъ устроена, что толкала бы насъ къ добру, къ правдѣ, къ свѣту. Не опускать ребенка на низшую ступень въ нравственномъ отношеніи въ виду дурной, испорченной среды, а поднять самую среду на одну хотя бы ступень выше въ этомъ отношеніи — вотъ что должно составлять одну изъ существеннѣйшихъ задачъ искусства воспитанія. Воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы устроить свою жизнь на началахъ нравственности, жизнь своей семьи, своего народа, всего человѣчества и только тогда, когда онъ будетъ прилагать къ этому всѣ свои усилия, можно будетъ сказать, что онъ дѣлаетъ все возможное для того, что бы эти нравственные начала пустили глубокіе корни и въ его дѣтяхъ.

Такимъ образомъ, если мы хотимъ воспитать въ своемъ ребенкѣ тѣ активныя нравственные чувства и идеи, которыми питается нравственность, то надо прежде всего, чтобы

мы сами были нравственными людьми и представляли бы ему образецъ дѣятельной и плодотворной въ нравственномъ отношеніи жизни. Образъ жизни и дѣятельности окружающихъ людей невольно вызываетъ со стороны ребенка подражаніе. Кто хочетъ, чтобы его дѣти были дѣятельными, тотъ долженъ прежде всего самъ трудиться, не покладая рукъ. Ничто не дѣйствуетъ такъ благотворно на ребенка, какъ примѣръ трудовой жизни тѣхъ людей, которыхъ онъ любить, т.-е. отца и матери.

Самая благопріятная среда для воспитанія въ нравственномъ смыслѣ это та, гдѣ всѣ члены семьи трудятся по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, гдѣ слово праздность совершенно незнакомо. Видѣть кругомъ себя понятный и полезный трудъ съ осязательными и благотворными его результатами,— что можетъ лучше этого на всю жизнь вселить безграничную любовь и уваженіе къ труду, жажду трудового и дѣятельного существованія? что можетъ лучше всякихъ правоучительныхъ сентенцій и прописей возбудить въ ребенка отвращеніе къ праздности?!

Подобнымъ образомъ, если мы хотимъ, чтобы въ ребенка воспиталось уваженіе къ человѣческой личности, сознаніе нравственного долга, то опять таки мы должны въ своей особѣ представлять ему образцы всѣхъ этихъ добродѣтелей. Это подѣйствуетъ на него больше, чѣмъ какая бы то ни было риторика.

Если же ребенокъ кругомъ себя и въ лицѣ своихъ ближайшихъ воспитателей— отца и матери—вмѣсто уваженія къ человѣческой личности видѣть самое возмутительное пренебреженіе послѣдней, вмѣсто равноправности, при которой уважается свобода каждого, онъ видѣть деспотическій произволъ однихъ и униженную покорность другихъ, если вмѣсто взаимной помощи и поддержки другъ друга, вмѣсто сотрудничества во всѣхъ его формахъ, онъ видѣть скрытую или явную борьбу съ сопровождающими ее чувствами затаенной злобы и ненависти,— то что можетъ возбудить въ немъ подобное зрѣлище?..

Если мы имѣемъ дѣло съ исключительной натурою, то оно можетъ въ ней вызвать протестъ противъ такого порядка вещей,

Если же мы имъемъ дѣло съ заурядной личностью, то оно вызоветъ въ ней примиреніе съ этимъ порядкомъ, оно создастъ или будущаго деспота въ той или другой формѣ, или будущаго холопа.

Самая ближайшая среда, въ которой, въ особенности въ первое время, вырастаетъ ребенокъ—это семья. Внутренній строй семьи, начала, на которыхъ она построена—все это играетъ большую роль въ нравственномъ воспитаніи ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, семья можетъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто замкнутое, изолированное отъ всего окружающаго, какъ на нѣчто, имѣющее въ самомъ себѣ свою цѣль, живущее своими особыми интересами, не имѣющими ничего общаго съ интересами окружающихъ нась людей. Тогда передъ нами будетъ то, что съ большимъ удобствомъ укладывается въ формулу „семейного эгоизма“. Но семья можетъ смотрѣть на себя также, какъ на часть великаго цѣлага, называемаго человѣчествомъ, и видѣть высшую свою задачу въ служеніи человѣчеству тѣмъ или другимъ путемъ, или въ подготовкѣ къ этому служенію. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть то, что могло бы быть названо „семейнымъ альтруизмомъ“. Общечеловѣческие интересы необходимо должны въ той или другой формѣ проникать въ жизнь семьи, если только мы хотимъ, чтобы семья имѣла воспитательное значеніе въ нравственномъ отношеніи. Только та семья и можетъ благотворно вліять на нравственное развитіе ребенка, въ основу жизни которой положенъ принципъ „семейного альтруизма“. Принципъ же „семейного эгоизма“ создаетъ людей, которые видятъ центръ тяжести существованія въ своей собственной личности. Если семья отрѣзана отъ остального человѣчества, если общечеловѣческие интересы ни въ какой формѣ не проникаютъ въ нее, то это можетъ имѣть на ребенка въ нравственномъ отношеніи только крайне пагубное вліяніе.

Общечеловѣческие интересы должны проникать въ кругъ семейной жизни черезъ посредство родителей и воспитателей. Надо чтобы родители и воспитатели жили въ возможно болѣе широкой степени этими интересами, чтобы послѣдніе глубоко ихъ захватывали, и тогда безъ всякихъ особыхъ усилий, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ создастся та чи-

стая и свѣтлая атмосфера, въ которой станетъ возможнымъ нравственное развитіе ребенка.

При устройствѣ личной своей семейной жизни можно поставить себѣ задачею сплотить всю семью въ одно гармоническое цѣлое, но отнюдь не замкнутое и не самоудовлетворяющеся, а напротивъ того, стремящееся внести и въ окружающей ее міръ возможно болѣе гармоніи и стать однимъ изъ элементовъ болѣе широкаго гармонического союза людей. Можно видѣть высшую цѣль семьи въ томъ, что бы развивать въ дѣтяхъ общественные инстинкты въ широкомъ смыслѣ этого слова, а не только ограниченные узкою сферою чисто семейной жизни. Можно сдѣлать свою семью школою для развитія общественныхъ чувствъ, которыя впослѣдствіи получать свое примѣненіе на болѣе широкой аренѣ.

Для самихъ дѣтей было бы очень пагубно и вредно, если бы кругъ интересовъ ихъ родителей не переходилъ за предѣлы дѣтской комнаты или тѣснаго семейного круга. Способность родителей широко и всесторонне интересоваться вопросами общечеловѣческой жизни можетъ имѣть на дѣтей только одно благотворное дѣйствіе, такъ какъ она невольно должна пробудить и въ нихъ такой же широкій интересъ къ жизни. Безъ этого условія всѣ слова родителей о нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей будутъ звучать одною только насмѣшкою и злую ироніей. Семья, не проникнутая великими общечеловѣческими идеалами, не можетъ нравственно воспитывать дѣтей, она можетъ только дрессировать ихъ до степени усвоенія навыковъ виѣшней нравственности, которая легко испарится подъ давленіемъ соблазновъ жизни, но она безсильна создать ту истинную внутреннюю нравственность, которая заставитъ человѣка всегда и во всѣхъ положеніяхъ сознательно отдавать свои силы на служеніе человѣчеству.

Да, если мы хотимъ, чтобы молодое поколѣніе было лучше нась, чтобы оно прониклось святыми общечеловѣческими идеалами, первый шагъ, который мы должны для этого сдѣлать, это сами проникнуться ими, всегда, вездѣ, и во всемъ стараться имѣть ихъ въ виду и даже проводить въ то, что называется „мелочами жизни“. Даже эти „мелочи жизни“,

какъ бы онъ не казались незначительными, мы должны регулировать нашими нравственными идеалами.

Эти идеалы должны завладѣть всѣмъ нашимъ существомъ, проникнуть весь нашъ домашній обиходъ, руководить насъ какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ. И только направивъ наши усилія въ эту сторону, мы подготовимъ почву для созданія новаго поколѣнія, которое, научившись съ самыхъ юныхъ лѣтъ жить великими общечеловѣческими идеалами, будетъ неутомимо, не покладая рукъ, работать надъ ихъ осуществленіемъ въ окружающей жизни, для которого нравственная дѣятельность станетъ такой же необходимой, какъ необходимо птицѣ летать по воздуху или рыбѣ плавать въ водѣ.

Такимъ образомъ, самое важное—создать кругомъ ребенка здоровую нравственную атмосферу, дыша которой, онъ неизвестно впитывалъ бы въ себя свѣтлая идеи, говорящія о безкорыстномъ служеніи человѣчеству, и то могучее чистое чувство нравственной любви, которое дасть крылья самымъ отвлеченнымъ идеямъ и поможетъ имъ перейти изъ словъ въ дѣло. Самое важное создать то широкое, ничѣмъ не стѣсняемое психическое взаимодѣйствіе на почвѣ творческой активности нашего духа, которое все болѣе будетъ сливать его личность съ безпредѣльнымъ, все расширяющимся рядомъ окружающихъ людей.

Но, чтобы вокругъ ребенка была здоровая нравственная атмосфера, необходимо не только, чтобы нравственные идеалы были положены въ основу жизни семьи, они должны быть положены также въ основу жизни школы, въ которой ребенку придется получать свое образованіе, и въ основу жизни того общества, среди которого приходится жить ребенку и его родителямъ. Поэтому всякий, кто болѣеть сердцемъ о будущности своихъ дѣтей и кого беспокоитъ судьба молодого поколѣнія, долженъ прилагать не только всѣ усилія къ тому, чтобы перевоспитать себя нравственно и чтобы сдѣлать свою семью носительницей высокихъ нравственныхъ идеаловъ. Нѣть онъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ употреблять всѣ усилия къ тому, чтобы и школа стала могучимъ средствомъ подготовки сознательного и умѣлаго борца за нравственные идеалы, чтобы высшая ея задача заключалась въ

томъ, чтобы научить человѣка любить человѣчество и съ наибольшимъ успѣхомъ работать надъ улучшеніемъ и облагороженіемъ общечеловѣческой жизни во всѣхъ отношеніяхъ.

Но и этого еще не достаточно... Каждый родитель и каждый педагогъ, дѣйствительно озабоченный судьбами молодого поколѣнія, долженъ прилагать всѣ усилия къ тому, чтобы нравственные идеалы господствовали и въ жизни окружающаго ихъ общества: чтобы общество было проникнуто этими идеалами, жило ими. Отъ общаго тона общественной жизни, отъ характера общественныхъ формъ и учрежденій въ значительной степени зависитъ и общій тонъ школы и семьи и даже жизненного обихода отдѣльныхъ личностей. Истинный педагогъ, дѣйствительно имѣющій въ виду истинныя задачи нравственнаго воспитанія, а не акробатическіе фокусы, не дрессировку милыхъ, умныхъ животныхъ, умѣющихъ выкидывать разныя удивительныя штуки, но въ глубинѣ души остающихся все тѣми же животными, и не мало не принимающими человѣческаго образа—такой педагогъ никогда не упустить изъ виду истины о тѣсной солидарности между собою семьи, школы и общества, и онъ пойметъ, что нельзя быть педагогомъ, не будучи въ то же время въ той или другой степени, въ сильной или слабой, и общественнымъ реформаторомъ.

Педагогика, въ широкомъ смыслѣ этого слова, должна охватывать не только всѣ способы прямого воздействиа на ребенка, но также и всѣ способы косвенного воздействиа на него. Рациональная педагогика должна считаться не только съ непосредственнымъ дѣйствиемъ воспитателя, но также и съ непосредственнымъ дѣйствиемъ всей той среды, которая окружаетъ ребенка. Да и самъ воспитатель развѣ не есть только представитель среды, только часть ея?!. Этого послѣдняго фактора нельзя игнорировать; вліяніе его могуче, и часто оно идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ вліяніемъ, которое хотѣлъ бы оказать на ребенка воспитатель.

„Есть незамѣтные моменты“,—говорить Гефдингъ, „которые дѣйствуютъ на дѣтей не менѣе тѣхъ, когда родители стараются вліять на дѣтей съ яснымъ педагогическимъ сознаніемъ; въ незамѣчаемые моменты говорять и дѣйствуютъ

даже съ наибольшей энергией, къ какой только способны. Поэтому не приносить никакой пользы, если въ основу воспитанія кладутъ превосходную педагогическую систему, а въ то же время безчисленными незамѣчаемыми моментами разрушаютъ создаваемое этой системой<sup>1)</sup>. Эти слова въ такой же мѣрѣ примѣнимы и къ каждому изъ тѣхъ лицъ окружающей дѣтей среды, съ которыми имъ приходится сталкиваться. Надо сдѣлать такъ, чтобы окружающая нась среда содѣйствовала намъ въ нашихъ воспитательныхъ задачахъ,—но для этого мы должны изучить ее, должны определить тѣ законы, согласно которымъ она вліяетъ на отдельную личность, степень измѣняемости ея самой и средства, при помощи которыхъ нездоровая среда можетъ быть сдѣлана здоровой и способной вліять благотворно въ нравственномъ отношеніи на молодую душу.

Истинный педагогъ, видящій и понимающій какъ велико нравственно воспитывающее вліяніе среды, пойметъ также вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаетъ, что, наряду съ непосредственнымъ вліяніемъ на ребенка, онъ долженъ употреблять одновременно всѣ усилия на оздоровленіе окружающей его среды, на улучшеніе ея въ нравственномъ смыслѣ. Эта его дѣятельность, не имѣя прямого воспитательного значенія, приобрѣтаетъ громадную косвенную воспитательную роль. Она необходима, безусловно необходима: безъ нея и вся непосредственная наша воспитательная дѣятельность можетъ оказаться лишенной всякаго смысла; безъ нея въ одинъ прекрасный день воспитатель можетъ увидѣть къ собственному своему ужасу, что воспитаніе его принесло совсѣмъ не тѣ плоды, которыхъ онъ ожидалъ, и что всѣ его неутомимые труды увѣнчались однимъ пустоцвѣтомъ.

Вотъ почему истинный педагогъ будетъ неутомимо стараться пробудить въ окружающемъ его обществѣ сознаніе той громадной ответственности, которая лежитъ на каждомъ членѣ этого общества относительно судьбы будущихъ поколѣній, подъема нашихъ дѣтей на высшія ступени нравствен-

---

<sup>1)</sup> Г. Геффингъ. Этика или наука о нравственности, стр. 190.

наго развитія или ихъ деморализаціи и окончательного нравственного паденія. Онъ не устанетъ повторять ту важную истину, что каждый человѣкъ, если даже воспитательная дѣятельность не является его профессіей, тѣмъ не менѣе такъ или иначе, хочетъ онъ этого или не хочетъ, участвуетъ въ нравственномъ воспитаніи молодого поколѣнія. Его разговоры, обнаруживаемыя имъ чувства, его поступки помимо его воли вліяютъ на тѣхъ взрослыхъ или маленькихъ дѣтей, съ которыми ему приходится сталкиваться или даже хотя бы въ присутствіи которыхъ ему приходится высказываться и обнаруживаться. Какая-нибудь пошлая мысль, какая-нибудь безобразная, отвратительная вспышка страсти, какой-нибудь циничный поступокъ, быть можетъ, оставятъ неизгладимую борозду въ душѣ того ребенка, которому пришлось быть невольнымъ слушателемъ или зрителемъ ихъ; они будутъ, быть можетъ, тѣмъ терниемъ, которое заглушить въ немъ ростки здоровыхъ хорошихъ побужденій. Да, каждый изъ нась несетъ великую отвѣтственность не только передъ своими, но и передъ чужими дѣтьми, каждый изъ нась есть частичка той широкой общественной среды, которая окружаетъ молодое поколѣніе и вліяетъ на него, и отъ дѣятельности каждого изъ нась въ той или другой степени зависитъ нравственное здоровье этого поколѣнія и та форма, въ какой оно себя проявить, когда выступить активно на арену жизни. И вотъ почему для педагога такъ важно знаніе этой среды, такъ важно знаніе той науки, предметомъ изученія которой является общество, т.-е. соціологіи.

Педагогика, пока она будетъ чуждаться соціологіи, пока она сознательно и систематически не будетъ изъ нея черпать все, что возможно, будетъ лишена всякой почвы, и будетъ строить свое зданіе на воздухѣ. Педагогика, пока она будетъ чуждаться вопроса о нравственно-воспитывающемъ вліяніи среды и о томъ, что долженъ дѣлать въ виду этого вліянія воспитатель, будетъ одною безсмысленною забавой, а не серьезнымъ дѣломъ. Нельзя быть воспитателемъ и оставаться чуждымъ широкихъ общественныхъ вопросовъ; нельзя быть педагогомъ, не по названию только, а дѣйствительно, не будучи въ то же время соціологомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что педагогика и соціологія находятся въ болѣе тѣсной связи между собою, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Нельзя установить болѣе или менѣе правильной теоріи воспитанія, будучи совершеннымъ не вѣждой въ области науки объ обществѣ; нельзя построить эту теорію, руководствуясь только одними тѣми давними, которыя даетъ въ наше распоряженіе индивидуальная психология; нельзя потому, что педагогъ, говоря о воспитаніи, долженъ такъ или иначе считаться съ вліяніемъ на ребенка окружающей его общественной среды, начиная съ семьи и кончая народомъ и человѣчествомъ. Между ребенкомъ и окружающей его средой существуетъ непрерывное взаимодѣйствіе. Узнать законы этого взаимодѣйствія и направить ихъ при помощи подобнаго знанія въ сторону созданія совершенного во всѣхъ отношеніяхъ типа человѣческаго существа, вотъ великая задача, которая стоитъ передъ воспитателемъ, — вотъ предметъ, составляющій основное содержаніе науки воспитанія.

Соціологія въ своей послѣдней части кончается теоріей справедливаго, совершенного общества и путей, ведущихъ къ его достижению. Къ этому должна примыкать также теорія справедливаго, совершенного человѣка и тѣхъ приемовъ воспитанія, при помощи которыхъ подобный человѣкъ могъ бы быть созданъ.

---

## Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи<sup>1</sup>).

Въ настоящей статьѣ я предполагаю высказать нѣсколько мыслей по вопросу о нравственномъ самовоспитаніи, т.-е. другими словами, по вопросу о томъ, что можетъ и что должна сдѣлать отдельная индивидуальная личность для того, чтобы достигнуть высшихъ, возможныхъ для человѣка, ступеней нравственного совершенства. Я хочу попытаться освѣтить хотя бы въ слабой степени тѣ пути, которые намъ открываетъ наука, и слѣдя по которымъ человѣкъ можетъ сдѣлаться совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, если только онъ хочетъ сдѣлаться таковымъ.

Вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи—одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ вопросовъ: онъ имѣть значеніе для всѣхъ людей безъ исключенія—и для молодого подрастающаго поколѣнія и для тѣхъ родителей и воспитателей, которые заботятся о надлежащемъ воспитаніи этого молодого поколѣнія, и даже для тѣхъ лицъ, которыхъ не принадлежать ни къ той, ни къ другой изъ упомянутыхъ категорій.

Молодое поколѣніе, которое должно выступить въ скромъ времени на арену жизни, должно приложить особенное стараніе къ тому, чтобы выступить на эту арену здоровымъ въ нравственномъ отношеніи, съ ясно сознанными высокими нравственными идеалами и способнымъ воплотить эти идеалы въ жизнь, способнымъ стойко и отважно бороться за нихъ, несмотря ни на какія препятствія. Но это возможно только при послѣдовательной и систематической работѣ надъ самими собою, при непрерывномъ рядѣ усилий,

<sup>1)</sup> Статья эта была напечатана въ литературномъ сборникеъ „Правдѣ“, изданномъ въ 1904 г.

направленныхъ на выработку изъ себя нравственной личности. Юноша не долженъ никогда упускать изъ виду этой цѣли, если онъ хочетъ, чтобы его нравственная жизнь въ будущемъ, когда онъ станетъ впослѣдствіи взрослымъ человѣкомъ, была построена на прочномъ фундаментѣ, подъ который безсильны были бы подкопаться всевозможныя не-предвидѣнныя случайности жизни. Кто не работалъ надъ собою въ молодости въ этомъ отношеніи, у того нѣтъ гарантіи, что грозныя испытанія жизни не сломятъ его энергіи и не увлекутъ его въ сторону, противоположную завѣтнымъ мечтаніямъ тѣхъ дней, когда сердце было открыто для любви и правды, когда душа переживала свѣтлую весну.

Вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи не менѣе важенъ и для тѣхъ, на чьихъ рукахъ лежитъ воспитаніе подрастающаго поколѣнія. Чтобы воспитывать нравственно другихъ людей, необходимо прежде всего самому быть совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи. Если воспитатель не заботится о своемъ собственномъ нравственномъ самосовершенствованіи, то всеѣ его заботы о нравственномъ воспитанії будущихъ поколѣній не принесутъ плодотворного результата, такъ какъ въ самомъ корнѣ онъ будутъ поставлены неправильнымъ образомъ. Нравственное воспитаніе другихъ предполагаетъ, такимъ образомъ, нравственное самовоспитаніе со стороны самого воспитателя. Только тотъ, кто старается самъ быть справедливымъ, нравственнымъ человѣкомъ, можетъ быть учителемъ и воспитателемъ другихъ. Нельзя воспитывать нравственно другихъ, самому на каждомъ шагу, всею своею жизнью нарушая самыя основныя требованія нравственности. Нельзя воспитать въ молодомъ поколѣніи любви къ правдѣ, если всю свою жизнь строишь на лжи и лицемѣріи, на обманѣ другихъ и самого себя.

Но, собственно говоря, даже и тѣ люди, которые, не будучи родителями и воспитателями, и не задаются прямо цѣлью вліять на воспитаніе молодого подрастающаго поколѣнія, тѣмъ не менѣе вліяютъ на это воспитаніе косвеннымъ образомъ. Они являются составными элементами той среды, которая окружаетъ это поколѣніе, они являются

частью той духовной общественной атмосферы, которой это послѣднее дышить. Если среда нездорова и нравственно испорчена, если атмосфера заражена и наполнена микробами нравственного разложенія, то свѣжія, молодыя, неиспорченныя силы могутъ въ ней легко задохнуться, опуститься нравственно и навсегда погибнуть для дѣла нравственного возрожденія человѣчества. Вотъ почему каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, какое бы онъ общественное положеніе ни занималъ, долженъ стремиться къ тому, чтобы быть здоровымъ въ нравственномъ отношеніи элементомъ общественной среды, чтобы быть тѣмъ озономъ и кислородомъ, который оздоровляетъ атмосферу и даетъ возможность легко и свободно дышать въ ней молодой груди. И чѣмъ болѣе прилагаетъ каждый человѣкъ стараній къ тому, чтобы стать совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе благотворное вліяніе онъ окажетъ и на всѣхъ окружающихъ его людей. Если, при этомъ, его дѣятельность будетъ направлена на созданіе справедливыхъ общественныхъ формъ, она будетъ тѣмъ болѣе успешна, чѣмъ болѣе высокій типъ въ нравственномъ смыслѣ онъ самъ представляеть. Всѣ эти соображенія и побуждаютъ насъ считать затрагиваемый вопросъ очень важнымъ и заставляютъ насъ остановить на немъ свое вниманіе.

Прежде всего необходимо будетъ выяснить тѣ основныя предположенія, которыя сами собой подразумѣваются уже въ самой постановкѣ изслѣдуемаго нами вопроса. Мы собираемся говорить о нравственномъ самовоспитаніи, этимъ самымъ мы уже предполагаемъ возможность такого самовоспитанія. Если бы оно не было возможно, то и всякий трактать о нравственномъ самовоспитаніи былъ бы лишенъ всякаго смысла. Нравственное самовоспитаніе можетъ быть только результатомъ сознательной, свободной воли человѣка. Кто отрицає существованіе подобной сознательной и свободной воли, кто считаетъ ее за иллюзію, за плодъ фантазіи, для того и вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи представляется лишеннымъ значенія. Если сознательная, свободная воля есть обманъ воображенія, то нравственно воспитывать себя это все равно, какъ если бы человѣкъ, завязнувшій въ

болотъ, хотѣлъ самого себя вытащить за волосы. Только человѣкъ, у котораго есть свободная воля, можетъ себя нравственно воспитывать, и предѣлами свободы человѣческой воли опредѣляются и тѣ предѣлы, до которыхъ можетъ простираться нравственное самовоспитаніе.

Такъ какъ обсужденіе вопроса о свободѣ человѣческой воли не входитъ въ наши непосредственные задачи, то мы отмѣтимъ только въ короткихъ словахъ, въ какомъ смыслѣ признаемъ существованіе свободной воли въ человѣкѣ. Воля свободная и воля сознательная,—это два равнозначительныхъ понятія, потому что сознаніе освобождаетъ человѣка, сознаніе дѣлаетъ волю способной вмѣшиваться въ ходъ событий, измѣнять его и направлять въ ту или другую сторону. Чѣмъ яснѣе, полнѣе и шире сознаніе, тѣмъ значительнѣе и свобода. Сознаніе вносить свѣтъ въ темноту жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ постепенно зажигается и разгорается этотъ свѣтъ, съ человѣка спадаютъ и ослабляются тѣ оковы, въ которыхъ онъ находился. Ясное и широкое сознаніе—вотъ сила, освобождающая человѣка. Человѣкъ, подобно всему остальному, составляетъ одно изъ звеньевъ всеобщаго механизма жизни, понимая это слово въ самомъ широкомъ значеніи. Этотъ слѣпой механизмъ жизни развертывается независимо отъ воли человѣка и послѣдній всецѣло подчиняется ему до той поры, пока сознаніе не освѣтить и не озарить его. Но по мѣрѣ того, какъ механизмъ жизни становится прозрачнымъ и яснымъ для сознанія, сознательная воля человѣка овладѣваетъ постепенно имъ и шагъ за шагомъ сбрасываетъ тѣ оковы, въ которыхъ она находилась. Она не отмѣняетъ и не уничтожаетъ механизма жизни, не устраиваетъ законовъ природы, въ безусловномъ подчиненіи у которыхъ раньше находилась несовершенная человѣческая воля, но она подчиняетъ этотъ механизмъ жизни себѣ, надъ законами природы она ставить высшій законъ, законъ сознательной и разумной воли, надъ механическимъ міромъ причинъ и слѣдствій—психической міръ безконечно расширяющіхся и приходящихъ все въ большую и большую гармонію между собою цѣлей человѣческой жизни. Царство природы такимъ образомъ все болѣе и болѣе становится царствомъ

человѣка или, вѣрнѣе, солидарного, объединенного свободного человѣчества, а реальная дѣйствительность—выраженіемъ и воплощеніемъ идеального въ наивысшемъ размѣрѣ, какой только можетъ быть представленъ.

Итакъ, мы признаемъ существованіе свободной воли въ человѣкѣ, мы признаемъ, что человѣкъ путемъ сознанія законовъ естественной, психической и соціальной жизни, которыми опредѣляется его существованіе и развитіе, можетъ возвыситься надъ данной ему отъ рожденія и въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ природой, чтобы стать совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, чтобы то, что было въ немъ только произведеніемъ природы, стало вмѣстѣ съ тѣмъ и произведеніемъ искусства, чтобы то, что было только естественнымъ, стало вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнымъ. Если жизнь отдельной личности съ этой точки зрењія представляеть намъ исторію ея нравственного самовоспитанія, то жизнь всего человѣческаго рода можетъ быть охарактеризована съ этой стороны какъ нравственное самовоспитаніе человѣчества. Попробуемъ, насколько возможно, освѣтить этотъ процессъ, при чемъ мы свое главное вниманіе сосредоточимъ на явленіяхъ психического порядка, какъ тѣхъ, надъ которыми власть индивидуальной человѣческой личности является наиболѣе значительной.

Въ области нравственности, если рассматривать этотъ фактъ съ чисто психологической точки зрењія, мы можемъ различать три существенно различные стороны. Параллельно дѣленію психическихъ явлений на умъ, чувство и волю, мы можемъ и явленія нравственной жизни раздѣлить на явленія интеллектуального, эмоционального и волевого характера. Задача нравственного самовоспитанія обнимаетъ, съ одной стороны, выработку въ себѣ того, что можетъ быть названо нравственнымъ интеллектомъ, т. е. известного запаса нравственныхъ идей и понятій, объединенныхъ въ одно цѣлое, которое мы называемъ нравственнымъ идеаломъ. Съ другой—сюда включается забота о выработкѣ въ себѣ тѣхъ или другихъ нравственныхъ чувствованій и, наконецъ, и самое главное, развитіе въ себѣ нравственной воли. Всѣ эти три стороны могутъ быть охвачены въ понятіи личности. Задача

нравственного самовоспитания есть задача выработки изъ себя нравственной личности. Въ понятіи личности всѣ три упомянутыя выше стороны психической и нравственной жизни объединяются въ одно цѣлое. Нельзя быть развитой въ нравственномъ отношеніи личностью, не обладая сильной нравственной волей, не будучи одушевленнымъ самыми возвышенными нравственными чувствованіями и не имѣя яснаго и отчетливаго сознанія нравственного идеала въ его отношеніи къ реальной дѣйствительности. Вотъ почему, пожалуй, умѣстнѣе всего будетъ начать съ вопроса о выработкѣ въ себѣ нравственной личности, а затѣмъ уже перейти къ обсужденію того, какъ въ отдѣльности мы можемъ развить въ себѣ нравственный интеллектъ, нравственные чувствованія и нравственную волю. Этимъ путемъ скорѣе всего избѣгнуть повтореній. Дѣло въ томъ, что ни одну изъ сторонъ нравственной жизни нельзя развивать, не развивая вмѣстѣ съ тѣмъ и двухъ другихъ, и средства, пригодныя для развитія каждой изъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ оказываются пригодными и для остальныхъ. Такимъ образомъ удобнѣе всего разсмотрѣть первоначально выработку въ себѣ нравственной личности, т. е. нравственное саморазвитіе въ его цѣломъ, удѣливъ затѣмъ каждой изъ сторонъ этого саморазвитія вниманіе въ той мѣрѣ, въ какой оно представляеть своеобразныя черты, отдѣляющія его отъ другихъ сторонъ.

Итакъ, первый вопросъ, который требуетъ отъ насъ своего разрѣшенія, это—какимъ образомъ можно выработать въ себѣ нравственную личность. Личность вырабатывается всѣмъ складомъ и всѣмъ образомъ жизни. Слѣдовательно, надо вести такой образъ жизни, который содѣйствовалъ бы выработкѣ въ насъ нравственной личности. Чтобы стать нравственною личностью, надо такъ дѣйствовать, какъ должна бы дѣйствовать нравственная личность, надо такъ думать и чувствовать, какъ думала бы и чувствовала она. Здѣсь могутъ отмѣтить противорѣчіе. Могутъ сказать, что мы въ качествѣ средства для достиженія цѣли предлагаемъ самую цѣль, т. е. предполагаемъ достигнутымъ то, что еще должно быть достигнуто. Этимъ самымъ мы какъ бы закрываемъ и

упраздняемъ вопросъ. Чтобы стать нравственною личностью надо стать ею—вѣдь это, въ сущности, ничего не говорить и не указываетъ, какъ же именно стать ею. А между тѣмъ на вопросъ о томъ, какъ стать нравственною личностью, нельзя дать другого отвѣта и отвѣтъ этотъ, если глубже въ него вникнуть, вовсе не такъ страненъ, какъ кажется. Если человѣкъ хочетъ развить въ себѣ способность мышленія, что для этого онъ долженъ дѣлать? Онъ долженъ мыслить, мыслить и мыслить. Подобно этому, если человѣкъ хочетъ выработать въ себѣ нравственную личность, онъ долженъ жить и дѣйствовать, какъ нравственная личность. Противорѣчія тутъ никакого нѣть. Въ самомъ дѣлѣ, если отдельный человѣкъ задается цѣлью выработать въ себѣ способность мышленія, то это показываетъ, что онъ уже началъ мыслить если человѣкъ задается цѣлью выработать изъ себя нравственную личность, то это показываетъ, что онъ уже до нѣкоторой степени сталъ нравственною личностью, что онъ уже началъ жить, думать и чувствовать, какъ живеть, думаетъ и чувствуетъ нравственная личность. Чтобы могла быть рѣчь о самовоспитаніи, о воспитаніи въ самомъ себѣ чего бы то ни было, надо, чтобы то, что мы будемъ воспитывать, находилось въ насъ хотя бы въ зародышѣ. Только при этомъ условіи можетъ начаться самовоспитаніе. Чтобы выработать самому изъ себя нравственную личность, надо, чтобы хотя въ слабой, ничтожной степени я представлялъ изъ себя подобную личность. Этотъ зародышъ нравственной личности, дремлющій во мнѣ, послужить точкою опоры для выработки нравственной личности во всемъ ея блескѣ и совершенствѣ. Самовоспитаніе не можетъ изъ ничего создать что-либо, оно не можетъ оперировать безъ всякихъ точекъ опоры, и если въ отдельномъ человѣкѣ такихъ точекъ опоры не оказывается, то онъ и не можетъ приняться за воспитаніе себя въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Итакъ, личность до нѣкоторой степени уже должна быть нравственною личностью, для того чтобы она имѣла возможность выработать изъ себя вполнѣ совершенную нравственную личность. И уже тотъ самый фактъ, что возникло желаніе стать нравственною личностью,—а безъ такого же-

ланія не можетъ начаться и работа самовоспитанія,—показываетъ, что данный человѣкъ уже отчасти, хотя бы и въ начальной степени, и сталъ нравственной личностью. Весь вопросъ о воспитаніи въ себѣ нравственной личности, такимъ образомъ, сведется къ вопросу о томъ, какимъ образомъ то, что въ настѣ находится въ начальной стадіи, довести до конца, какимъ образомъ зародышу дать возможность стать зрѣлымъ плодомъ.

Въ каждомъ нормально-развитомъ человѣкѣ заключенъ зародышъ нравственной личности, поскольку дѣятельность человѣка носить характеръ сознательной, преднамѣренной дѣятельности, поскольку человѣкѣ ставить себѣ тѣ или другія цѣли и стремится къ ихъ достижению. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ сознательная воля, тамъ дана вмѣстѣ съ тѣмъ возможность и для возникновенія нравственной воли, потому что нравственная дѣятельность и есть не что иное, какъ дѣятельность наиболѣе согласная съ природою нашей воли. Между „я хочу“ и „я долженъ“ не существуетъ того противоположенія, которое обыкновенно предполагаютъ, такъ какъ „я хочу“, когда оно вытекаетъ изъ яснаго сознанія природы нашей воли, нашего „я“, необходимымъ образомъ превращается въ „я долженъ“. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ сознательное стремленіе къ какой бы то ни было цѣли, мы имѣемъ уже зародышъ, изъ котораго можетъ развиться стремленіе къ осуществленію нравственного идеала, такъ какъ каждая даже самая простая цѣль, которую только человѣкѣ себѣ ставить, есть идеальъ въ его самой элементарной формѣ. Идеальъ разнится отъ просто цѣли только тѣмъ, что это—совокупность многихъ цѣлей, соединенная въ одну стройную систему. Чѣмъ болѣе усложняются цѣли и чѣмъ болѣе онѣ вступаютъ въ соотношеніе другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе мы поднимаемся на пути къ творчеству идеаловъ.

Идеальъ жизни—это система цѣлей, охватывающихъ всю жизнь, тогда какъ каждая цѣль въ отдѣльности охватываетъ только или опредѣленную сторону или опредѣленный моментъ жизни. Человѣкѣ постепенно поднимается отъ такихъ цѣлей, которые обнимаютъ небольшой промежутокъ времени, до такихъ, которые распространяются на всю жизнь и ко-

торыя въ этомъ смыслѣ служать ему путеводною звѣздою въ теченіе всего его существованія.

Для возможности возникновенія идеала въ этомъ смыслѣ надо, чтобы человѣкъ имѣлъ возможность думать о своей жизни какъ о цѣломъ. До тѣхъ поръ, пока онъ мыслью можетъ охватывать только ограниченные, небольшіе промежутки времени, идеала въ указанномъ мною значеніи возникнуть не можетъ. Огромное множество людей не въ состояніи думать о своей жизни какъ о цѣломъ, они задумываются большею частью только надъ опредѣленнымъ моментомъ жизни въ его связи съ другими. Дѣятельность такихъ людейноситъ узко-практическій характеръ и не можетъ подняться до высоты идеала; она, если можно такъ выразиться, ползаетъ по землѣ и не можетъ возвыситься надъ землей настолько, чтобы схватить всѣ свои послѣдовательные шаги въ одномъ взорѣ. Только поднявшись хотя бы немного къ небу, человѣкъ можетъ понять свою жизнь, какъ одно цѣлое, и дать ей надлежащее направленіе и полетъ. Чтобы разумно и осмысленно ходить по долинамъ жизни, надо умѣть взлетать вверхъ въ свѣтлое, лазурное царство идеала, чтобы видѣть оттуда ясно въ цѣломъ тотъ путь, который намъ предстоитъ пройти.

Творчество идеаловъ есть продолженіе, только въ широкомъ масштабѣ, той же самой работы, которую узкіе практики жизни дѣлаютъ въ маломъ масштабѣ. Такъ называемые практики и идеалисты—это не два противоположные и враждебные лагеря, представляющіе два разнородные вида дѣятельности человѣка. Мы имѣемъ здѣсь дѣятельность одного и того же рода, вся разница только въ широтѣ и степени. Каждый практикъ есть идеалистъ только въ уменьшенномъ размѣрѣ, да и не можетъ не быть идеалистомъ по существу дѣла, такъ какъ всякая цѣль, какой бы узкій и практическій характеръ она ни носила, всегда есть ни болѣе ни менѣе, какъ идеальное представленіе будущаго, всякая сознательная, преднамѣренная дѣятельность всегда поконится на тѣхъ или другихъ идеяхъ. Весь вопросъ только въ качествѣ и широтѣ этихъ идей. Если это такъ, если иѣть той пропасти, которую обыкновенно предполагаютъ между узкими практиками и

идеалистами, то здѣсь намъ вмѣстѣ съ тѣмъ дана возможность постепенной выработки изъ узкаго практика широкаго идеалиста, дана возможность убѣжденія людей въ высотѣ нравственного идеала и педагогического воздействиа на нихъ въ этомъ смыслѣ, дана, наконецъ, возможность воспитанія изъ самихъ себя, какой бы узкой практической дѣятельностью намъ ни приходилось заниматься, нравственной личности. При приведеніи ли другихъ людей на путь творческой работы надъ выработкой нравственныхъ идеаловъ и надъ осуществленіемъ ихъ въ жизни, при выработкѣ ли въ самомъ себѣ нравственной личности приходится, такимъ образомъ, опираться ни на какія-либо чуждыя отдѣльнымъ индивидуумамъ силы, а на тѣ силы, которыя дѣйствуютъ внутри ихъ самихъ, которыя никогда не прекращаютъ свою работу,— надо только этой работѣ дать надлежащее направлениe и въ достаточной степени ее расширить, чтобы въ результатѣ получилось то, что мы называемъ нравственностью.

Первоначально отдѣльная личность ставить себѣ только частныя, конкретныя задачи. Если взять, напримѣръ, ту элементарную форму личности, которую мы находимъ у ребенка, то увидимъ, что дѣти, по крайней мѣрѣ въ періодѣ перваго дѣтства, не идутъ дальше задачъ, ограничивающихся данными, единичными мгновеніемъ жизни и имѣющими вполнѣ конкретный характеръ. Сейчасъ у ребенка цѣль—поиграться братомъ или сестренкой въ лошадки, затѣмъ—посмотрѣть картинки въ какой-нибудь книжкѣ, выпить стаканъ молока, что-нибудь напроказить и т. д. Есть и взрослые, у которыхъ цѣли хотя и имѣютъ болѣе сложный характеръ, но въ общемъ носятъ печать первого дѣтства. Ихъ цѣли такъ же не найдутъ дальше сегодняшняго дня: сегодня надо будетъ сходить на службу и переписать разныя дѣловыя бумаги, затѣмъ вкусно пообѣдать, прочесть интересный пикантный романъ, вечеромъ пойти послушать только что прїехавшаго знаменитаго артиста и т. д. Въ такомъ видѣ рисуются въ ихъ воображеніи цѣли всей жизни.

Въ зависимости отъ степени духовнаго развитія людей эти задачи будутъ принимать все болѣе и болѣе общий характеръ, при чемъ степень общности, которой онъ

достигаютъ у разныхъ людей, бываетъ различна. Нѣкоторые люди уже не ограничиваются тѣмъ, что сегодня они перепишутъ такія-то служебныя бумаги, завтра подсчитываютъ такие-то столбцы цифръ,—они попробуютъ отдать себѣ отчетъ въ своей профессіи, какъ въ цѣломъ, и общія задачи своей профессіи сдѣлаютъ сознательною цѣлью своей жизни, а иные изъ нихъ пойдутъ еще и дальше и попробуютъ взглянуть на самую свою профессію съ точки зрењія интересовъ всего общества или ея значенія для общечеловѣческаго прогресса. Подобнымъ же образомъ нѣкоторые люди уже не ограничиваются тѣмъ, что читаютъ случайно попавшія имъ подъ руку, возбудившія ихъ мимолетный интересъ, книги, они придаютъ своему чтенію болѣе систематической, связной характеръ и подчиняютъ его какой-либо болѣе общей задачѣ, изученію, напр., той или другой отрасли знанія, или еще болѣе общей, пѣли всесторонняго духовнаго саморазвитія. Точно такъ же одни просто ищутъ всякаго рода эстетическихъ удовольствій, какія бы они ни были, другое же это исканіе удовольствій подчиняютъ болѣе общей цѣли, напр., облагороженію своего характера, пробужденію въ себѣ тѣхъ или другихъ желательныхъ эмоцій. Но можно подняться и еще выше, и всѣ эти частныя задачи, хотя и принявши болѣе общий характеръ, которыя охватываются, напр., понятіями „исполненіе своихъ профессиональныхъ обязанностей“, „выполненіе своего долга по отношенію къ семье“, „удовлетвореніе своихъ запросовъ въ чтеніи, въ развлеченіяхъ“ и т. д. и т. д.,—все это подчинить одной общей задачѣ, объединить въ одно цѣлое.

Но есть люди, которые такъ и не поднимаются никогда до такой ступени, чтобы охватить всю свою жизнь какъ одно цѣлое и поставить себѣ такую широкую задачу, которая имѣла бы въ виду всю ихъ жизнь. Ихъ жизнь остается раздробленной и составленной изъ кусочковъ, связанныхъ между собою только чисто виѣшнимъ образомъ, они преслѣдуютъ иногда и много цѣлей, но среди этихъ цѣлей мало такихъ которыя носили бы общий характеръ.

Каждая общая цѣль служить какъ бы для объединенія цѣлей болѣе частныхъ и конкретныхъ, цѣлей менѣе общаго характера, при чемъ степень общности можетъ значительно

колебаться по своимъ размѣрамъ. Чѣмъ выше нравственность, тѣмъ шире объединеніе цѣлей, тѣмъ болѣе цѣли жизни отдельной личности соединяются въ одну систему, въ одно цѣлое. Это объединеніе цѣлей въ одну систему, въ одну цѣлое предполагаетъ существованіе одной цѣли самаго общаго характера, по отношенію къ которой всѣ остальные цѣли являлись бы какъ частныя и частичныя выраженія ея. Эта цѣль должна быть общей формулой задачи всей жизни личности, остальные цѣли — только выраженіями, болѣе или менѣе широкими, тѣхъ частныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ требуется для разрѣшенія и осуществленія общей задачи, поставленной себѣ человѣкомъ.

Самая общая цѣль, которая можетъ служить для объединенія всей системы цѣлей въ одно цѣлое, это — само объединеніе всей этой системы, гармонія всѣхъ цѣлей. Эта цѣль включаетъ въ себя всѣ частичныя цѣли, она болѣе полно, чѣмъ какая-либо другая, выражаетъ общую задачу всей жизни человѣка, поскольку эта жизнь принимаетъ нравственный характеръ. Она выражаетъ требованіе, чтобы человѣкъ свою жизнь, поскольку она является сознательнымъ обнаруженіемъ его воли, разсматривалъ какъ одно цѣлое и стремился бы къ тому, чтобы и фактически жизнь его была подобнымъ цѣлымъ. И насколько онъ это дѣлаетъ, въ той мѣрѣ онъ все больше и больше становится тѣмъ, что можетъ быть названо нравственною личностью. Нравственная личность — это личность, старающаяся расширить, насколько допускаютъ ея силы, область преслѣдуемыхъ ею цѣлей и старающаяся внести въ эту область возможно больше гармоніи. У различныхъ людей область ставимыхъ и достигаемыхъ цѣлей и полнота гармоніи между ними будутъ значительно различаться между собою, но нравственную личность всегда будетъ характеризовать стремленіе расширить эту область и сдѣлать гармонію въ ней болѣе полной.

Отсюда само собою становится понятнымъ, что первое, съ чего должна начаться работа нравственного самовоспитанія, это — съ попытки отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя фактически преслѣдуются данною личностью. Обзоръ фактическихъ цѣлей жизни, который данная

личность совершаеть, имъя въ виду задачу нравственного самовоспитанія, производится єю для того, чтобы получить отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) соотвѣтствуетъ ли общая сумма фактически ставимыхъ мною цѣлей тому запасу волевой энергіи, который находится въ моемъ распоряженії? 2) Гармонируютъ ли цѣли жизни между собою? Составляютъ ли онѣ одно цѣлое? 3) Какимъ образомъ можно было бы между ними установить гармонію и не придется ли ради этого отказаться отъ преслѣдованія нѣкоторыхъ цѣлей жизни, какъ находящихся въ явномъ или скрытомъ противорѣчіи со всѣми остальными цѣлями? 4) Не слѣдуетъ ли къ такимъ образомъ очищенной системѣ прежнихъ цѣлей жизни присоединить цѣлый рядъ другихъ цѣлей, такъ чтобы новая система цѣлей стояла на высотѣ моей волевой энергіи? — Постоянное periodическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ составляетъ необходимое предположеніе при работѣ личности надъ своимъ нравственнымъ самовоспитаніемъ.

Попытка разрѣшить эти вопросы есть попытка осмыслить свою жизнь, отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, зачѣмъ и для чего живешь на бѣломъ свѣтѣ. Безъ этой попытки и безъ постояннаго ея возобновленія личность не можетъ стать въ истинномъ смыслѣ этого слова нравственною личностью. Существуетъ великое множество людей, которые живутъ, даже и не задаваясь вопросомъ, зачѣмъ они живутъ. Они живутъ простою, непосредственною жизнью, и если вы спросите этихъ людей, какой смыслъ, какое значеніе имѣть ваша жизнь, то даже самый этотъ вопросъ имъ покажется страннымъ и непонятнымъ. „Зачѣмъ еще искать какого-то особенного смысла въ жизни“, скажутъ они вамъ, „каждый день, каждое мгновеніе имѣютъ свою злобу и дальше этихъ ежедневныхъ злобъ жизни человѣку некуда да и незачѣмъ итти. Зачѣмъ мудрствовать лукаво, это только мѣшаетъ нормальному, правильному теченію разъ заведенного порядка жизни. Это только будетъ мѣшать намъ въ надлежащей степени и должнымъ образомъ выполнять тѣ дѣла, которыя каждый день приносить намъ“. Вотъ что отвѣтять вамъ эти люди, и имя этихъ людей легіонъ. Они интересуются всѣми вопросами, всевозможными мелочами жизни, за исключені-

емъ самаго главнаго вопроса о томъ, какой же смыслъ имѣть вся ихъ жизнь и какъ всѣ ихъ мелкія, раздробленныя, маленькия цѣли жизни могли бы быть соединены въ одно стойное, гармоническое цѣлое, что сдѣлало бы всѣ эти ничтожныя цѣли осмысленнымъ выраженіемъ одного великаго, важнаго дѣла всей жизни. У многихъ это равнодушіе переходитъ даже въ какое-то боязливое отношеніе къ самымъ жизненнымъ вопросамъ человѣчества. Намъ невольно при этомъ вспоминаются глубоко продуманныя слова изъ сочиненія одного замѣчательнаго русскаго писателя, написанныя много лѣтъ тому назадъ: „Наша жизнь—постоянное бѣгство отъ себя, точно угрizenія совѣсти преслѣдуютъ, пугаютъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги, онъ начинаетъ кричать, чтобы не слыхать рѣчей, раздающихся внутри; ему грустно — онъ бѣжитъ разсѣяться, ему нечего дѣлать — онъ выдумываетъ занятіе; отъ ненависти къ одиночеству — онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ женится на скорую руку. Тутъ гавань, семейный миръ и семейная война не дадутъ много мѣста мысли; семейному человѣку какъ-то неприлично много думать; онъ не долженъ быть настолько праздненъ. Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается допьяна всѣмъ на свѣтѣ — виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скучностью, благодѣяніями; ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды, и они ему все-таки легче кажутся, нежели какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдователь, чтобы не увидать вздоръ изслѣдуемаго, въ этомъ искусственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастіяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путями, мы проходимъ по жизни спросонья и умираемъ въ чаду нелѣпости и пустяковъ, не пришедши путемъ въ себя“. (А. Герценъ).

Какъ глубоко справедливы эти слова и какъ въ тоже время грустно становится именно потому, что они справедливы. Современное человѣчество боится правды изслѣдованія въ области нравственной жизни, оно боится того фонаря, который освѣтилъ бы ему его дѣйствительную жизнь и который показалъ бы, какъ эта жизнь пуста, мелка, пошла, нѣ-

лѣпа и полна самыхъ страшныхъ противорѣчій. Современный человѣкъ предпочитаетъ лучше ходить въ потемкахъ, чѣмъ при свѣтѣ безпристрастнаго этическаго изслѣдованія увидѣть въ зеркалѣ свое собственное изображеніе. Даже тѣ слабыя очертанія, которыя мелькаютъ передъ нимъ при разсѣянномъ кругомъ тускломъ свѣтѣ, приводятъ его въ ужасъ, и у него не хватаетъ поестественному мужеству взглянуться въ нихъ при болѣе яркомъ освѣщеніи. Но тотъ, кто дѣйствительно хочетъ стать нравственнымъ человѣкомъ, долженъ какъ можно ярче озарить міръ своей душевной жизни и безъ страха и боязни произвести то изслѣдованіе о дѣйствительныхъ цѣляхъ своей жизни, о которомъ мы выше говорили. Къ какимъ бы результатамъ ни привело это изслѣдованіе, личность должна искать только правды и одной правды, такъ какъ только безпристрастная правда дастъ ей возможность подняться вверхъ и изъ безсмысленной и противорѣчивой сдѣлать свою жизнь гармоничной и полной высокаго смысла.

Взглянемъ на задачи жизни, стоящія передъ личностью, еще съ нѣсколькою иной стороны, дополняющей наши предшествующія разсужденія и дающей имъ болѣе опредѣленный смыслъ. Выше мы опредѣлили нравственную личность какъ такую, которая старается расширить, насколько допускаютъ ея силы, область преслѣдуемыхъ ею цѣлей и вмѣстѣ съ тѣмънести въ эту область возможно больше гармоніи. Это общее опредѣленіе принимаетъ болѣе ясныя очертанія, если имѣть въ виду, что всѣ цѣли, преслѣдуемыя личностью, могутъ быть разбиты на два большіе класса, на цѣли индивидуального и на цѣли соціального характера, на цѣли, центромъ тяжести которыхъ является сама дѣйствующая личность, и на цѣли, центръ тяжести которыхъ лежитъ вѣтъ послѣдней, въ большей или меньшей совокупности другихъ индивидуумовъ. Общая задача установленія гармоніи между цѣлями жизни сводится такимъ образомъ къ установлению гармоніи между цѣлями индивидуального и цѣлями соціального характера или, выражаясь иначе, къ установлению гармоніи между даннымъ индивидуумомъ и окружающимъ его обществомъ большаго или меньшаго размѣра. Расширеніе системы цѣлей

при этомъ становится возможнымъ, главнымъ образомъ, благодаря расширению сферы цѣлей соціального характера, такъ какъ въ самой природѣ этихъ цѣлей лежитъ возможность безпредѣльного расширения. Если первоначально предметомъ такихъ цѣлей являются отдельные личности, окружающія насъ, то потомъ эти цѣли могутъ распространиться на постепенно все болѣе и болѣе расширяющіяся группы такихъ личностей, напр., на семью, определенное сословіе или общественный классъ, народъ и, въ конечномъ предѣлѣ, на все человѣчество. Наша же индивидуальность сама по себѣ никогда не можетъ явиться такимъ неисчерпаемымъ источникомъ въ смыслѣ расширения системы цѣлей, какимъ является окружающее насъ человѣчество. Расширение нашей личности совершается главнымъ образомъ не путемъ дѣятельности, направленной на самихъ себя, но путемъ дѣятельности, направленной на человѣчество. И чѣмъ болѣе широкій, соціальный, общечеловѣческій характеръ принимаетъ въ этомъ смыслѣ дѣятельность данного индивидуума, тѣмъ болѣе онъ становится нравственною личностью въ истинномъ смыслѣ этого слова. Нравственная личность въ ея наивысшемъ развитіи—это личность, сознавшая свое кровное родство со всѣмъ человѣчествомъ и отдающая на работу для человѣчества всѣ свои силы и способности. Здѣсь не существуетъ противопоставленія между моимъ „я“ и тѣмъ цѣлымъ, въ составѣ котораго я вхожу, но въ каждой своей мысли, въ каждомъ своемъ чувствованіи, въ каждомъ своемъ дѣйствіи я все крѣпче и неразрывнѣе утверждаю свою связь съ цѣлымъ, и все болѣе полной и совершенной становится моя гармонія съ нимъ.

Какую же форму приметъ съ точки зрењія того опредѣленія нравственной личности, которое мы только что дали, та первая ступень въ работѣ нравственного самовоспитанія, о которой мы только что говорили. Она представится тогда въ слѣдующемъ видѣ. Личность прежде всего должна отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ фактическомъ отношеніи, которое существуетъ между нею и окружающими ее людьми, и въ тѣхъ возможныхъ преобразованіяхъ, какимъ эти фактическія отношенія должны подвергнуться. Она должна поста-

раться отвѣтить себѣ на рядъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Каковы фактическія отношенія между мною и другими людьми? 2) Служать ли эти фактическія отношенія выраженіемъ моей гармоніи или моего разлада и антагонизма съ другими людьми? 3) Какія изъ этихъ отношеній слѣдуетъ исключить для того, чтобы система моихъ отношеній къ другимъ людямъ являлась только выраженіемъ гармоніи между мной и другими людьми и чтобы она составляла одно гармоническое цѣлое? И, наконецъ, 4) какъ долженъ я расширить кругъ другихъ людей и свою систему отношеній къ нимъ, чтобы создать болѣе широкую и полную гармонію между собой и человѣчествомъ въ полномъ соответствіи съ тѣмъ запасомъ волевой энергіи, который во мнѣ имѣется? Постоянное periodическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ и измѣненіе, сообразно съ получающимися отвѣтами, всего строя своей жизни составляютъ необходимое предварительное условіе для выработки изъ себя нравственной личности и для поднятія ея на все болѣе и болѣе высокія ступени развитія.

Повторяемъ, для того, чтобы стать нравственною личностью, надо вести, хотя бы и въ слабой степени, тотъ образъ жизни, какой должна бы вести нравственная личность; только тогда зародышъ личности, дремлющій въ нась, приметъ вполнѣ зрѣлыхъ и ясныхъ очертанія, только тогда онъ подниметъ голову, а не поникнетъ, развернется во всей красотѣ, а не заглохнетъ. Только нравственная жизнь, только неуклонное стремленіе къ расширенію цѣлей жизни и къ установленію между ними все болѣе полной и совершенной гармоніи, только безкорыстная дѣятельность для человѣчества, только неутомимый трудъ надъ сохраненіемъ жизни, надъ доставленіемъ счастья и возможности развитія возможно большему количеству людей и надъ объединеніемъ ихъ въ солидарное цѣлое, все болѣе расширяющееся по своимъ размѣрамъ,— могутъ выработать изъ нась нравственную личность, могутъ содѣйствовать нашему нравственному самовоспитанію. Если поэтому спрашиваются, какъ воспитать въ себѣ нравственную личность, то на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: живи нравственною жизнью, отдай всѣ свои силы, весь свой трудъ на дѣло поднятія жизненности и счастья среди человѣчества,

на содѣйствіе гармоническому развитію его во всѣхъ отношеніяхъ, и расширяй постоянно свою нравственную задачу въ этомъ смыслѣ до предѣловъ возможнаго. Другого средства не существуетъ, всякое другое средство не дѣйствительно или если и дѣйствительно, то только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно въ концѣ-концовъ приводить къ этому послѣднему средству.

Мы рассматривали до сихъ поръ задачу нравственнаго самовоспитанія въ его цѣломъ, посмотримъ же теперь, хотя въ общихъ чертахъ, какъ ставится эта задача, если въ частности имѣть въ виду выработку въ себѣ нравственнаго интеллекта, нравственныхъ чувствованій и нравственной воли.

Развитіе въ самомъ себѣ нравственнаго интеллекта означаетъ выработку нравственныхъ представлений, понятій и идей, однимъ словомъ, того, что можетъ быть названо въ общей совокупности нравственнымъ идеаломъ. Чтобы выработать себѣ нравственный идеалъ, надо на созданіе его направить работу своей мысли. Безъ постоянной, непрерывной, систематической работы въ этомъ направленіи ничего не можетъ быть достигнуто. Надо, чтобы были поиски, исканіе, чтобы теченіе нашихъ мыслей направлялось силою сознательной воли по опредѣленному руслу, и только тогда нравственные идеи кристаллизуются въ насъ въ опредѣленную, законченную форму. Къ сожалѣнію, это исканіе идеала и сознательное направленіе мыслей въ эту сторону почти отсутствуютъ у большинства людей, и даже у меньшинства оно обнаруживается не въ достаточно интенсивной степени и не достаточно систематично. Шумъ виѣшней жизни съ ея пестрыми впечатлѣніями часто слишкомъ порабощаетъ наше сознаніе и увлекаетъ его въ сторону отъ того пути, на которомъ ткутся свѣтлыя радужныя одежды идеала. Только въ святомъ уединеніи, только въ сосредоточенной работе мысли нравственный идеалъ можетъ получить въ нашемъ сознаніи плоть и кровь, ясныя и отчетливыя очертанія. Но если выработка нравственнаго идеала до нѣкоторой степени и требуетъ уединенія и сосредоточенности, то осуществленіе его, конечно, связано съ самою интенсивною

общественною жизнью. Мы говоримъ до нѣкоторой степени потому что въ абсолютномъ, полномъ уединеніи человѣкъ, никогда не въ состояніи будемъ создать себѣ нравственнаго идеала въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для созданія нравственнаго идеала дѣйствительно надо уединиться отъ хаоса виѣшнихъ впечатлѣній и отрѣшиться на время отъ тѣхъ общественныхъ отношеній съ другими людьми, въ которыхъ являешься частью стадной толпы, автоматомъ, маленькой пружиной большого механизма. Но только отъ этой стороны общественныхъ отношеній и надо отрѣшиться. Зато съ тѣмъ большей силой требуется та высшая форма общенія съ другими людьми, которая можетъ помочь намъ довести личное сознаніе нравственнаго идеала до полной степени ясности и совершенства. Уединенная, сосредоточенная работа мысли должна быть восполнена сознательнымъ обмѣномъ мыслей многихъ людей, работающихъ въ томъ же направленіи. Творческая работа отдѣльныхъ личностей должна получить свое завершеніе въ сознательной коллективной работѣ многихъ, благодаря которой исправятся несовершенства и односторонности, связанныя съ работой изолированного человѣка и эта послѣдняя получить надлежащую широту и законченность. Святое уединеніе только тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда оно восполняется святымъ общеніемъ, тѣмъ свободнымъ, искреннимъ, творческимъ обмѣномъ мыслей, который направленъ на уясненіе нравственнаго идеала какъ въ его цѣломъ, такъ и въ различныхъ его частностяхъ и подробностяхъ.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ личность можетъ выработать въ себѣ нравственные чувствованія? Чувствованія не зависятъ прямо отъ нашей воли, мы ихъ переживаемъ въ себѣ, но непосредственно вложить въ себя не можемъ. Нельзя прямо заставить себя чувствовать радость, когда чувствуешь огорченіе, нельзя заставить себя испытывать чувство любви, когда въ груди шевелится ненависть. Прямо надъ чувствованіями мы не имѣемъ никакой власти, скорѣе они имѣютъ власть надъ нами. Но если прямо наша власть надъ чувствованіями ничтожна, то зато мы можемъ приобрѣсти надъ ними громадное вліяніе косвеннымъ обра-

зомъ. Если мы не можемъ прямо заставить испытывать себя известные нравственные чувствования, разъ ихъ неѣть въ на-лицо, то мы можемъ достигнуть своей цѣли непрямымъ путемъ.

Всякое чувство можно возбудить въ себѣ, если сначала входишь въ положеніе, соответствующее чувствованію, если вызываешь тѣ жесты и движения, въ которыхъ выражается это чувство. „Дикари воспламеняютъ себя къ борьбѣ быстрой пляской. Если принимать участіе во внѣшнихъ церемоніяхъ, то это, по мнѣнію Паскаля, можетъ послужить къ дѣйствительному обращенію въ вѣру. Несомнѣнно, что получается совершенно другое настроеніе, когда сжимаешь руки въ кулакъ, чѣмъ когда ихъ складываешь вмѣстѣ,—когда простираешь руки, чѣмъ когда ихъ прижимаешь къ груди <sup>1)</sup>“.

Вотъ путь, которымъ мы можемъ возбудить въ себѣ тѣ или другія нравственные чувствования, если ихъ не имѣется въ нась въ дѣйствительности. Совершайте тѣ дѣйствія, въ которыхъ выражаются обыкновенно эти чувствования, и вы въ концѣ-концовъ станете ихъ переживать. Такъ, напр., возьмемъ хотя бы чувство справедливости. Будьте справедливы сначала хотя бы чисто внѣшимъ образомъ, и вы станете, наконецъ, справедливыми изъ внутренняго побужденія, изъ чувства справедливости, которое неизбѣжно должно будетъ въ васъ развиться. Дѣйствуйте нравственно, хотя бы вы не чувствовали къ этому сильного влечения, и вы выработаете въ себѣ такимъ путемъ и сильное нравственное чувство.

Другимъ условіемъ, несомнѣнно содѣйствующимъ къ выработкѣ нравственныхъ чувствованій, является общеніе съ людьми, стоящими выше нась въ нравственномъ отношеніи. Испытываемые ими чувствования будутъ тогда переживаться по симпатіи и нами и въ концѣ-концовъ станутъ для нась второюатурою, т.-е. будутъ въ нась возникать и самостоятельно.

Но, кроме всего этого, могутъ толчкомъ въ развитіи

---

1) Г. Геддингъ. Очерки психологіи, основанной на опыте. Пер. съ нем. подъ ред. Я. Колубовскаго, З-е изд., 1898 г., стр. 279.

чувствованій служить частое возвращеніе мыслью къ тѣмъ образамъ, съ которыми связаны эти чувствованія. Заставляя себя думать объ извѣстныхъ предметахъ или ставя себя мысленно въ опредѣленныя положенія, мы тѣмъ самыемъ создаемъ новыя направленія и для нашихъ чувствованій. И если они въ насъ первоначально и не возникаютъ въ сколько-нибудь сильной степени, то отъ этого еще не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе и падать духомъ. Надо только продолжать постоянно искать поводовъ хотя бы мысленно возвращаться къ великимъ нравственнымъ идеямъ. И неѣть сомнѣнія, что если мы будемъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы думать о нихъ, то онѣ перестанутъ быть мертвыми идеями, безжизненными и холодными, но будутъ согрѣты всею теплотою чувства, доступного намъ, и будутъ вызывать въ насъ весь тотъ энтузіазмъ, на который мы только способны. И тогда у отвлеченныхъ идей вырастутъ крылья, которыя дадутъ намъ возможность „наши благіе порывы“ претворить въ подвигъ братской любви. Мы должны и можемъ искать себѣ въ этомъ смыслѣ союзниковъ въ области литературы и искусства. Страйтесь по преимуществу читать тѣ литературные произведенія, смотрѣть тѣ картины, слушать ту музыку, которыя пробуждаютъ въ васъ мысли о нравственно-прекрасномъ, вызываютъ восторгъ и восхищеніе передъ красотою нравственности, и избѣгайте въ этой области всего того, что будить низменные инстинкты и пошлые мысли, и вы этимъ самыемъ будете прокладывать для своей душевной жизни свѣтлую дорогу, ведущую ее на безпредѣльную высоту истинно-человѣческаго существованія, а не спускающую, наоборотъ, въ темныя пропасти, гдѣ все великое, свѣтлое и прекрасное гаснетъ и разлетается какъ дымъ.

„Въ моральномъ воспитаніи,—говорить Лекки,—важно приобрѣсти способность отгонять деморализующіе мысли и образы, столь неотвязчиво преслѣдующіе многихъ, а также бороться съ соблазнами посредствомъ обращенія къ болѣе чистымъ, высокимъ и сдерживающимъ мыслямъ. Способность измѣнять и усиливать свои побужденія выдвиганіемъ на первый планъ однихъ мыслей, образовъ и предметовъ и отстраненіемъ отъ себя другихъ является однимъ изъ главныхъ

средствъ нравственнаго усовершенствованія <sup>1)“</sup>. И эту способность мы должны развивать въ себѣ, если желаемъ дать нашимъ чувствованіямъ и вообще всей нашей душевной жизни болѣе высокій полетъ, пользуясь для этого вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ тѣмъ хорошимъ, что даютъ въ наше распоряженіе литература и такъ называемыя искусства, какъ-то: живопись, скульптура, музыка и т. д.

Воспитывая, такимъ образомъ, въ себѣ нравственный интеллектъ и нравственные чувствованія, мы тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ воспитываемъ въ себѣ и нравственную волю, такъ какъ представленія и чувствованія являются опредѣляющими факторами въ развитіи воли. Но воля вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и прямо, именно путемъ дѣйствія. Нравственное дѣйствіе приводить и къ выработкѣ все болѣе и болѣе совершенной нравственной воли. Съ каждымъ нравственнымъ дѣйствиемъ воля человѣка все болѣе рѣшительнымъ образомъ направляется на тотъ путь, который ведеть въ царство идеала. И ничто такъ не способствуетъ воспитанію нравственной воли, какъ соединенная сознательная дѣятельность многихъ, направленная на самыя высокія нравственные цѣли. Какъ составной элементъ общественной нравственной воли и индивидуальная воля отдельной личности получаетъ твердую точку опоры, растетъ, мужаетъ и крѣпнетъ и дѣлается способной выдержать самые страшные удары, устоять противъ самыхъ сильныхъ искушеній и не дрогнуть передъ самыми неожиданными опасностями. Въ священномъ союзѣ нравственности, въ святой общей работѣ, направленной на установленіе царства справедливости, любви и правды среди человѣчества, личность даетъ себѣ самое дѣйствительное, самое полное, самое совершенное нравственное самовоспитаніе, которое ее подымаетъ до безпредѣльной высоты нравственной личности и окружаетъ свѣтлымъ ореоломъ истиннаго величія, героизма и благородства. Только здѣсь, только на этомъ пути личность все болѣе и болѣе обновляется, расширяя и углубляя содержаніе своей жизни до предѣлъ.

---

1) В. Лекки. Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. Пер. Л. Локкера. Стр. 256.

ловъ возможнаго и дѣлая это содержаніе все болѣе и болѣе дѣйннымъ.

Все это такъ, скажутъ намъ, но все это доступно только немногимъ личностямъ, сильнымъ душой, вѣрящимъ въ жизнь, не отчаявшимся въ своихъ силахъ. А что дѣлать тѣмъ многимъ молодымъ, которые, подобно Татьянѣ въ „Мѣщанахъ“ Горькаго, устали жить, которые говорятъ, что имъ „негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить“, которые чувствуютъ себя слабыми и ничтожными, у которыхъ въ груди незамѣтно для нихъ „выросла пустота“, которыхъ пошлость, мелочи, тѣснота, мѣщанская атмосфера жизни незамѣтно, потихоньку раздавили. Эти люди и хотѣли бы смотрѣть на жизнь весело и бодро, но не могутъ, у нихъ нѣтъ вѣры въ сердцѣ, они не способны жить мечтами. Всякія мысли о будущей идеальной жизни они, подобно Татьянѣ, назовутъ „сказками“. По ихъ мнѣнію, жизнь „течетъ тихо, однообразно, какъ большая мутная рѣка“ (стр. 5), она „всегда была такая, какъ и теперь... мутная, тѣсная... и всегда будетъ такая“ (стр. 130)... Что дѣлать этимъ бѣднымъ, слабымъ, раздавленнымъ торжествующимъ „мѣщанствомъ?“ Они сами спасти себя не могутъ и предоставленные самимъ себѣ они окончательно задохнутся въ атмосферѣ мѣщанской пошлости или кончатъ жизнь свою самоубійствомъ... Здѣсь безполезно говорить о нравственномъ самовоспитаніи, потому что изсякли всякія силы для подобного самовоспитанія. Здѣсь нужно нравственное воспитаніе, и прежде всего необходимо этихъ людей исторгнуть изъ той среды, которая задушила всѣ ихъ лучшія силы, которая подорвала въ нихъ всякую вѣру въ будущее...

Татьяну и ей подобныхъ могутъ спасти люди, такіе, напр., какъ Нилъ, выведенный въ тѣхъ же „Мѣщанахъ“. Этотъ не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ людей, которые, „стоя на порогѣ жизни, уже полумертвы“, которые „не живутъ, а такъ какъ-то слоняются около жизни и по неизвѣстной причинѣ стонутъ, да жалуются и не дѣлаютъ никакихъ усилий, чтобы выйти изъ того положенія, въ которомъ находятся“. Нилу нравится жить, онъ находитъ, „что жить на землѣ“— это большое удовольствіе. „ѣздить на скверныхъ паровозахъ осенними ночами,—говорить онъ,—подъ дождемъ и вѣтромъ...

или зимою... въ метель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмой, завалено снѣгомъ,— утомительноѣздить въ такую пору, трудно... опасно, если хочешь, — и все же въ этомъ есть своя прелестъ! Все-таки есть! Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго, — въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки, воры... Но, жизнь не вся за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарвы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣть такого расписанія движенія, которое бы не измѣнялось“. На брошенныя ему въ видѣ возраженія слова „посмотримъ, какъ тебѣ отвѣтить жизнь“, онъ восклицаетъ: „я заставлю ее отвѣтить такъ, какъ захочу. Ты не страшай меня. Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жметъ и давить человѣка, я знаю это — и это мнѣ не нравится; возмущаетъ меня. Я этого порядка не хочу. Я знаю, что жизнь — дѣло серьезное, но не устроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои. Я знаю и то, что я — не богатырь, а просто честный, здоровый человѣкъ, и все-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому — помѣшать, этому — помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!“ (стр. 144). Только среди людей, подобныхъ Нилу, и при болѣѣ внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи къ себѣ съ ихъ стороны и личности, подобныя Татьянѣ, могли бы возродиться къ свѣтлой, новой жизни, полной кипучаго и бодраго труда надъ несовершенствами общественаго быта и неутомимой работы надъ своимъ собственнымъ нравственнымъ самовоспитаніемъ. Но ихъ надо спасти, а не оттолкнуть, ихъ надо вытащить изъ болота, изъ котораго сами себя они вытащить не въ состояніи, имъ надо протянуть руку помощи и незамѣтно для нихъ втянуть въ общую широкую работу нравственного обновленія человѣчества, которая кипитъ въ разныхъ уголкахъ и закоулкахъ жизни, которая происходитъ въ различныхъ поприщахъ и областяхъ ея и которая требуетъ такого большого количества силъ и такъ много работниковъ. И тогда они сдѣлаютъ еще болѣе могучею.

великую рать связанныхъ въ одно солидарное цѣлое мужественныхъ, стойкихъ борцовъ за свѣтлое будущее человѣчества. И только тогда соединенными усилиями всего этого множества людей удастся, наконецъ, создать тотъ колоколь, о которомъ мечталъ колокольный литейщикъ Гейнрихъ въ „Потонувшемъ колоколѣ“ Г. Гауптмана, колоколь, въ звукѣ громовыхъ трубъ котораго потонуть звоны всѣхъ колоколовъ

„И въ ликованыи гулкомъ возрастая,  
Онъ міру возвѣстить рожденье дня“.

И только тогда, когда отдельная личность будетъ стоять на твердомъ фундаментѣ солидарного союза съ другими людьми, все расширяющагося, становящагося все тѣснѣе и глубже и одушевленнаго самыми высокими нравственными задачами, только тогда она въ состояніи будетъ сказать и оправдать на дѣлѣ слова, сказанныя, но, къ сожалѣнію, не доказанныя Гейнрихомъ, и именно потому, что онъ былъ одинокъ въ своей борьбѣ, въ своей работѣ и жизни:

„И если тина, яростно вскипѣвши,  
Всей силой тьмы, пакинется свирѣпо,  
Чтобъ загасить огонь моей души,—  
Я знаю, что хочу и что могу я.  
Я много колокольныхъ формъ разбилъ,  
Еще однажды я взметну свой молотъ,  
И колоколь, который будетъ сдѣланъ  
Искусствомъ низкой черни—изъ тщеславья,  
Изъ желчи, злобы, изъ всего дурного,  
Быть можетъ, чтобы глупость пѣла въ немъ,—  
Тотъ колоколь я мастерскимъ ударомъ  
Разрушу, и исчезнетъ онъ, какъ пыль“ <sup>1)</sup>.

Прежде, чѣмъ окончить настоящую статью, мы считали бы полезнымъ остановиться еще хотя бы въ общихъ чертахъ на одномъ очень характерномъ явлѣніи современной жизни. Если семидесятые и восьмидесятые годы характеризовались тѣмъ, что было названо „болѣзнью совѣсти“, то какъ отличительную черту нашего времени можно отмѣтить то, что

<sup>1)</sup> Г. Гауптманъ. Драматическія сочиненія. „Потонувшій колоколь“, стр. 402.

лучше всего назвать „болѣзнью честа“ (см. по этому поводу соч. Глѣба Успенского, изд. Павленкова, 1889 г., вступительную статью о немъ Н. Михайловскаго, стр. XXXIII и т. д.). Героями тогдашняго времени являлись „кающіеся дво-  
ряне“, люди съ сознаніемъ своего долга и своей великой  
отвѣтственности передъ народомъ, на переднемъ планѣ стояло  
пробужденіе чувства своей грѣховности, своей виновности  
передъ народомъ и обществомъ, сознаніе того „свиного эле-  
мента“, въ который большинство глубоко погрязло, и желаніе  
во что бы то ни стало освободиться отъ него, очиститься,  
отречься отъ всякихъ удобствъ жизни, наложить на себя  
жертвы, подвергнуть себя всевозможнымъ лишеніямъ. Теперь  
декораціи совершенно перемѣнились, на сцену жизни высту-  
пилъ новый типъ, представитель „оскорблennой чести“, ко-  
торый смотрить на самого себя, какъ на „вещественное до-  
казательство совершеннаго обществомъ преступленія“, кото-  
раго тоже тяготить и давить „свиной элементъ“ и который  
требуетъ для себя во что бы то ни стало условій „истиннаго  
человѣческаго существованія“. Униженное человѣческое до-  
стоинство, личность, оскорблennая въ своихъ лучшихъ стрем-  
леніяхъ, — вотъ главная тема современныхъ беллетристиче-  
скихъ произведеній. Эта тема, напримѣръ, красною нитью  
проходитъ въ произведеніяхъ М. Горькаго, всѣ герои кото-  
раго являются, главнымъ образомъ, представителями оскор-  
блennой чести. Она сквозить и въ другихъ лучшихъ беллетри-  
стическихъ и иныхъ литературныхъ произведеніяхъ пережи-  
ваемаго нами времени. Контрастъ особенно разительный, если  
сравнить героевъ Горькаго съ главными дѣйствующими лицами  
произведеній, напр., Глѣба Успенскаго, гдѣ „болѣзнь совѣсти“  
играетъ первенствующую роль. Но это обостреніе „чувства  
чести“ съ тѣмъ большею настойчивостью выдвигаетъ на пер-  
вый планъ вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи. Если  
честь современнаго человѣка такъ поругана внѣшнимъ поряд-  
комъ вещей, если строй общественной жизни на каждомъ  
шагу надъ нею издѣвается и ее попираеть и унижаетъ, то  
прежде чѣмъ и пока будетъ достигнуто измѣненіе этого внѣш-  
няго уклада жизни, въ рукахъ личности находится одно  
великое средство, при помощи котораго она можетъ возста-

новить эту попранную честь. Это—нравственное самовоспитаніе, это—работа надъ своимъ духовнымъ облагороженіемъ. Какъ бы внѣшній порядокъ вещей ни унижалъ насть,—стремясь измѣнить его, предъявляя къ нему, или, вѣрнѣе, къ его защитникамъ, тѣ или другія требованія и добиваясь ихъ удовлетворенія,—мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ неутомимой работы надъ самими собою, не переставая, продолжать возвышаться духовно и нравственно, не покладая рукъ, воспитывать въ себѣ новую нравственную личность и мы должны содѣйствовать всѣми силами воспитанію подобной личности въ тѣхъ, кому условія жизни не позволяютъ приняться за самовоспитаніе.

---

## **Нравственное воспитаніе и свобода<sup>1)</sup>.**

Что вопросъ о нравственномъ воспитаніи является безспорно самымъ важнымъ во всей области воспитанія—противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Тѣмъ болѣе настоятельной является надобность разобраться въ этомъ вопросѣ, такъ какъ ни въ одной области не существуетъ въ этомъ отношеніи такой путаницы, какъ именно въ вопросѣ о нравственномъ воспитаніи. Въ настоящей статьѣ я хочу выскажать только нѣсколько мыслей о томъ направленіи, въ какомъ слѣдуетъ искать его рѣшенія, если становиться на точку зрѣнія идей, охватываемыхъ понятіемъ „свободное воспитаніе“ и послѣдовательно развивать эти идеи до ихъ послѣдняго логического конца.

Передъ нами стоитъ такая проблема въ области нравственного воспитанія, которую мы должны рѣшить или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ ея рѣшенію: какими цѣлями слѣдуетъ задаваться въ дѣлѣ нравственного воспитанія, если и нравственное воспитаніе, подобно всѣмъ другимъ сторонамъ воспитанія, должно быть запечатлѣно характеромъ свободы и должно отбросить всѣ формы принужденія и насилия, какъ бы скрыты и замаскированы онѣ ни были. Ни въ какой другой области, какъ въ области нравственного воспитанія, не возникаетъ, быть можетъ, въ такой сильной степени опасность опутать ребенка „цѣпями невидимаго рабства“. И ни въ какой другой области тѣ пріемы воспитанія, которые обычно практикуются, не являются столь очевидно бросающимся въ глаза насилиемъ надъ душою ребенка и ведутъ не къ „освобожденію ребенка“ отъ тяготя-

---

1) Статья эта была напечатана въ журналѣ „Свободное воспитаніе“ за 1908/09 г., № 4.

шихъ на немъ цѣпей всякаго рода, а къ его закрѣпощенію подъ новыя цѣпи.

Это тѣмъ болѣе знаменательно, что въ этомъ отношеніи даже тѣ педагоги, которые смѣло и рѣшительно идутъ по пути умственнаго раскрѣпощенія ребенка, провозглашая здѣсь лозунгъ свободнаго непринужденнаго развитія, какъ только дѣло заходить о нравственномъ развитіи, начинаютъ бояться этой свободы и сворачиваютъ на старый путь болѣе или менѣе грубаго или болѣе или менѣе тонкаго насилия. Но вѣдь надо же быть послѣдовательнымъ: если процессъ умственнаго развитія ребенка долженъ быть свободнымъ, если мы должны здѣсь развивать въ немъ критическую мысль, если все дѣло его умственнаго развитія мы должны стремиться поставить такъ, чтобы онъ самъ творческимъ путемъ доходилъ до обладанія истиной, если мы должны осторегаться сковывать его свободную мысль какими-либо догмами, а наоборотъ, поощрять къ смѣлому исканію, къ самостоятельнымъ поискамъ, къ творческой работе, то не должны ли мы дѣлать то же самое и, быть-можетъ, еще во много разъ больше въ области нравственнаго развитія его? Не долженъ ли ребенокъ и въ нравственной области явиться также великимъ искателемъ, не долженъ ли онъ самостоятельно и творческимъ путемъ дойти до обладанія нравственностью, не слѣдуетъ ли намъ и здѣсь опираться на творческія силы ребенка, а не на различные процессы автоматического характера, какъ то: подражаніе, внушеніе и т. д.?

„Да,—скажутъ намъ—но вѣдь это сопряжено съ большимъ рискомъ. Легко можетъ случиться, что ребенокъ, идя творческимъ путемъ, дойдетъ до обладанія не нравственностью, а Богъ знаетъ чего, что граничитъ, быть можетъ, даже съ преступленіемъ... Поэтому гораздо надежнѣе будетъ, если мы будемъ разсчитывать на такие факторы, какъ подражаніе и внушеніе; тогда гораздо скорѣе можно быть увѣреннымъ въ томъ, что изъ него выйдетъ хороший человѣкъ, который проникнется истинными понятіями о добрѣ и злѣ“.

Т.-е., другими словами, отвѣтимъ мы на это, въ области нравственнаго воспитанія вы боитесь свободнаго естествен-

наго развитія, послѣдовательно и систематически проведенаго и обезпеченнаго, вы боитесь, что творческая мысль ребенка приведетъ его къ новой нравственности, нравственности, которую вы понять не можете, и которая, быть можетъ, разойдется рѣзко съ той нравственностью, которую вы привыкли считать послѣдней абсолютной истиной. Считая себя въ отношеніи нравственного идеала обладателемъ абсолютной истины и не вѣря въ возможность прогресса человѣчества въ дѣлѣ познанія высшихъ началъ нравственности, вы считаете себя въ правѣ стараться какъ можно раньше виушить ребенку вашъ идеалъ, чтобы тѣмъ спасти его отъ возможной нравственной погибели. Такимъ образомъ, вѣра въ возможность обладанія абсолютной истиной и въ свое призваніе быть спасителемъ ребенка отъ угрожающей ему якобы, а на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, мнимой опасности нравственно погибнуть — служить тѣмъ достаточнымъ основаніемъ, которое оправдываетъ въ вашихъ глазахъ такие приемы воспитанія, какъ внушеніе, когда дѣло идетъ о нравственномъ воспитаніи. Но кто далъ вамъ право считать себя въ обладаніи абсолютной истиной въ сферѣ познанія добра и зла, т.-е. въ области нравственности, и кто далъ вамъ право взять на себя роль спасителя, не зная, захочеть ли то лицо, которое вы спасаете, подобнаго спасенія и не проклянетъ ли оно васъ впослѣдствіи, усмотрѣвъ въ вашемъ спасеніи не спасеніе, а нравственную гибель, а тормозъ и задержку для достиженія болѣе высокихъ степеней нравственнаго развитія?

Пока вы не можете доказать, что вы дѣйствительно обладатель абсолютной нравственной истины, пока вы не можете оправдать необходимости спасенія,—до тѣхъ поръ вы лишены права принимать на себя роль спасителя и дѣйствовать такъ, какъ если бы вы обладали абсолютной истиной. „Докажите это право. Вы—отвѣтчики, а дѣти—истцы“, и они въ правѣ требовать, чтобы вы дѣйствовали съ особеною осторожностью тамъ, где не можетъ быть полной увѣренности, и чтобы вы въ своихъ дѣйствіяхъ больше опирались на ихъ свободныя творческія силы, чѣмъ на тѣ автоматическіе и чисто механическіе процессы, которые характе-

ризуются, напр., словами: „подражаніе“, „внушеніе“ и т. д., чтобы вы старались развивать въ нихъ свободную нравственную волю, а не тѣ или другіе привычные взгляды, привычныя дѣйствія и навыки.

Истинно человѣческая нравственность не можетъ быть создана на подражаніи, внушеніи, образованіи привычныхъ взглядовъ, навыковъ и т. д., для этого требуется пустить въ ходъ другія силы, и ребенокъ имѣеть полное право требовать отъ своихъ воспитателей, чтобы они сдѣлали все возможное для развитія въ немъ этой высшей нравственности, хотя бы она и явилась отрицаніемъ того, что сами педагоги привыкли считать нравственностью.

Вы говорите, что „дѣти находятся всегда и тѣмъ болѣе, чѣмъ моложе—въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первою степенью гипноза“ и что „учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе“. И если это фактически такъ, если „дѣтскій возрастъ“ *de facto* „есть возрастъ внушенія“, то почему же и всему нравственному воспитанію не состоять „во внушеніи добра“.

Но задаете ли вы себѣ вопросъ, нормально ли то, что дѣти и взрослые находятся часто въ состояніи гипноза и что тѣ и другіе такъ воспріимчивы къ внушеніямъ всякаго рода? Но задаете ли вы себѣ вопросъ, не потому ли взрослое поколѣніе впослѣдствіи и всю свою жизнь остается столь сильно воспріимчивымъ ко всякаго рода внушеніямъ, что эту способность обыкновенно поддерживаютъ и усиливаютъ въ немъ тѣ воспитатели, которые пользуются ею, какъ однимъ изъ средствъ, и даже самимъ главнымъ, нравственного воспитанія? Вѣдь и это тоже неоспоримый фактъ—чѣмъ болѣе приводишь въ дѣйствіе какую-либо способность, тѣмъ болѣе она и развивается. Чѣмъ болѣе приводишь человѣка въ состояніе гипноза, тѣмъ болѣе онъ дѣлается способнымъ впадать въ это состояніе и подвергаться разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ.

И притомъ какая цѣна этой гипнотической нравственности, этому „внушенному доброму“? Гипнотическая нравственность есть нравственность механическая, нравственность человѣка-машины, человѣка-автомата, а „внущенное добро“

не есть добро въ истинномъ смыслѣ этого слова,—таковыи можетъ быть только то добро, которое самостоятельно и творчески рождается въ душѣ ребенка, а не навязывается ему извнѣ путемъ внушенія. Если вы истинный воспитатель, то вы остережетесь пользоваться внушеніемъ, какъ средствомъ воспитанія, вы постараетесь оперировать на другихъ факторахъ, вы будете строить нравственное воспитаніе на творческой волѣ, которая, хотя бы и въ зародыши, имѣется и въ маленькомъ ребенкѣ. Вы будете любовно беречь этотъ зародышъ и всячески содѣйствовать тому, чтобы его развитіе не было заглушено чрезмѣрнымъ развитіемъ всего того, что есть въ человѣкѣ механическаго, автоматического.

Правда, ребенокъ воспріимчивъ къ гипнозу и легко поддается внушеніямъ и такъ или иначе, хотя бы даже невольно, вы будете для него являться источникомъ внушеній всякаго рода. Допустимъ, что все это такъ, но что же изъ этого?! Тѣмъ болѣе это налагаетъ на насъ, какъ на воспитателей, обязанность воспользоваться этой способностью къ внушенію, чтобы создать въ ребенкѣ силу, могущую въ немъ ослабить эту способность и взять ее въ свои руки. Такую силу мы можемъ создать, если будемъ внушать ребенку не столько тѣ или другія абсолютныя истины, не столько тотъ или другой безусловно истинный образъ поведенія, сколько мысль, что всякая истина только тогда истина, если она является самостоятельнымъ, свободнымъ, творческимъ построениемъ ума человѣка, и что всякое поведеніе только тогда нравственно, когда оно представляеть продуктъ самостоятельной свободной творческой воли, а не результатъ подражанія и внушенія.

Эту мысль мы должны внушать ему какъ путемъ слова, такъ и путемъ всей своей жизни. Если мы въ своей жизни, и въ особенности въ области нравственности, будемъ вѣчными искателями, если мы будемъ всегда здѣсь искать высшаго и лучшаго, если мы не будемъ вѣрить въ то, что мы обладаемъ послѣдней, вѣчной абсолютной истиной, то ничего не можетъ быть лучше и благотворнѣе вліянія примѣра подобной жизни на ребенка. Примѣръ подобной жизни дѣйствительно поведетъ къ нравственному развитію ребенка,

къ выработкѣ въ немъ самостоятельной свободной творческой нравственной воли.

Но если мы въ своей жизни будемъ исповѣдывать нравственный догматизмъ, если мы будемъ считать нравственные вопросы разъ и навсегда рѣшенными, если мы будемъ бояться ихъ постоянного пересмотра и изслѣдованія, если мы вместо увѣренности, получающейся на основаніи критического разбора, будемъ опираться на слѣпую вѣру, то и примеръ нашей личной жизни не будемъ содѣйствовать къ выработкѣ въ ребенкѣ самостоятельной свободной творческой воли, а другихъ противоположныхъ качествъ. Примеръ нашей жизни будетъ тогда только содѣйствовать къ выработкѣ добродѣтельного въ нашемъ смыслѣ человѣка. Если мы, напр., исповѣдуемъ христіанскую мораль, то примеръ такой жизни поведетъ къ выработкѣ человѣка, проникнутаго принципами христіанской морали. Но добродѣтельнымъ каждый человѣкъ можетъ и долженъ быть только въ своемъ смыслѣ. Только моя собственная добродѣтель, мною самимъ свободно и творчески созданная, и есть истинная и настоящая добродѣтель. Всякая иная добродѣтель это—только суррогатъ добродѣтели; всякая иная добродѣтель есть внешняя добродѣтель и въ нравственномъ отношеніи не имѣть никакой цѣны.

Что задерживаетъ прогрессъ человѣчества въ области нравственности? Этотъ прогрессъ задерживается и тормозится именно тѣмъ, что въ нравственномъ воспитаніи мы не заботимся о развитіи свободной творческой воли, что мы гасимъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ въ ребенкѣ въ этомъ отношеніи беспокойный духъ исканія и творчества и стараемся во что бы то ни стало зажечь ровный и спокойный огонекъ вѣры. И поколѣнія за поколѣніями путемъ внушенія, подражанія и слѣпой вѣры воспитываются въ рамкахъ все одной и той же морали, и нравственный идеалъ остается поэтому неизмѣннымъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Мы все еще топчемся по протореннымъ дорогамъ одной и той же традиціонной морали. Но если эта традиціонная мораль была сама нѣкогда преодолѣніемъ болѣе низшей морали, то не должна ли и она въ свою очередь когда-нибудь быть

преодолѣна другой болѣе высокой формой морали. И если мы хотимъ, чтобы это какъ можно скорѣе случилось, мы должны въ возможно большей степени облегчать путь для морального творчества, мы должны въ каждомъ ребенкѣ видѣть возможнаго творца будущей новой болѣе высокой нравственности и путемъ соответствующаго нравственнаго воспитанія мы должны облегчать ему возможность стать такимъ творцомъ.

Такимъ образомъ, заканчивая настоящій краткій очеркъ и резюмируя вкратцѣ отвѣтъ на вопросъ: какими цѣлями слѣдуетъ задаваться въ области нравственнаго воспитанія, мы скажемъ: цѣль нравственнаго воспитанія не „внушеніе добра“, какъ его понимаемъ мы, воспитатели, не внѣдреніе въ дѣтяхъ путемъ подражанія и другихъ психическихъ процессовъ чисто автоматическаго характера нашего нравственнаго идеала, а пробужденіе въ ребенкѣ самостоятельной свободной нравственной воли, самобытнаго нравственнаго творчества, для котораго нашъ нравственный идеалъ является только материаломъ, свободно и творчески перерабатываемымъ въ болѣе высокія формы.

Только такое нравственное воспитаніе, задающееся такими задачами, будетъ вести человѣчество непрерывно къ все большему и большему нравственному совершенству и будетъ все выше и выше поднимать нравственный идеалъ человѣчества. Для своего нравственного прогресса человѣчество нуждается въ возможно большемъ числѣ индивидуальныхъ свободныхъ творцовъ новой независимой самобытной нравственности и въ возможно меньшемъ числѣ представителей „стадной морали“, „вѣчной и неизмѣнной вовѣки вѣковъ“. Только люди, „свободные духомъ“, только „вѣчные искатели“ могутъ быть двигателями нравственного прогресса въ человѣчествѣ. И только въ атмосфѣрѣ чистой и полной духовной свободы можетъ вырасти цвѣтокъ истинной настоящей нравственности.

# **Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи<sup>1)</sup>.**

**(Посвящается С. А. В—ль.)**

Главная, основная цѣль педагогической дѣятельности „заключается въ содѣйствіи освобожденію ребенка и вообще личности, являющейся объектомъ воспитанія, для свободной творческой работы надъ своимъ собственнымъ воспитаніемъ, для самовоспитанія, которое будетъ имѣть своею цѣлью сдѣлать изъ данной личности совершенного человѣка, способнаго стать въ наибольшей возможной степени свободнымъ творцомъ и плодотворнымъ работникомъ въ дѣлѣ выполненія выпадающей на его долю этической задачи“<sup>2)</sup>). Отсюда и основная проблема, надъ разрѣшеніемъ которой должна работать педагогика: это—проблема освобожденія ребенка для подобной творческой работы. Все предшествующее развитіе педагогической мысли, начиная съ Монтея и Аммоса Коменскаго и продолжая Руссо, Дистервегомъ, Фребелемъ, Толстымъ, Элленъ Кей и т. д. (я не называю здѣсь всѣхъ именъ: ихъ очень много), подготовило насъ къ постановкѣ и возможному—если не полному, то хотя приблизительному—разрѣшенію этой великой проблемы.

Но, къ сожалѣнію, современные воспитатели въ подавляющемъ большинствѣ, или будучи совершенно незнакомы съ тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ, которое намъ оставило историческое развитіе педагогической мысли, или попросту игнорируя его, ничего не хотятъ знать объ этой проблемѣ. Для

---

<sup>1)</sup> Статья эта была напечатана въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1909 г., № 3.

<sup>2)</sup> См. дальше статью „Этика, педагогика и политика“, где эта мысль развивается болѣе подробно.

нихъ ребенокъ все еще продолжаетъ являться орудіемъ и средствомъ для осуществленія какихъ-либо внѣшнихъ и постороннихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго ни съ его настоящею жизнью, непосредственно переживаемою имъ въ данный моментъ, ни съ свободнымъ и ничѣмъ не стѣсненнымъ гармоническимъ развитіемъ его индивидуальности. Для нихъ ребенокъ попрежнему не имѣть значенія самодовлѣющѣй цѣли. Ребенокъ, какъ ребенокъ, для нихъ почти не существуетъ: они заботятся о чёмъ угодно, но только не о живой личности маленькаго будущаго человѣка. И этотъ маленький человѣкъ безжалостно гнется и коверкается въ рукахъ современныхъ педагоговъ, надъ нимъ практикуются всевозможныя формы насилия, мудрые педагоги разрабатываютъ для его мнимаго усовершенствованія всевозможные хитроумные методы принудительного воспитанія и обученія и одного только ему не даютъ, это — свободы.

Только — пока еще очень небольшая — группа воспитателей, слѣдующая завѣтамъ великихъ педагоговъ прошлаго, стремится въ этомъ отношеніи рѣшительно повернуть свой фронтъ. Для нихъ ребенокъ, живой ребенокъ, стоитъ на первомъ планѣ, и въ томъ, чтобы освободить ребенка отъ всѣхъ формъ насилия и гнета, которые могли бы надъ нимъ — частью сознательно, а частью безсознательно — практиковаться, они видятъ свою высшую задачу. „Новая педагогика“, „педагогика будущаго“, „педагогика освобожденія ребенка“ является идеальною выразительницею стремленій и дѣятельности, во многихъ отношеніяхъ еще, конечно, не вполнѣ совершенной и не всегда послѣдовательной, этой, пока еще малочисленной, но все болѣе и болѣе растущей въ своемъ числѣ группы воспитателей.

Но этой новой педагогикѣ, прежде чѣмъ ей удастся получить широкое распространеніе и окончательно восторжествовать въ жизни и сознаніи людей, придется преодолѣть на своемъ пути неисчислимые препятствія, придется сломить бездну предразсудковъ, укоренившихся и пустившихъ довольно глубокіе корни въ душѣ современныхъ людей. Одинъ изъ такихъ предразсудковъ — это — тотъ, что люди не могутъ будто бы жить безъ подчиненія тѣмъ или другимъ

авторитетамъ, что авторитеты составляютъ необходимое условіе существованія всякой общественной жизни, что группа людей, обладающихъ большими знаніями, наиболѣе умныхъ, имѣть естественное право владычествовать и повелѣвать надъ остальной частью человѣчества, стоящею ниже ея въ умственномъ отношеніи, а эта остальная часть человѣчества должна ей повиноваться. Отсюда выводится законность власти въ человѣческомъ обществѣ съ одной стороны и законность власти родителей и воспитателей надъ дѣтьми и молодымъ поколѣніемъ—съ другой.

Этотъ предразсудокъ представляетъ одинъ изъ тѣхъ фундаментальныхъ предразсудковъ, который новая педагогика должна преодолѣть на своемъ пути. Я потому называю его фундаментальнымъ, что существенный пунктъ, въ которомъ система „новаго воспитанія“ отличается отъ господствующей, и заключается именно въ томъ значеніи, которое и та и другая придаютъ принципу авторитета. Господствующая система воспитанія основывается на принципѣ авторитета, новая—на принципѣ свободы. Вотъ почему для обоснованія новой системы воспитанія и является существенно необходимымъ всесторонне изслѣдовать принципъ авторитета и показать его полную несостоятельность и въ области воспитанія, и въ сфере жизни вообще. Критической оцѣнкѣ принципа авторитета, конечно, далеко не полной и не исчерпывающей, посвящена настоящая статья, причемъ попутно въ той степени, въ какой показывается несостоятельность принципа авторитета, одновременно же обосновывается и принципъ свободы. Эти двѣ задачи по существу своему нераздѣльны, потому что, колебля принципъ авторитета, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ принципъ свободы.

## I.

### Оцѣнка принципа авторитета съ этической точки зрењія.

На чёмъ можно было бы обосновать необходимость существованія авторитета, или, другими словами, необходимость подчиненія индивидуальной воли и индивидуального мышленія той или другой виѣшней посторонней волѣ, бу-

деть ли это воля единичного существа или это будеть предполагаемая нами воля большого коллективнаго цѣлаго, называемаго обществомъ? Откуда, другими словами, можно было бы вывести нравственную необходимость подчиненія тѣмъ или другимъ авторитетамъ? Что авторитетъ во многихъ случаяхъ существуетъ какъ естественная необходимость, этого мы не можемъ отрицать, но можетъ ли онъ быть оправданъ нравственно? Единичный человѣкъ иногда бываетъ принужденъ подчиниться силѣ, но просто потому, что она — сила, что онъ, какъ слабѣйшій, не можетъ противостоять сильнѣйшему. Но когда заходить рѣчь объ авторитетахъ, то, очевидно, здѣсь вопросъ стоитъ иначе. Здѣсь рѣчь идетъ не о простомъ насильственномъ подчиненіи грубой физической силѣ, но о добровольномъ подчиненіи, которое налагается на насъ какъ нравственная необходимость, которая оправдывается и санкционируется нашимъ сознаніемъ. Итакъ, существуетъ ли такая форма подчиненія одной воли другой, которая могла бы быть оправдана и санкционирована нашимъ сознаніемъ, или, быть можетъ, всякое подчиненіе одной воли другой, какъ бы эта послѣдняя воля ни называлась, хотя бы это была воля всего общества и цѣлаго человѣчества, должно быть безусловно нами осуждено съ нравственной точки зрѣнія? Постараемся изслѣдовывать объективно и беспристрастно этотъ вопросъ.

Обыкновенно, въ качествѣ высшаго аргумента, обуславливающаго необходимость подчиненія тѣмъ или другимъ авторитетамъ, приводятъ общее благо. Если бы личность не подчинялась въ томъ или другомъ случаѣ авторитетамъ, то это нанесло бы ущербъ, какъ говорять, общему благу. Но можетъ ли общее благо быть въ данномъ случаѣ вышею инстанціей, если только оно не является свободною сознательною цѣлью отдѣльной личности? Если общее благо есть свободная и сознательная цѣль моихъ дѣйствій, то, дѣлая то, чего требуетъ общее благо, я дѣлаю то, что я хочу самъ, я повинуюсь своей волѣ, и, такимъ образомъ, тѣ требованія, которыя выставляются во имя общаго блага, утрачиваютъ свое авторитетное значеніе, какъ таковыя. Если же общее благо не есть сознательная и свободная цѣль моихъ дѣй-

ствій, то, дѣлая то или другое ради общаго блага, я дѣлаю это, просто повинуясь силѣ, которая больше меня и которая можетъ сломить меня, если бы я отказалъ ей въ повиновеніи. Но въ такомъ подчиненіи силѣ просто потому, что она—сила, нѣтъ ничего нравственнаго. Подчиненіе силѣ, какъ таковой, съ нравственной точки зрењія, не можетъ быть оправдано. И потому подчиненіе единичнаго лица цѣлому обществу просто потому, что цѣлое общество сильнѣе единичной личности, не заключаетъ въ себѣ ничего нравственнаго. Всегда и вездѣ нравственность заключалась, заключается и будетъ заключаться въ исполненіи своей высшей воли, но отнюдь не въ подчиненіи ея какой бы то ни было другой чужой волѣ, хотя бы это была воля всего человѣчества. Это не значитъ, что личность должна противопоставлять себя всему человѣчеству; это значитъ только, что исполненіе ею воли всего человѣчества только въ томъ случаѣ будетъ нравственно, если воля человѣчества будетъ и ея высшей волей, если она сольется съ человѣчествомъ настолько, что будетъ свободно и сознательно хотѣть того, чего требуетъ благо всего человѣчества.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ссылка на общее благо не можетъ служить, съ нравственной точки зрењія, аргументомъ, говорящимъ въ защиту того или другого авторитета. Можетъ однако казаться, что изъ всей необъятной области авторитетовъ существуетъ одинъ, который все же, тѣмъ не менѣе, можетъ быть оправданъ съ нравственной точки зрењія, а именно авторитетъ знанія, какъ таковой. Мы должны поэтому отвѣтить на слѣдующій вопросъ: долженъ ли менѣе знающій подчиняться болѣе знающему и не должны ли вслѣдствіе этого мы признавать законной ту форму общественной жизни, когда болѣе умные люди являются властителями остального человѣчества? Если мы признаемъ авторитетъ знанія, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ и законность власти взрослого поколѣнія надъ молодымъ поколѣніемъ, и такимъ образомъ, всѣ идеи объ „освобожденіи ребенка“ являются не болѣе какъ эфемерною иллюзіей. Разберемъ этотъ вопросъ пообстоятельнѣе, какъ того требуетъ его важность.

Если я ставлю себѣ какую-нибудь цѣль, но не знаю

средствъ къ ея достиженію, то, конечно, я обращаюсь къ тому, относительно кого я предполагаю, что онъ знаетъ эти средства, т.-е. обращаюсь къ человѣку, обладающему большими, сравнительно со мною, знаніями въ отношеніи способовъ достиженія цѣли. И если время не терпитъ, то, очевидно, я принимаю на вѣру то, что говорить мнѣ этотъ человѣкъ, и примѣняю это сейчасъ же непосредственно къ дѣлу. Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность ясно оцѣнить, къ чему собственно сводится авторитетъ знанія, какъ таковой. Тотъ, кто обладаетъ большими знаніями, далъ мнѣ, не знающему, указаніе на болѣе цѣлесообразныя средства для достиженія поставленной цѣли, но цѣль-то поставлена мною, а не имъ, и никакое знаніе, какъ бы обширно оно ни было, не даетъ ему право предписывать мнѣ тѣ цѣли, которыхъ я долженъ себѣ ставить. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, пользуясь знаніями другого человѣка, въ концѣ концовъ, я все-таки повинуюсь себѣ, а не ему. Болѣе знающій человѣкъ имѣть для меня значеніе энциклопедического словаря или хранителя самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Я свободно беру тѣ свѣдѣнія, которыхъ мнѣ необходимы, и утилизирую ихъ для осуществленія поставленной мною цѣли. Я подчиняюсь самому себѣ и пользуюсь знаніями другого свободно, какъ средствомъ, для достиженія своей цѣли. Такимъ образомъ, не существуетъ права для болѣе знающихъ ставить человѣчеству цѣли, не существуетъ права для болѣе знающихъ властствовать и распоряжаться надъ остальнымъ человѣчествомъ. Человѣчество или, вѣрнѣе, каждый отдельный членъ его, какого бы возраста онъ ни былъ, имѣть полное и неоспоримое право свободно ставить цѣли, если только эта свободная постановка цѣлей не является отрицаніемъ возможности для другихъ также свободно и независимо ставить цѣли.

Для большаго уясненія разбираемаго нами вопроса намъ могутъ помочь еще слѣдующія соображенія. Знаніе есть средство и оно является орудіемъ въ рукахъ воли. Подобно тому какъ люди пользуются усовершенствованными орудіями труда и различными сложными машинами для производства тѣхъ или другихъ матеріальныхъ предметовъ, подобно этому

они для достижения своихъ цѣлей пользуются и знаніями, гдѣ бы они ни хранились, въ книгѣ ли на полкахъ какой-нибудь библіотеки или въ головѣ какого-нибудь человѣка, называемаго нами спеціалистомъ. И какъ никто не говоритъ объ авторитетѣ машинъ и о правѣ машинъ властствовать надъ человѣкомъ, такъ точно нелѣпо говорить и объ авторитетѣ знанія и о правѣ спеціалистовъ господствовать надъ человѣчествомъ. Какъ машины и орудія труда должны занимать служебное положеніе по отношенію къ человѣку, ихъ истинному властителю, такъ и спеціалисты въ жизни человѣчества, какъ таковые, должны играть подчиненную роль: они должны быть не властителями человѣчества, но равноправными членами его, наравнѣ съ другими. По сравненію съ другими имъ не принадлежитъ никакихъ особыхъ полномочій на власть или владычество надъ остальными людьми. Изъ понятія знанія, какъ такового, нельзя вывести необходимости подчиненія волѣ знающаго человѣка. О подчиненіи волѣ знающаго человѣка можно говорить только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорять о подчиненіи машинъ, когда человѣкъ пользуется ею для достижения тѣхъ или другихъ цѣлей. Механизмъ машины налагаетъ необходимость известныхъ дѣйствій для тѣхъ, кто пользуется ею, но это есть необходимость, добровольно принятая тѣми, кто употребляетъ эту машину для достижения своихъ цѣлей. Подобно этому человѣчество пользуется и тѣми знаніями, которыми располагаютъ спеціалисты, но отсюда еще далеко до того, чтобы изъ этого создавать для спеціалистовъ какія-либо особыхъ права и преимущества по сравненію съ другими, чтобы на этомъ основывать авторитетъ знанія, какъ таковой вообще, и авторитетъ спеціалистовъ въ частности, ихъ право распоряжаться и командовать въ общественной жизни.

## II.

### **Оцѣнка принципа авторитета съ философской точки зрењія.**

Въ вопросѣ объ авторитетѣ надо различать два вида авторитетовъ — авторитетъ личный и авторитетъ безличный. Авторитетъ вождя партіи, авторитетъ отца, учителя и т. д.—

все это различные виды личного авторитета. Что всякий личный авторитетъ, какъ таковой, самъ по себѣ есть нѣчто незаконное, явствуетъ изъ того, что всякое притязаніе на личный авторитетъ, если только оно не опирается на грубую физическую силу, пробуетъ подкрѣпить себя какими-нибудь доводами, т.-е. другими словами, личный авторитетъ пробуетъ опереться на авторитетъ безличный, онъ пытается найти себѣ точку опоры въ мірѣ идей, онъ ссылается на тѣ или другія идеи, на абсолютную непреложность, обязательность и истинность тѣхъ идей, изъ которыхъ онъ выводить необходимость своего существованія. Мы не будемъ говорить объ авторитетѣ, покоящемся на грубой физической силѣ, дѣйствующемъ на души людей страхомъ и угрозой наказанія, — что этотъ авторитетъ грубой физической силы незаконенъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы можемъ колебаться относительно только тѣхъ формъ личного авторитета, которые пытаются оправдать себя какими-либо формами авторитета безличного. Возможно ли такое оправданіе и существуютъ ли такія незыблемыя формы авторитета безличного, на которыхъ, какъ на твердый фундаментъ, могъ бы опереться въ томъ или другомъ случаѣ авторитетъ личный?

Оправданіе это было бы мыслимо только въ томъ случаѣ, если бы на ту или другую идею, на которой мы основываемъ авторитетъ,—конечно, предполагая при этомъ, что мы выводимъ его изъ этой идеи логически правильно,—мы могли смотрѣть какъ на абсолютную истину, какъ на истину обязательную для всѣхъ, которую каждый, хочетъ онъ или не хочетъ, долженъ принять, какъ таковую. Мы не будемъ пока разматривать, существуютъ ли такія абсолютныя истини, изъ которыхъ можно было бы вывести необходимость той или другой формы личного авторитета въ томъ или другомъ случаѣ, но мы должны задать себѣ прежде всего болѣе общій вопросъ — существуютъ ли вообще абсолютныя истини. Если абсолютныхъ истинъ вообще не существуетъ, если всякая истина относительна, то тѣмъ самымъ, очевидно, должна быть признана безнадежной и несостоятельной всякая попытка свести личный авторитетъ на безличный. Эта попытка будетъ представлять только болѣе или

мене ловкій обманъ (быть можетъ, не умышленный и безсознательный), такъ какъ нельзя обосновать то, что не можетъ быть обосновано, и нельзя обосновать на такомъ фундаментѣ, который самъ зыблется и колеблется. Но можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что абсолютной истины вообще не существуетъ, что всякая истина относительна?

Истиной для каждого индивидуального человѣка является только то, что онъ признаетъ за истину. Истина для меня то, что гармонируетъ со всею совокупностью имѣющихъ у меня представлений и понятій, что не противорѣчить этой совокупности. Гармонія той или другой идеи, того или другого понятія, той или другой мысли со всѣмъ тѣмъ наличнымъ запасомъ идей, понятій, мыслей, которыми я располагаю, опредѣляютъ для меня ихъ истинность. Слѣдовательно, не кто иной, какъ я, я самъ, дѣлаю то или другое истиной, и ничто вѣнчнее не можетъ сообщить истинности тѣмъ идеямъ, которыхъ я считаю истинными. Въ этомъ смыслѣ не можетъ существовать обще обязателной истины, которую я, хочу или не хочу, долженъ принять, хотя это нисколько не исключаетъ того обстоятельства, что то, что я признаю истиной, можетъ совпадать съ тѣмъ, что признаетъ истиной великое множество другихъ людей. Это совпаденіе, вытекающее изъ общности и нѣкоторой одинаковости духовнаго богатства моего и другихъ людей, не должно затушевывать передъ нами того факта, что всякая истина индивидуально обусловлена, что всякая истина становится истиной только въ силу свободнаго согласія индивидуальной личности на признаніе ея таковой. А если всякая истина, будетъ ли это истина научная, этическая или религіозная, индивидуально обусловлена, то отсюда уже самымъ очевиднымъ образомъ слѣдуетъ, что всякая истина имѣеть относительный характеръ и не можетъ претендовать на абсолютное значеніе, и это въ особенности примѣнимо къ истинамъ, имѣющимъ отношеніе къ нашей жизни и дѣятельности, къ истинамъ этическаго и религіознаго характера, къ истинамъ, касающимся смысла человѣческой и міровой жизни. Эти истины въ еще большей степени, чѣмъ истины научные, индивидуально обусловлены.

Въ области этической и религіозной абсолютная истина являлась тою цѣлью, которую хотѣли наложить на человѣческое мышленіе. Человѣческой мысли какъ бы говорили: „стой, остановись, здѣсь дальше итти некуда, здѣсь—святыня, созерцай ее, упивайся ею, но не осмѣливайся къ ней прикасаться, берегись ее изслѣдовать, это было бы съ твоей стороны святотатствомъ!“ Но смѣлая и дерзкая мысль человѣка не соглашалась остановиться передъ тѣми рогатками, которыя передъ ней воздвигали,—она прикасалась къ святынѣ, она ощупывала ее со всѣхъ сторонъ, она ее изслѣдовала и многократно убѣждалась, что то, что считалось людьми святыней, было не болѣе какъ блестки и мишура. Ссылаясь на абсолютныя истины и признавать абсолютныя истины это значитъ, въ сущности, ставить преграды для человѣческой мысли, это значитъ запрещать ей двигаться впередъ. Развитіе мысли безпрѣдельно, и не будемъ тормозить это развитіе вѣрой въ абсолютное!

Но если и въ безличной области идеи нѣть ничего незыблемаго, если и идеи текутъ, движутся, измѣняются, если однѣ „абсолютныя идеи“ уступаютъ свое мѣсто другимъ, однѣ святыни смѣняются другими, если истина относительна, то еще болѣе зыбкимъ, колеблющимся и относительнымъ мы должны признать всякий личный авторитетъ. Онъ еще менѣе можетъ претендовать на долговѣчность, на абсолютное значеніе, онъ имѣеть еще менѣе священный характеръ. И если человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы въ области мысли, въ сферѣ идей освобождаться отъ всякаго ига авторитетовъ, отъ всякаго владычества абсолютныхъ истинъ, должно стремиться къ утвержденію царства—въ настоящемъ смыслѣ этого слова—свободной мысли, т.-е. мысли, освободившейся отъ гнета „абсолютнаго“, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно стремиться и къ тому, чтобы какъ можно скорѣе покончить со всѣми формами и видами личнаго авторитета: они еще менѣе законны, еще менѣе дозволены, чѣмъ авторитетъ безличной абсолютной истины, на которую они, ища своего оправданія, въ концѣ концовъ принуждены бывають опереться. И когда мысль человѣка дѣйствительно станетъ свободной, то всѣ формы

авторитета, какія бы славныя имена онъ ни носили, исчезнутъ, какъ исчезаютъ призраки ночи передъ сіяніемъ озареннаго солнцемъ дня.

Мы все еще всецѣло находимся подъ властью „абсолютнаго“. Оно сковало, стѣснило насъ со всѣхъ сторонъ. Оно не даетъ намъ свободно дышать, свободно думать. Оно, какъ твердый, тяжелый камень, стало на дорогѣ человѣчества, на пути его къ высшимъ формамъ существованія и жизни. Оно, какъ желѣзная стопудовая гиря, повисло на нашихъ ногахъ, и мы еле передвигаемъ ихъ, и въ то время какъ мы могли бы пройти сотни верстъ, мы проходимъ только одну миллионную этого. Мы єдва ли въ состояніи представить себѣ, какими быстрыми шагами станетъ двигаться человѣчество на пути прогресса, когда его перестанетъ давить этотъ тяжелый гнетъ „абсолютнаго“, когда кончится царство такъ называемой абсолютной истины и наступитъ время свободнаго исканія и свободной мысли!

Мы думаемъ, что если мы свергнемъ тѣхъ владыкъ, которые проявляютъ свою власть и силу въ сферѣ политической и экономической жизни, то мы этимъ самымъ освободимъ человѣчество. А между тѣмъ мы не замѣчаемъ другихъ владыкъ, которые тоже господствуютъ надъ нами, и мы терпимъ это господство и намъ не приходить даже и мысли возмутиться противъ него. Мы думаемъ, что достаточно только уничтожить политическое и экономическое рабство, и наступить царство свободнаго человѣка. И мы глубоко заблуждаемся. Если даже исчезнутъ политическіе и денежные властители, то останутся еще все же властители въ области духа, и человѣчество, если оно дѣйствительно жаждеть свободы, должно будетъ покончить и съ этою самою глубокою и самою ужасною формою рабства, которая является, по всей вѣроятности, въ конечномъ счетѣ, источникомъ всѣхъ другихъ формъ его. Вотъ почему дѣло духовнаго освобожденія не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ, оно должно начаться уже теперь.

Мы ужасаемся тому, что въ политическомъ мірѣ все еще существуетъ абсолютизмъ. А что же такое представляеть намъ міръ духовный? Развѣ мы не видимъ, какъ люди са-

жаютъ на тронъ мысли какого-нибудь Маркса, Ницше, Толстого?! Я уважаю каждого изъ этихъ писателей, я глубоко цѣню ихъ заслуги передъ человѣчествомъ, но не будемъ же дѣлать изъ нихъ царей и властителей! Царь-Марксъ, царь-Ницше, царь-Толстой—вѣдь это что-то ужасное, вѣдь это говорить о косности человѣческой мысли, вѣдь это говорить объ оковахъ, надѣтыхъ на свободную человѣческую мысль, вѣдь это говорить объ упадкѣ духа исканія, вѣдь это знаменуетъ рабское состояніе приниженнной человѣческой личности! Я въ глубинѣ души увѣренъ, что ни Марксъ, ни Ницше, ни Толстой не желали трона и не являлись претендентами на него, и только, окруженные рабами, они невольно оказались въ положеніи владыкъ. Во имя уваженія къ свободной человѣческой личности будемъ бороться противъ этой ужасной формы рабства. Кто ты? спрашиваютъ обыкновенно отдѣльного человѣка. Ты марксистъ? ты ницшеанецъ? ты толстовецъ?.. И каждого спѣшить и каждый самъ себя спѣшить зачислить въ подданство къ тому или другому царю мысли. Но къ чему это подданство? зачѣмъ быть марксистомъ, ницшеанцемъ, толстовцемъ, будьте сами собой, будьте свободною личностью, которая не укладывается ни въ рамки марксизма, ни въ рамки ницшеанства, ни въ рамки толстовства, будьте шире и глубже этихъ рамокъ; будьте такъ же широки и глубоки, какъ широки и глубоки Марксъ, Ницше и Толстой, какъ отдѣльные свободныя личности, неутомимо ищущія правды и истины! Въ области мысли нѣтъ царей и нѣтъ подданныхъ: каждый долженъ быть свободною самодержавною личностью въ духовномъ отношеніи.

Когда провозглашается абсолютная истина, чувствуете ли вы, какія цѣни надѣваются на свободную мысль человѣка? Подъ видомъ абсолютной истины обыкновенно кто-нибудь хочетъ утвердить или свое господство или господство тѣхъ владыкъ, въ подданствѣ у которыхъ онъ состоитъ, т.-е., другими словами, хочетъ достигнуть или подчиненія другихъ людей своей волѣ или подчиненія ихъ волѣ тѣхъ, подъ властью которыхъ находится его собственная воля. Всѣ эти обладатели абсолютной истины—страшные властолюбцы!

Ихъ надо бояться, какъ огня! Они употреблять всѣ усилия, чтобы согнуть васъ подъ свое ярмо. И нѣть тяжелѣе ярма, какъ ярмо абсолютной истины. Кто сгибается подъ ярмомъ абсолютной истины, тотъ утратилъ самого себя, тотъ не принадлежитъ самому себѣ, тотъ — жалкій рабъ, мысль его не парить, а пресмыкается, она робко ползетъ по проложеннымъ дорогамъ, а не прокладываетъ новые пути, она смиренно свернула свои крылья, а не мощно расправила ихъ, чтобы свободно, стремительно и безстрашно подняться въ высъ, въ бездонное голубое поле неисчерпаемой истины. Кто сгибается подъ ярмомъ абсолютной истины, тотъ зашелъ въ туникъ и не знаетъ, какъ изъ него выбраться. Одно есть средство — это свергнуть ярмо и отринуть абсолютную истину, и тогда слѣпой разумъ сдѣлается зрячимъ и увидеть многое такое, что раньше ускользало отъ его взора.

Я сказалъ выше, что абсолютная истина есть замаскированная форма, въ какой выражается жажда власти, или „воля къ власти“, употребляя выраженіе Ницше. Въ самомъ дѣлѣ, обладатель абсолютной истины, требующій ея всеобщаго признанія во имя ея абсолютности, тѣмъ самымъ какъ бы требуетъ, чтобы мысль всѣхъ подчинилась его мысли и, поскольку мысль связана съ практическимъ дѣломъ, чтобы воля всѣхъ подчинилась его волѣ. Онъ ищетъ утвердить царство власти. Но намъ не нужно царство власти, намъ нужно царство свободы. Называется ли это царство власти „христіанствомъ“ или „сверхъ-человѣчествомъ“, не все ли равно!.. Не къ царству власти должны мы звать людей, а къ царству свободы, и, чтобыскорѣе это царство свободы было достигнуто, мы должны употреблять всѣ свои усилия, чтобы подорвать въ человѣчествѣ вѣру въ абсолютную истину, чтобы снять съ нея маску и явно для всѣхъ обнаружить ту скрытую жажду власти или жажду подчиненія, которая лежитъ въ ея основѣ.

Если понятіе абсолютнаго и можетъ быть сохранено, то только въ одномъ своемъ значеніи. Абсолютная истина обыкновенно понимается какъ нѣчто достигнутое, и въ этомъ смыслѣ это есть понятіе безусловно вредное. Такому понятію

абсолютной истины мы противополагаемъ понятіе абсолютнаго, какъ вѣчнаго исканія, какъ безпредѣльнаго расширенія и углубленія добытой нами истины. Всякая достигнутая истина въ этомъ смыслѣ есть истина относительная, ибо она есть истина, способная къ прогрессу, способная къ все большему и большему расширенію и углубленію. Только благодаря этому истина бываетъ живой истиной. Если бы же была мыслима абсолютная истина, какъ нечто достигнутое, то эта истина была бы мертвая истина, такъ какъ она обозначала бы прекращеніе дальнѣйшаго движенія впередъ въ области мысли. Абсолютно только вѣчное исканіе, только вѣчное движеніе впередъ, а все достигнутое относительно, все это только ступени къ чему-либо высшему, все это въ водоворотѣ жизни должно быть преодолѣно, если только жизнь должна оставаться жизнью, а не обратиться въ свою противоположность.

### III.

#### Оцѣнка принципа авторитета съ соціологической точки зрењія.

Мы рассматривали до сихъ поръ вопросъ о роли и значеніи авторитета съ этической и общефилософской точки зрењія. Попробуемъ теперь взглянуть на дѣло съ соціологической точки зрењія.

Всякій авторитетъ, какъ таковой, есть ограниченіе индивидуальной воли и индивидуальной мысли. Откуда вытекаетъ необходимость такого ограниченія? Что побуждаетъ на немъ настаивать? Человѣкъ, и въ особенности человѣкъ въ первобытномъ состояніи, говорятъ намъ государственники въ родѣ Людвига Штейна, есть существо дикое, и если бы онъ слѣдовалъ всѣмъ своимъ инстинктамъ и импульсамъ, если бы не было никакой сдерживающей силы, то не могла бы существовать, не могла бы возникнуть никакая общественная жизнь. Безъ подчиненія единичнаго человѣка авторитетамъ нельзя достигнуть никакого порядка въ общественной жизни. „Мѣняется только предметъ авторитета, но принципъ авторитета остается“. „Подчиняется ли въ настоящее время единичный человѣкъ цѣлому обществу потому ли, что этого требуетъ

отъ него национальный интересъ или государство, потому ли, что это предписываетъ ему монархъ или церковь,— это безразлично. Главная сущность дѣла остается неизмѣнной: это—то, что онъ вообще подчиняется. Принципъ остается ненарушимымъ; мѣнялись только личности или учрежденія. Авторитеты подвержены колебаніямъ, но не авторитетъ<sup>1)</sup>.

Такъ пишетъ Людвигъ Штейнъ въ своей статьѣ „Авторитетъ, его обоснованіе и его границы“, гдѣ вопросъ объ авторитетѣ поставленъ очень остро и выпукло, гдѣ мы находимъ такой панегирикъ авторитету и гдѣ, кажется, собраны всѣ доводы, чтобы доказать его неизбѣжность и необходимость. „Авторитетъ,—говорить Штейнъ,—есть все то, что повелѣваетъ или совѣтуетъ единичному человѣку тѣ или другія формы обнаруженія для его мышленія, для его чувствованія, для его дѣятельности; все то, что имѣеть за себя долговѣчность, планъ, связь, систему и постоянство въ противоположность мимолетному, случайному, внезапному, произвольному и измѣнчивому въ расположениіи и настроеніи единичнаго человѣка; все то, наконецъ, что, благодаря подчиненію своего сужденія сужденію другого, создаетъ сдерживающіе мотивы для подавленія себялюбивыхъ аффектовъ“. Авторитетъ, слѣдовательно, есть, по мнѣнію Штейна, упорядочивающій принципъ въ общественномъ организмѣ, явленіе, параллельное законамъ въ механизмѣ природы. Авторитетъ есть родовое, постоянное во взаимодѣйствіи людей, анархія—единичное, переходящее и случайное. Тираны и деспоты прошлаго времени были, по мнѣнію Штейна, необходимы и имѣютъ сравнительно высокое культурно-историческое значеніе. Они являются великими обуздателями человѣческаго рода. Они основывали свой авторитетъ принужденіемъ и силой, огнемъ и кровью, но для того, чтобы человѣкъ научился, что онъ въ совмѣстной жизни не можетъ слѣдовать каждому своему мгновенному желанію, ему должно было быть планомѣрно привито уваженіе передъ высшею волей, которой его воля должна подчиняться при всѣхъ обстоятельствахъ, и привито прежде всего путемъ ужаса и страха. Только авторитеты

1) L. Stein. Der Sinn des Daseins, стр. 255.

сдѣлали человѣка впервые человѣкомъ, только они доставили дикой человѣческой природѣ смыслъ къ порядку, ритму и гармоніи. Какъ высшую формулу для обоснованія всякаго авторитета, Штейнъ выставляетъ слѣдующее положеніе: „безъ авторитета не мыслима никакая культура“. „Анархія антисоціальна,—говорить онъ,—авторитетъ соціаленъ; тамъ звѣрь, здѣсь человѣкъ; тамъ варварство, здѣсь цивилизація; тамъ война, здѣсь миръ; тамъ хаосъ, здѣсь космосъ; тамъ общественная смерть, здѣсь соціальная жизнь“<sup>1)</sup>.

Остановимся,—итти дальше въ хвалебномъ гимнѣ авторитетамъ некуда. Конечно, трудно рѣшить вопросъ, могла ли исторія человѣчества итти инымъ путемъ, чѣмъ какимъ она шла въ дѣйствительности. Человѣчество прошло черезъ суровую школу авторитета, который вначалѣ даже, прежде чѣмъ принять ту утонченную форму, которую онъ имѣеть во многихъ случаяхъ въ настоящее время, былъ напоенъ и обагренъ кровью, и благодаря этому оно якобы наслаждается современными благодѣяніями культуры и цивилизациіи. Но, быть можетъ, можно было бы представить себѣ и иной путь и, быть можетъ, мы наслаждаемся тѣмъ, что является наиболѣе цѣннымъ въ современной культурѣ, не благодаря авторитетамъ, а вопреки имъ; быть можетъ, они даже задерживали движение человѣчества къ такому состоянію, при которомъ бы оно могло въ наибольшей возможной степени наслаждаться и пользоваться благами истинной, настоящей культуры. Если это такъ, если дѣйствительно хотя бы въ мысли можно себѣ представить и иной путь, какимъ человѣчество могло бы перейти отъ дикаго состоянія къ культурѣ, то тѣмъ самыемъ всѣ блестящіе доводы Штейна въ защиту авторитетовъ лишаются вполнѣ своей убѣдительности. Они и дѣйствительно лишаются своей убѣдительности, если мы отдадимъ себѣ отчетъ, какой культуры, благодаря авторитетамъ, достигло человѣчество и какова цѣна этой культуры, если мы отдадимъ себѣ отчетъ, насколько эта современная культура далека отъ истинной, настоящей культуры.

---

1) L. Stein. Der Sinn des Daseins, стр. 262.

Человѣчество еще не знаетъ истинной, настоящей культуры; оно знаетъ только культуру виѣшне дрессированного человѣка; его культура касается больше материальныхъ формъ существованія и имѣеть виѣшній, показной характеръ, но оно не знаетъ еще совершенно культуры духовно освобожденного отъ цѣпей невидимаго рабства человѣка, свободно и творчески созидающаго все новыя и все высшія формы существованія и жизни. И на пути къ расцвѣту этой истинно-человѣческой культуры стоять всякаго рода авторитеты. Пока иго авторитетовъ не будетъ сломлено, пока не наступить царство великаго освобожденія индивидуального человѣка отъ подчиненія всякому виѣшнему закону, царство человѣка, избавившагося отъ всѣхъ цѣпей видимыхъ и невидимыхъ,—до тѣхъ поръ не придетъ и время этой истинно-человѣческой культуры. Пока мы не освободимся отъ того тяжелаго груза, которымъ насъ давить и подавлять авторитетъ съ самаго начала человѣческой исторіи, до тѣхъ поръ мы не выйдемъ изъ формъ культуры дрессированного, механизированного человѣка, человѣка, обращеннаго въ автомата, въ марionетку, до тѣхъ поръ культурная жизнь людей будетъ во многомъ напоминать кукольный театръ, которымъ управляетъ таинственная невидимая рука, какія бы утонченныя и изысканныя формы эта жизнь ни принимала.

Какъ мы видимъ, для Штейна авторитетъ представляетъ положительный принципъ, которому какъ нѣчто отрицательное, противополагается организація общественной жизни съ отсутствиемъ всякаго авторитета. Но въ дѣйствительности имѣеть мѣсто какъ разъ обратное отношеніе: отрицательнымъ принципомъ является гораздо скорѣе авторитетъ. Организація общественной жизни, въ которой устраненъ надъ индивидуальной личностью всякий гнетъ авторитета, обозначаетъ полноту проявленія воли каждой человѣческой личности, живущей въ обществѣ: каждая индивидуальная воля терпитъ здѣсь наименѣшія ограниченія и достигаетъ своего максимального обнаруженія въ творческой работѣ, служащей ея естественнымъ, реальнымъ, объективнымъ выраженіемъ. Между тѣмъ какъ авторитетъ обозначаетъ ограниченіе полноты

проявленія воли однихъ людей ради того, чтобы могла наибольшее полнымъ образомъ проявиться воля другихъ. Авторитетъ если и можетъ быть оправданъ, то только какъ путь къ достиженню указанной нами идеальной организаціи общественной жизни. Полнота проявленія воли нѣкоторыхъ можетъ быть только этапомъ на пути къ достиженню такого состоянія, когда будетъ возможна полнота проявленія воли каждого, какого бы возраста онъ ни былъ, какое бы положеніе ни занималъ, какими бы способностями ни отличался, или, другими словами, полнота проявленія воли всѣхъ. Эта организація общественной жизни, какъ высшій общественный идеаль, какъ полнота и наибольшій подъемъ этой послѣдней, есть нѣчто само по себѣ желательное, тогда какъ каждый авторитетъ можетъ быть оправданъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ способенъ вести насъ къ этому состоянію. Всякій же авторитетъ, который отдаляетъ насъ отъ возможности достиженнія такого состоянія, долженъ быть признанъ незаконнымъ.

Обыкновенно авторитетъ считается тѣмъ, при помощи чего устанавливается порядокъ, тогда какъ общественная организація, въ которой отсутствуетъ авторитетъ, служить синонимомъ безпорядка. Какое жалкое смѣшеніе понятій! Понятіе порядка вовсе не покрываетъ понятіемъ авторитета. Есть два вида порядка: одинъ порядокъ основывается на силѣ и авторитетѣ, другой—на свободѣ. До сихъ поръ порядокъ въ большинствѣ случаевъ устанавливался при посредствѣ авторитета, но изъ этого не слѣдуетъ, что такъ будетъ и впредь, въ будущемъ. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ человѣчество все больше и больше будетъ переходить отъ порядка, основанного на силѣ и авторитетѣ, къ порядку, основанному на свободѣ. И этотъ порядокъ, основанный на свободѣ, таящій въ себѣ величайшую гармонію человѣчества, является наивысшимъ общественнымъ идеаломъ, до котораго только можетъ подняться человѣкъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе вопроса о роли и значеніи авторитета съ соціологической точки зренія невольно насъ приводить къ вопросу о тѣхъ формахъ, которыя можетъ принять взаимодѣйствіе одного человѣка съ другимъ.

Мы должны спросить себя и постараться отвѣтить на слѣдующіе вопросы: неужели всякое взаимодѣйствіе человѣка съ человѣкомъ, всякая форма общественной жизни основывается на насилии и принужденіи, на подчиненіи одной воли другой? Неужели безъ власти и подчиненія власти нельзя себѣ представить никакого общества? И если мы будемъ объективны и беспристрастны, если мы будемъ имѣть въ виду одну только истину, если мы не будемъ заинтересованы въ оправданіи во что бы то ни стало существующаго порядка вещей, то на поставленные вопросы мы вынуждены будемъ отвѣтить слѣдующее. Нѣтъ, скажемъ мы, насилие, принужденіе и власть вовсе не составляютъ существеннаго элемента общественной жизни. Общественная жизнь мыслима безъ этого элемента, и даже именно только при отсутствіи этого элемента могутъ развиться высшія формы общественности, тѣ формы, въ которыхъ общественность является въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всякое же насилие, принужденіе и власть являются ограниченіемъ общественности, являются тормозомъ на пути къ достижению общественной жизнью высшихъ своимъ формъ.

Общественная жизнь возникаетъ изъ отношенія и взаимодѣйствія людей другъ съ другомъ. Какія формы можетъ принять это взаимодѣйствіе? Оно можетъ принять форму подчиненія одной индивидуальной личности другой (представимъ себѣ для простоты, что общество состоитъ изъ двухъ лицъ): одна личность какъ бы отказывается отъ своей воли и является исполнителемъ воли другой личности. Но оно можетъ принять также и форму свободнаго соединенія одной личности съ другой, при чёмъ ни одна изъ личностей не отказывается отъ своей воли, ни одна изъ личностей не подчиняется другой, но они обѣ взаимно помогаютъ другъ другу въ достижениіи каждымъ своей воли.

Гдѣ полнѣе и содержательнѣе общественная жизнь — въ первомъ или во второмъ случаѣ? Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что она полнѣе и содержательнѣе во второмъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ достигаются только тѣ цѣли, которые себѣ ставить одна изъ личностей, другая личность сводится къ нулю, къ роли простого орудія; во второмъ

ромъ же случаѣ достигаются цѣли, которые ставятся и той и другой личностью, ни одна изъ личностей, какъ таковая, не отрицаются, но, напротивъ того, каждая личность признается во всей полнотѣ ея опредѣленій.

Какая форма общественныхъ отношеній прочнѣе? Очевидно, вторая, такъ какъ личность подчиняется только по необходимости, по своей слабости, и если она сдѣлается сильной, то она неизбѣжно откажется отъ подчиненія, и общественная связь разрушится, тогда какъ во второй формѣ этого не можетъ быть: и собственный интересъ личности и полнота ея жизни будутъ требовать продолженія ея связи съ другою личностью, будутъ побуждать ее заботиться объ укрѣплении этой связи.

Для простоты мы говорили здѣсь объ отношеніяхъ между двумя личностями, но суть дѣла нисколько не мѣняется, если вмѣсто двухъ мы представимъ себѣ три, четыре личностей и т. д. до безконечности. Общественные отношенія пріобрѣтаютъ при этомъ только болѣе сложный и разнообразный характеръ, но основной, установленный нами выводъ не колеблется ни въ малѣйшей степени.

Итакъ, свободное соединеніе на равныхъ началахъ, при которомъ воля каждой изъ соединяющихся личностей признается въ наибольшемъ возможномъ размѣрѣ, въ которомъ личность, помогая другимъ личностямъ въ достижениіи ихъ цѣлей, получаетъ съ ихъ стороны помошь и поддержку въ достижениіи своихъ цѣлей, является болѣе высокой формой общественной жизни, чѣмъ подчиненіе одной личности другой или другимъ личностямъ. Только при условіи соединенія на равныхъ началахъ общественная жизнь и общественная связь могутъ достигнуть наибольшей широты и глубины и наибольшаго возможного совершенства. Тамъ, где это зависитъ отъ насъ, мы должны стремиться преодолѣть всѣ тѣ формы общественной жизни, которые основаны на подчиненіи, и должны стремиться замѣнить ихъ формами соединенія людей на равныхъ началахъ. Передъ общественной наукой, передъ учеными, мыслителями и общественными дѣятелями стоитъ поэтому великая задача и теоретического и практического разрѣшенія слѣдующей проблемы: какъ сдѣ-

лать такъ, чтобы всѣ формы общественныхъ отношеній людей другъ къ другу, которыя носятъ характеръ господства и подчиненія, преобразовались возможно скорѣе въ такія формы, которыя складываются по типу ихъ соединенія на равныхъ началахъ. Эта проблема можетъ быть названа проблемой поднятія общественной жизни до ея наибольшей возможной высоты и напряженности. Эта проблема принимаетъ различныя частныя и спеціальныя формы, смотря по характеру и типу тѣхъ отношеній, о которыхъ идетъ дѣло. Проблема освобожденія ребенка есть одна изъ частныхъ формъ упомянутой нами проблемы.

#### IV.

### Нормальныя отношенія дѣтей и воспитателей.

Проблема освобожденія ребенка есть проблема о поднятіи той формы общественныхъ отношеній, которыя существуютъ между ребенкомъ и воспитателями (родители, учителя и т. д.), отъ типа подчиненія до типа соединенія на равныхъ началахъ. Если общественная жизнь развиваетъ максимумъ общественности только при условіи соединенія на равныхъ началахъ, только при условіи сведенія подчиненія одного лица другому къ минимуму или даже полнаго устраненія этого подчиненія, то подобно этому и воспитательное общеніе между воспитателемъ и ребенкомъ развиваетъ максимумъ своего воспитательного значенія только при условіи устраниенія изъ этого общенія элемента принужденія до предѣловъ возможнаго.

Ребенокъ и воспитатель образуютъ маленькое интимное общество, которое тѣмъ совершеннѣе, тѣмъ выше, чѣмъ болѣе по своей формѣ оно приближается къ типу соединенія на равныхъ началахъ. Никто изъ этихъ двухъ элементовъ не долженъ подчиняться другому: ни ребенокъ воспитателю, ни воспитатель ребенку; только при этихъ условіяхъ воля каждого достигнетъ полноты своего проявленія и будетъ терпѣть наименьшее возможное ограниченіе какъ въ сферѣ постановки цѣлей, такъ и въ области ихъ осуществленія.

Ребенокъ и воспитатель—это двѣ равноправныя единицы. Если между ними устанавливается то общественное отношение, которое можетъ быть названо воспитывающимъ общениемъ, то это воспитывающее общеніе отнюдь не должно имѣть своей задачей подчиненіе ребенка волѣ воспитателя. Это подчиненіе ребенка волѣ воспитателя должно компенсироваться равноценнымъ подчиненіемъ воспитателя волѣ ребенка. Но такое уравновѣшеніе или компенсація означаютъ не что иное, какъ то, что элементъ подчиненія долженъ быть совершенно устранинъ изъ того, что мы назвали воспитывающимъ общениемъ. Подчиненіе одного, уравновѣшиваясь равнымъ подчиненіемъ другого, означаетъ только то, что связь между ними приняла форму соединенія на равныхъ началахъ. И такую форму соединенія на равныхъ началахъ должно стремиться принять всякое воспитывающее общеніе для того, чтобы развить максимумъ своего значенія.

Обыкновенно такого равенства въ воспитывающемъ общении, какъ его приходится наблюдать въ настоящее время, нѣтъ. Обыкновенно только ребенокъ подчиняется волѣ воспитателя, но воспитатель не подчиняется волѣ ребенка. Обыкновенно воспитываетъ только воспитатель, считающій это воспитаніе своей прерогативой. Но воспитывать долженъ не только воспитатель ребенка, а и ребенокъ воспитателя. И хотя это положеніе и звучитъ парадоксомъ, однако только при послѣдовательномъ и неуклонномъ проведеніи его мы будемъ имѣть истинныхъ воспитателей и воспитаніе будетъ достигать наибольшихъ возможныхъ положительныхъ результатовъ. Теперь же воспитаніе достигаетъ жалкихъ и часто даже вполнѣ отрицательныхъ результатовъ и именно потому, что въ процессѣ воспитанія признается только воля воспитателя и совершенно игнорируется воля ребенка, что воспитываетъ только воспитатель, а ребенокъ лишенъ полной возможности проявить свое воспитательное дѣйствіе на послѣдняго.

Воспитатель, если это истинный воспитатель, если только онъ проникнуть идеей истиннаго воспитанія, которое складывается не по типу подчиненія ребенка волѣ воспитателя, а по типу соединенія ребенка съ воспитателемъ на равныхъ

началахъ, долженъ взять на себя инициативу осуществления такихъ истинныхъ педагогическихъ отношеній, такъ какъ ребенокъ фактически этого сдѣлать не можетъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ менѣе это можетъ сдѣлать, чѣмъ болѣе онъ малъ. И воспитатель долженъ употребить всѣ усилия, чтобы ребенокъ какъ можно скорѣе созналъ или почувствовалъ сущность тѣхъ новыхъ нормальныхъ отношеній, которые установились между нимъ и воспитателемъ. Чѣмъ скорѣе онъ увидитъ и почувствуетъ, что не только его воспитываютъ, но что онъ самъ воспитываетъ своего воспитателя, что послѣдній подъ его вліяніемъ непрерывно перевоспитывается и улучшается, тѣмъ полнѣе и плодотворнѣе будетъ вліяніе воспитателя на ребенка. Чѣмъ скорѣе онъ увидитъ, что воспитатель не стремится его во что бы то ни стало подчинить своей волѣ, что онъ не только не старается противодѣйствовать волѣ ребенка, но что онъ, напротивъ того, признаетъ ее и уважаетъ и оказываетъ ей всяческое содѣйствіе и поддержку, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ слѣдовать тѣмъ разумнымъ и справедливымъ требованіямъ, которыя ему ставить воспитатель и которыя имѣютъ въ виду благо ребенка.

Исполнять волю ребенка, скажете вы, оказывать ей содѣйствіе и поддержку, вѣдь это значитъ поощрять въ немъ развитіе своеволія, вѣдь это значитъ вырабатывать будущаго деспота. Нисколько. Какъ ребенокъ не обязанъ исполнять всякую волю воспитателя, такъ и воспитатель не обязанъ исполнять или помогать исполненію всякой воли ребенка. Если это исполненіе воли ребенка связано съ нарушениемъ правъ другихъ людей, окружающихъ его, или если это можетъ повести къ какимъ-либо послѣдствіямъ, могущимъ вредно отозваться на жизни, здоровье и развитіи самого ребенка, то каждый разумный воспитатель долженъ отказать ребенку въ своемъ содѣйствіи и даже, если понадобится, оказать ему и противодѣйствіе. И это нисколько не роняетъ принципа свободы ребенка, какъ нисколько не роняетъ принципа свободы взрослого человѣка тотъ фактъ, когда мы, видя, какъ кто - нибудь въ припадкѣ раздраженія хочетъ побить кого - нибудь другого, удерживаемъ первого и не даемъ ему это сдѣлать, или если мы больного, лежащаго въ жару въ

постели, не допускаемъ слѣзть на холодный полъ, чтобы не подвергнуть опасности его жизнь.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый истинный воспитатель не только не стремится противодѣйствовать всѣмъ тѣмъ свободнымъ проявленіямъ воли ребенка, которыя не связаны съ нарушеніемъ правъ другихъ людей (взрослыхъ или дѣтей — все равно) и которыя не имѣютъ никакихъ вредныхъ для ребенка, для его здоровья физического и душевнаго и для его развитія послѣдствій, но онъ стремится даже, напротивъ того, вызывать такія самостоятельные свободныя проявленія воли ребенка. Во многихъ случаяхъ приходится бороться съ недостаткомъ проявленія инициативы у ребенка, съ отсутствіемъ у него своихъ желаній, съ его готовностью подчиняться желаніямъ тѣхъ взрослыхъ, которые являются его руководителями. Воспитателей всего болѣе должно бы озабочивать не чрезмѣрная самостоятельность ребенка, не такъ называемое своееволіе его, сколько чрезмѣрное его послушаніе. Ребенокъ, у которого нѣтъ своихъ желаній или который боится ихъ проявить, это — бѣдный и несчастный ребенокъ и онъ заслуживаетъ особыхъ заботъ со стороны воспитателей. Каждую, даже слабую, попытку со стороны такого ребенка проявить самостоятельность, свое „я“, воспитатель долженъ привѣтствовать и поддерживать всѣми силами. Вообще, чѣмъ болѣе ребенокъ склоненъ къ послушанію, тѣмъ болѣе надо будить въ немъ духъ самостоятельности, чтобы изъ него не сформировался окончательно рабъ, чтобы рабство не наложило на него свою неизгладимую печать.

Обыкновенно исключительные случаи, въ которыхъ воспитатель бываетъ вынужденъ оказать противодѣйствіе волѣ ребенка, приводятъ съ торжествомъ, какъ аргументъ, доказывающій будто бы полную несостоятельность принципа свободы въ дѣлѣ воспитанія. А что этихъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ возникаетъ необходимость такого противодѣйствія, бываетъ значительное количество при воспитаніи почти каждого ребенка, этого, конечно, отрицать нельзя. Но что же это доказываетъ? И являются ли эти исключительные случаи какимъ-либо аргументомъ, говорящимъ противъ того, что воспитательные отношенія должны

складываться по типу соединенія воспитателя и воспитанника на равныхъ началахъ и что принципъ свободы долженъ быть руководящимъ принципомъ въ воспитательной дѣятельности? Тѣ, кто пользуется этими случаями, какъ аргументомъ въ защиту насилия, принужденія и необходимости подчиненія воли ребенка волѣ воспитателя, поступаютъ крайне нелогично, такъ какъ эти исключительные случаи не только ничего не говорятъ противъ принципа свободы, но даже, напротивъ того, подтверждаютъ его. Что вообще жизнь часто отклоняется отъ своего нормального типа и что воспитатель нерѣдко бываетъ вынужденъ оказать противодѣйствіе волѣ ребенка и даже вступить съ нею въ борьбу, кто же это будетъ отрицать. Но эти случаи нисколько не служатъ оправданіемъ насилия надъ ребенкомъ и подчиненія его воли волѣ воспитателя. Они только говорятъ о томъ, что между воспитателемъ и ребенкомъ нарушены нормальные отношенія, что вместо свободного соединенія на равныхъ началахъ эти отношенія приняли форму подчиненія слабой воли одного сильной волѣ другого, что вместо свободного сотрудничества наступилъ моментъ борьбы. Но они нисколько не санкционируютъ тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыхъ настутили. Какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ остается непреложной истиной, что если бы въ тѣ исключительные моменты, о которыхъ мы говоримъ, удалось все-таки ослабить элементъ борьбы и слѣпое или вынужденное подчиненіе ребенка волѣ воспитателя замѣнить сознательнымъ и свободнымъ проявленіемъ воли воспитанника, то былъ бы достигнутъ въ воспитательномъ смыслѣ гораздо большій результатъ. И это, конечно, въ значительной степени зависитъ отъ педагогического такта и чутья самого воспитателя.

Но, само собою разумѣется, могутъ быть и такие ненормальные случаи, гдѣ и самый развитой педагогической тактъ и самое тонкое чутье окажутся безсильными что-либо сдѣлать. Но какъ бы ни были многочисленны эти ненормальные случаи, они нисколько не отрицаютъ всего великаго значенія принципа свободы въ дѣлѣ воспитанія, они нисколько не отрицаютъ того, что вся дѣятельность воспитателя должна

регулироваться и направляться этимъ принципомъ. Они ставятъ только передъ воспитателемъ новую задачу, они требуютъ отъ него, чтобы онъ еще глубже проникся принципомъ свободы и еще послѣдовательнѣе и систематичнѣе проводилъ его. Въ наступлениіи такихъ исключительныхъ и ненормальныхъ случаевъ настоящій воспитатель увидить только результатъ недостаточно планомѣрнаго и упорнаго проведенія принципа свободы какъ имъ, такъ и другими лицами, окружающими ребенка, въ дѣлѣ воспитанія послѣдняго. Чѣмъ планомѣрнѣе, послѣдовательнѣе и систематичнѣе будетъ проводиться принципъ свободы, чѣмъ болѣе будетъ приложено усилий къ тому, чтобы отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ приняли форму свободного соединенія на равныхъ началахъ, чѣмъ полнѣе при этомъ произошло свободное сліяніе между ребенкомъ и воспитателемъ, тѣмъ рѣже будутъ наступать тѣ исключительные случаи, которые, повидимому, требуютъ иногда отъ воспитателя, чтобы онъ становился въ противорѣчіе съ принципомъ свободы. Однимъ словомъ, истинный воспитатель будетъ всегда имѣть въ виду возможность наступленія такихъ случаевъ и направить всѣ свои усилия къ тому, чтобы предупредить ихъ дѣйствительное наступленіе. И если нельзя тѣмъ не менѣе избѣжать ихъ совершенно, то онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы свести ихъ къ минимуму, поскольку это будетъ зависѣть отъ его власти.

Въ этомъ отношеніи, чтобы избѣжать необходимости оказывать противодѣйствіе волѣ ребенка, надо какъ можно раньше пробуждать въ немъ сознаніе правъ окружающихъ его людей (дѣтей и взрослыхъ) и сознаніе тѣхъ вредныхъ послѣствій, которыя тѣ или другіе его поступки могутъ имѣть для его жизни, здоровья и развитія. Надо добиваться того, чтобы у ребенка не являлось и желанія совершать такие поступки, которые необходимо требовать противодѣйствія. Надо предупреждать коллизіи между его волею законною волею другихъ и возникновеніе въ немъ такихъ желаній, осуществленіе которыхъ связано съ гибельными для него послѣствіями. Только предупреждая возникновеніе такихъ ненормальныхъ проявленій воли у ребенка, мы избѣ-

жимъ необходимости противодѣйствія его волѣ, избѣжимъ необходимости оказывать на него какое-либо давленіе и насилие, и наша связь съ ребенкомъ сохранить характеръ свободной связи по типу соединенія на равныхъ правахъ съ изгнаніемъ изъ нея всякаго элемента принужденія, всякаго насильственнаго односторонняго подчиненія одной воли другой. Чѣмъ болѣе мы стараемся о предупрежденіи, тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе намъ удастся осуществить принципъ свободы въ дѣлѣ воспитанія. Если намъ приходится употреблять насилие и становиться въ противорѣчіе съ принципомъ свободы, то виною этому въ большинствѣ случаевъ является наша недостаточная предусмотрительность и проницательность. И вотъ, когда мы, благодаря нашей непредусмотрительности, оказываемся въ положеніи, ставящемъ насъ въ необходимость поступать противъ принципа свободы, мы начинаемъ кричать и возставать противъ этого принципа и объявляемъ его полную несостоятельность въ дѣлѣ воспитанія. Нужно ли говорить о томъ, насколько это логично и послѣдовательно и нужно ли доказывать, что все это больше свидѣтельствуетъ о нашей собственной несостоятельности, чѣмъ о несостоятельности принципа свободы. Къ сожалѣнію, такова уже логика у людей, что они привыкли все сваливать съ большой головы на здоровую и что менѣе всего они способны замѣчать свою собственную вину. Если бы въ этомъ отношеніи среди воспитателей было болѣе распространено и имѣло бы болѣе глубокіе корни сознаніе своей отвѣтственности, то, быть можетъ, такие случаи, въ которыхъ приходится употреблять надъ дѣтьми насилие и оказывать противодѣйствіе ихъ волѣ, были бы крайне рѣдкими и совершенно исключительнымъ явленіемъ.

Но тутъ возникаетъ другой вопросъ. Мы могутъ сдѣлать такое возраженіе. Мы могутъ сказать, что въ концѣ концовъ и вся эта предупредительная дѣятельность является не чѣмъ инымъ, какъ только хитро задуманною и тонко проведеною формою насилия надъ душою ребенка, что такимъ образомъ насилие не только не устраняется, но лишь отодвигается къ периоду болѣе ранняго дѣтства и принимаетъ болѣе утонченныя формы. Въ этомъ возраженіи есть

доля истины. Действительно, предупредительная деятельность может оказаться не чѣмъ инымъ, какъ только формою тонкаго насилия, произведенаго на дѣтей въ болѣе раннемъ дѣствѣ. И противъ такой предупредительной деятельности мы должны возставать всѣми силами души. Но мыслима и иная предупредительная деятельность, которая не только не является формою насилия надъ ребенкомъ, но которая, напротивъ того, представляетъ проложеніе для него пути къ освобожденію, облегченіе ему возможности скорѣе стать на этотъ путь, содѣствіе ему въ преодолѣніи тѣхъ препятствій къ освобожденію его воли, которая таятся въ его природѣ и преодолѣть которая, безъ своевременной помощи взрослого ему было бы трудно и теперь и впослѣдствіи. О такого рода предупредительной деятельности мы именно и говоримъ и къ ней-то мы зовемъ воспитателей, какъ бы они ни назывались — родителями или какими-либо иными именами.

Но въ чѣмъ же будетъ заключаться эта предупредительная деятельность? Какой она будетъ носить характеръ и какое будетъ имѣть направленіе? Она будетъ заключаться въ дѣятельномъ содѣствіи ребенку къ скорѣйшему освобожденію своей воли отъ подчиненія аффектамъ, страстямъ, случайнымъ мимолетнымъ влеченіямъ, капризнымъ жѣланіямъ, проходящему настроенію. Научить ребенка, какъ можно раньше, сдерживать свои страсти и аффекты, научить его обуздывать свои случайные и мимолетные влечения ради болѣе постоянныхъ, служащихъ выраженіемъ его существеннаго интереса, научить его не поддаваться тому или другому проходящему настроенію,— развѣ это не значить помочь его молодой развивающейся волѣ стать свободной отъ тѣхъ цѣпей, которыя существуютъ въ нѣдрахъ его души?! Развѣ это не значить помогать его волѣ скорѣе стать на твердыя ноги, чтобы быть въ состояніи господствовать надъ всѣмъ тѣмъ въ области душевной жизни, что имѣеть импульсивный, принудительный характеръ, надъ всѣмъ автоматическими и непроизвольными, надъ всѣмъ, что очень удобно укладывается въ понятіе психического механизма.

Помогать ребенку какъ можно раньше научиться господ-

ствовать надъ механизмомъ психической жизни—значить въ сущности помочь ему въ освобожденіи его воли изъ-подъ власти этого механизма. И это содѣйствіе освобожденію ребенка будетъ лучшимъ предупредительнымъ средствомъ противъ такихъ поступковъ со стороны послѣдняго, которые вынуждали бы насъ прибѣгать по отношенію къ нему къ какимъ-либо насильственнымъ мѣрамъ, такъ какъ все дурное, все ненормальное въ проявленіяхъ воли происходитъ не оттого, что воля дѣйствуетъ свободно, но оттого, что она дѣйствуетъ недостаточно свободно, что она находится или въ подчиненіи и порабощеніи у какой-либо сильной страсти, или подъ властью привычки, или подъ вліяніемъ какого-либо настроенія. Освободите волю изъ-подъ того ярма, въ какомъ она находится, и она неизбѣжно направится къ добру. Только скованная воля, только воля, влачащая на себѣ цѣпи всякаго рода, тяготѣеть къ злу и пороку. И чтобы предупредить зло—нѣть другого средства, какъ содѣйствовать освобожденію воли отъ всякихъ давящихъ ее цѣпей, изъ которыхъ самыя тяжелыя, быть можетъ, именно тѣ, которыя находятся въ самой нашей душѣ. И чѣмъ раньше мы это дѣлаемъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ съ болѣе ранняго дѣтства мы прилагаемъ усилия къ тому, чтобы освободить волю ребенка отъ всякаго рода внутреннихъ цѣпей, опутывающихъ его волю, тѣмъ болѣе рѣшительнымъ и прочнымъ образомъ мы ставимъ ребенка на путь добра и тѣмъ болѣе мы облегчаемъ самимъ себѣ послѣдовательное и широкое примѣненіе въ дѣлѣ воспитанія нашихъ дѣтей принципа свободы, примѣненіе, въ которомъ всякая исключенія сведены къ минимуму. И только идя по этому пути свободы, мы содѣйствуемъ выработкѣ изъ нашихъ дѣтей не безвольныхъ тряпокъ, не игрушекъ судьбы, но сильныхъ и мужественныхъ личностей, могучая творческая воля которыхъ ведетъ къ улучшенію и облагороженію всѣхъ сторонъ человѣческой жизни и человѣческаго существованія.

Какъ можно раньше знакомить дѣтей съ тѣми послѣдствіями, которыя ихъ дѣйствія могутъ имѣть для окружающихъ людей и для нихъ самихъ, для того, чтобы предупредить съ ихъ стороны посягательство на законныя права

другихъ, а также такие поступки, которые могут вредно отразиться на ихъ жизни, здоровье и развитіи, также не значить оказывать надъ ними насилие и вступать въ противорѣчіе съ принципомъ свободы. Мы даемъ ребенку здѣсь только свѣдѣнія о фактахъ, такихъ фактахъ, которыхъ ему не достаетъ и которые, если бы они были въ его распоряженіи, удержали его отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, съ которыми окружающимъ его приходится вступать въ борьбу. Эти факты, съ которыми мы знакомимъ ребенка, оказываютъ давленіе на поведеніе его; они, т. - е. ясное сознаніе ихъ, удерживаютъ его отъ соответствующихъ поступковъ, но не наша воля. И эти факты не сочинены, не выдуманы нами съ заднею мыслью овладѣть волею ребенка и подчинить его себѣ. Они есть, они существуютъ, мы открываемъ только ребенку глаза на нихъ, мы даемъ только ему возможность учесть ихъ значеніе въ своей дѣятельности. И если, учитывая это значеніе, ребенокъ воздерживается отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, то это не значитъ, что онъ воздерживается отъ этихъ дѣйствій, повинуясь намъ. Онъ воздерживается отъ нихъ, повинуясь самому себѣ, повинуясь той болѣе объективной истинѣ, добиться которой мы ему помогли доставленіемъ необходимыхъ для этого фактovъ. И здѣсь, такимъ образомъ, нѣтъ никакой хитро задуманной системы, чтобы овладѣть сознаніемъ ребенка и въ частности его волей и незамѣтнымъ образомъ подчинить послѣднюю нашей волѣ. Наоборотъ, мы дѣлаемъ только волю ребенка болѣе свободной, расширяя его умственный горизонтъ, давая ему возможность окинуть своимъ взоромъ болѣе широкое поле жизни и принять въ расчетъ то, что до сихъ порь ускользало отъ его расчета. Изъ слѣдаго мы дѣлаемъ его зрячимъ, мы снимаемъ повязку съ его глазъ и открываемъ ему новые перспективы. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, и съ этой стороны предупредительная дѣятельность, въ той ея формѣ, какая мною описана выше, отнюдь не является какою-либо формою насилия надъ душою и волею ребенка. Она является только средствомъ избѣжать подобнаго насилия въ будущемъ.

Конечно, послѣдовательное проведеніе принципа свободы въ воспитаніи дѣтей связано съ большими затрудненіями

и не такое легкое дѣло, какъ это могло бы показаться съ первого взгляда. Провести систему свободнаго воспитанія несравненно труднѣе, чѣмъ провести систему воспитанія, основаннаго на насилии, принужденіи и авторитетѣ. Мне приходилось встречаться съ такими лицами, которые понимаютъ „освобожденіе ребенка“ въ такомъ смыслѣ, что ребенку говорятъ: „дѣлай что хочешь, всякое желаніе твое для насъ законъ, и мы будемъ стоять въ сторонѣ на стражѣ, чтобы быть готовыми во всякую минуту ринуться для его исполненія. Ты—нашъ владыка, ты—нашъ повелитель, мы—твои слуги, мы въ полномъ твоемъ распоряженіи, и ты можешь пользоваться нами такъ, какъ ты хочешь, какъ это придетъ тебѣ въ голову!“ Но подобное пониманіе „освобожденія ребенка“ болѣе чѣмъ смѣшно, оно знаменуетъ собою недомысліе. Если я говорю родителямъ и воспитателямъ: „освободите ребенка, откажитесь отъ своей власти надъ нимъ, признаите его себѣ равноцѣннымъ“, то только нежеланіе или неспособность поглубже разобраться въ тѣхъ идеяхъ, которыя связаны съ этими словами, можетъ приправить ихъ слѣдующимъ: „посадите ребенка на тронъ, признаите его своимъ неограниченнымъ господиномъ, пляшите по его дудкѣ“. Дѣйствительно, провести такую систему воспитанія, въ которой воспитатели пляшутъ по дудкѣ ребенка, не составляетъ большого труда, но провести такую систему воспитанія, которая являлась бы въ полномъ смыслѣ этого слова „освобожденіемъ ребенка“, въ которой принципъ свободы былъ бы проведенъ систематически, послѣдовательно и широко,—очень сложное и трудное дѣло. При проведеніи этой послѣдней системы, мы всегда остережемся отъ того, чтобы считать ребенка, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло, за фактически свободнаго ребенка отъ одного того только, что мы отказались отъ своей власти надъ нимъ. Это одно обстоятельство еще не дѣлаетъ ребенка свободнымъ, потому что надъ нимъ продолжаютъ тяготѣть еще всякаго рода цѣпи, и внѣшнія и внутреннія, благодаря которымъ онъ продолжаетъ оставаться несвободнымъ ребенкомъ. Наша задача не въ томъ, чтобы объявить

его свободнымъ ребенкомъ, хотя бы онъ былъ только мнимо свободенъ, а въ томъ, чтобы помочь ему фактически и дѣйствительно стать свободнымъ ребенкомъ, а для этого потребуется съ нашей стороны громадная работа. И надо всегда помнить, что безъ этой работы вся система свободного воспитанія окажется неполной, не последовательно проведенной и не будетъ въ состояніи принести тѣ плоды, которыхъ отъ нея ожидали.

Дѣло „освобожденія ребенка“ надо начинать съ момента его рожденія, потому что чѣмъ съ болѣе поздняго возраста мы начинаемъ это дѣло, тѣмъ болѣе труднымъ оно является, а въ иныхъ случаяхъ, быть можетъ, даже и безнадежнымъ. Если дѣло „освобожденія ребенка“ начинается со школьнаго возраста, то оно не такъ просто, какъ это думаютъ нѣкоторые. На это обстоятельство слѣдовало бы обратить особенное вниманіе лицамъ, берущимъ на себя иниціативу созданія для дѣтей такъ называемаго школьнаго возраста новыхъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій подъ названіемъ „домъ свободного ребенка“, подробно охарактеризованныхъ мною въ книгѣ „Какъ создать свободную школу?“<sup>1)</sup> Почти всѣ дѣти, которыя попадаютъ или могутъ попасть, въ эти учрежденія, это—несвободныя дѣти, потому что всѣмъ имъ пришлось испытать въ своей семье режимъ несвободного воспитанія, и даже, поступая въ „домъ свободного ребенка“, они продолжаютъ быть членами семьи, являющейся „семьемъ несвободного ребенка“. „Домъ свободного ребенка“ только тогда можетъ имѣть полный успѣхъ, когда и семья признаетъ принципъ „освобожденія ребенка“ и напишетъ его на свое знамени. До тѣхъ же поръ значительная часть работы въ немъ неизбѣжно должна будетъ затрачиваться на борьбу съ уничтоженіемъ тѣхъ рабскихъ цѣпей, которыми опутали ребенка въ семье и отягченный уже которыми онъ вступаетъ въ „домъ свободного ребенка“.

<sup>1)</sup> Еще болѣе подробно этотъ типъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій характеризованъ мною въ статьѣ „Идеальная школа будущаго и способы ея осуществленія“ (см. мою книгу „Новые пути воспитанія и образованія дѣтей“).

Вотъ почему тѣ воспитатели, которымъ придется работать въ „домѣ свободнаго ребенка“, должны остерегаться отъ того, чтобы считать дѣтей, посѣщающихъ этотъ домъ, за свободныхъ дѣтей. Надо еще много и долго поработать надъ тѣмъ, чтобы эти дѣти стали дѣйствительно свободными. И если руководители „дома свободнаго ребенка“ будутъ закрывать глаза на этотъ фактъ, они совершать тогда цѣлый рядъ ложныхъ шаговъ и промаховъ въ своей работе надъ осуществленіемъ „дома свободнаго ребенка“. Особенно трудно устроителямъ „дома свободнаго ребенка“ будетъ разобраться въ дѣйствительныхъ интересахъ и потребностяхъ дѣтей. Какъ легко то или другое желаніе, высказываемое ребенкомъ, принять за его подлинное желаніе, а между тѣмъ часто это бываетъ вовсе не его желаніе, а желаніе его родителей, внушенное ему, или желаніе, возникшее въ силу чисто искусственныхъ внешнихъ обстоятельствъ, а не въ силу глубокой потребности ребенка, естественно въ немъ родившейся. И однако же они, если хотятъ быть послѣдовательными, должны въ этомъ разбираться и разбираться очень тщательно, иначе цѣль, которую стремится достигнуть „домъ свободнаго ребенка“, не будетъ достигнута, иначе „домъ свободнаго ребенка“ будетъ дѣйствовать не въ смыслѣ освобожденія дѣтей отъ всякой крѣпостной зависимости въ виду ихъ цѣльного естественного свободнаго всесторонняго и гармонического развитія, а будетъ только сдѣйствовать укрепленію крѣпостной зависимости дѣтей отъ своихъ родителей и отъ окружающей ихъ дома ненормальной и извращенной среды.

Для созданія такого „дома свободнаго ребенка“, который имѣлъ бы дѣйствительный успѣхъ и принесъ бы всѣ тѣ благотворныя послѣдствія, которыя онъ только можетъ принести, необходимы родители, искренно готовые разорвать связь съ своимъ прошлымъ и перестать быть въ своей семейной жизни крѣпостниками. Но такихъ родителей, къ сожалѣнію, очень мало: родители хотятъ освободить своихъ дѣтей изъ-подъ власти учителей, но очень немногіе среди нихъ хотѣли бы освободить ихъ отъ своей власти и сдѣлать своихъ дѣтей въ истинномъ смыслѣ этого слова свободными. Конечно, съ тѣ-

чениемъ времени такихъ родителей будетъ становиться все больше и больше, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе будетъ расчищаться почва для созданія такого „дома свободнаго ребенка“, который могъ бы во всей полнотѣ проявить все свое значеніе, а въ настоящее время приходится довольствоваться только частичными и относительными результатами, такъ какъ значительная часть благодѣтельныхъ послѣдствій „дома свободнаго ребенка“ съ самаго начала будетъ парализоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что сами родители недостаточно проникнуты принципомъ свободы и въ очень слабой степени осуществляютъ его въ своей семейной жизни, что они прилагаютъ очень ничтожныя усиленія или даже совсѣмъ не прилагаютъ ихъ, чтобы ихъ семья стала „семьею свободнаго ребенка“. Но если мало такихъ родителей, которые, отдавая дѣтей въ „домъ свободнаго ребенка“, перестали бы быть крѣпостниками, то еще меньше такихъ, которые послѣдовательно и систематично вели бы своихъ дѣтей въ духѣ свободы съ момента ихъ рожденія.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что, за исключеніемъ только, по всей вѣроятности, крайне рѣдкихъ патологическихъ случаевъ, родители любятъ своихъ дѣтей, и эта любовь, на которую дѣти съ своей стороны отвѣчаютъ любовью, является тѣмъ связующимъ цементомъ, который дѣлаетъ столь прочнымъ и столь глубокимъ интимное общеніе, устанавливающееся между дѣтьми и родителями. Всѣ признаютъ, что родительская любовь это—великая сила въ дѣлѣ воспитанія ребенка, но очень немногіе задаются вопросомъ, такъ ли родители любятъ своихъ дѣтей, какъ ихъ надо любить, и не является ли въ громадномъ большинствѣ случаевъ родительская любовь не средствомъ воспитанія изъ ребенка человѣка въ истинномъ смыслѣ этого слова, а средствомъ, благодаря которому ребенокъ уродуется и „человѣкъ“, таящійся въ немъ, погибаетъ навѣки и безвозвратно. Любовь—это—великое слово, но есть любовь и любовь. Недостаточно только просто любить, надо знать, какъ любить, и потому, когда говорять о любви, надо всегда задавать вопросъ: „какая любовь?“ Такъ и въ отношеніи родительской любви недоста-

точно просто сказать: родители должны культивировать въ себѣ родительскую любовь, они должны стремиться развить ее въ себѣ до наивысшей возможной степени, надо еще указать, какъ родители должны любить своихъ дѣтей, какую любовь къ дѣтямъ они должны выращивать и поддерживать въ своемъ сердцѣ.

Обыкновенно родительская любовь имѣть такой характеръ: родители любятъ въ дѣтяхъ самихъ себя, они видять въ нихъ продолженіе самихъ себя, они бывають безконечно рады, когда ихъ дѣти походяте на нихъ, и они прилагаютъ всѣ усилия къ тому, чтобы дѣти были какъ можно больше похожи на нихъ, чтобы у дѣтей были тѣ же желанія, вкусы, мысли, идеалы, какіе у нихъ... Въ этомъ они видять высшее торжество своей любви. Это—любовь корыстная, и большая часть родителей любятъ своихъ дѣтей этой корыстной любовью. Они только въ большинствѣ случаевъ не сознаютъ корыстнаго характера своей любви и воображаютъ, что ихъ любовь въ дѣйствительности безкорыстна. Но если бы они были беспристрастны и попробовали бы отдать себѣ ясный отчетъ въ своей любви, то они увидѣли бы, какая это безкорыстная любовь, они бы увидѣли, что безкорыстіе здѣсь является не больше какъ только одною видимостью, не больше какъ маскою, къ которой они приглядѣлись и потому ея не замѣчаютъ.

Безкорыстно любить ребенка только тотъ, кто стремится къ освобожденію ребенка не только отъ власти тѣхъ постороннихъ лицъ, съ которыми ребенку приходится сталкиваться, не только отъ власти тѣхъ стихійныхъ силъ, которые находятся внутри самого ребенка, но также и отъ той власти, которая лично ему самому выпала надъ ребенкомъ. Но гдѣ мы слыхали о такой любви? Гдѣ тѣ родители, которые стремились бы къ освобожденію ребенка изъ-подъ своей власти? Почти всѣ родители—страшные властолюбцы, почти всѣ родители смотрятъ на ребенка, какъ на свою собственность, какъ на арену для проявленія своей силы и власти. И они такъ далеки отъ желанія отказываться отъ своей власти, что, напротивъ того, употребляютъ даже обыкновенно всѣ свои усилия для того, чтобы упрочить, укрѣпить эту

власть, чтобы продолжить ее на возможно долгий периодъ дѣтства. И они пользуются для этого всѣми средствами, которыя у нихъ оказываются въ распоряженіи и въ числѣ этихъ средствъ немаловажную роль играетъ сама ихъ любовь. Этюю своею любовью они часто такъ покоряютъ сердце ребенка, что онъ всю свою послѣдующую жизнь остается послушнымъ рабомъ родителей, не пытаясь никогда и ни въ чемъ поступать противъ ихъ воли.

Что любовь родителей въ большинствѣ случаевъ—любовь властолюбивая и есть не что иное, какъ замаскированная жажда власти,—это врядъ ли кто сможетъ отрицать. Они спятъ и видятъ, какъ бы имъ пріобрѣсти побольше власти надъ ребенкомъ, и ихъ любовь подсказываетъ имъ необходимыя для этого средства, она снабжаетъ ихъ цѣлымъ арсеналомъ такихъ орудій, путемъ которыхъ они ухитряются проникнуть въ святая святыхъ ребенка, въ самую сокровенную глубину его душевной жизни и тамъ закрѣпить какъ можно крѣпче узлы тѣхъ нитей, на поводу которыхъ ребенокъ будетъ итти впослѣдствіи. Я не отрицаю интимнаго общенія между родителями и ребенкомъ, я желаю, чтобы оно было какъ можно глубже и какъ можно интимнѣе, я бы хотѣлъ, чтобы родители какъ можно тѣснѣе сливались со своимъ ребенкомъ въ одно гармоническое цѣлое, но я бы хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они сливались съ нимъ не какъ властители, хитростью проникая въ его душу и имѣя въ виду покорить ее, но какъ освободители ребенка, которые живутъ и горятъ одною только мыслью освободить ребенка и какъ можно скорѣе изъ-подъ всякой власти и въ томъ числѣ изъ-подъ своей собственной, чтобы сдѣлать изъ него свободного, независимаго человѣка.

Въ основѣ интимнаго общенія родителей съ ребенкомъ должно лежать безкорыстное стремленіе родителей къ освобожденію ребенка и только такое общеніе и цѣнно. Только такая связь родителей съ дѣтьми, которая является путемъ свободы для дѣтей, и представляетъ ту истинную, настоящую связь, которая должна была бы соединять родителей и дѣтей. Несмотря на всю ту глубину, которой въ настоящее время достигаетъ иногда связь между дѣтьми и родителями,

она все же не можетъ достигнуть высшей предѣльной точки своей глубины и именно потому, что дѣти инстинктивно чувствуютъ, хотя и не сознавая этого вполнѣ ясно, таинственную подкладку этой связи и ту жажду власти, которая лежитъ въ ея основѣ, и потому до нѣкоторой степени оказываются сопротивленіе къ полному сліянію, до нѣкоторой степени стараются ускользнуть изъ-подъ власти родителей и сохранить хоть маленький уголокъ, недоступный для ихъ взора. Эта связь достигла бы высшаго своего предѣла, если бы родители были и стремились быть освободителями своего ребенка. Какъ полно, какъ широко раскрывалось бы при этомъ сердце ребенка! Какъ открыто и стремительно шла бы его душа навстрѣчу нашей, если бы онъ видѣлъ въ насъ своихъ освободителей, если бы онъ чувствовалъ въ насъ точку опоры для своего освобожденія, если бы онъ видѣлъ, что наша любовь безкорыстна, что она чужда всякой жажды власти, хотя бы и въ самой отдаленной степени!.. Но такою любовью надо еще научиться любить ребенка, родители еще не воспитаны для такой любви... Ихъ любовь есть слѣпая любовь. Надо, чтобы они раскрыли глаза и ясно увидѣли, что лежитъ въ ея основѣ; надо, чтобы они воочію почувствовали, что въ ихъ любви говорить жажда власти, и надо, чтобы они, почувствовавъ и сознавъ все это, пожелали, страстно пожелали построить свою любовь къ дѣтямъ на другомъ фундаментѣ, на фундаментѣ живого стремленія къ освобожденію, и тогда ихъ любовь приметъ другія высшія формы, и тогда ихъ любовь будетъ служить дѣлу обновленія и перерожденія человѣчества, созданію и скорѣйшему наступленію царства свободнаго человѣка.

Какъ хорошо было бы, если бы любовь родителей могла вознестиць до такой высоты! Кто же ближе ихъ стоитъ къ своимъ дѣтямъ?! Кому же, какъ не имъ быть на стражѣ ихъ свободы?! Кому же, какъ не имъ вести ихъ на пути освобожденія?! И если они полюбятъ ребенка этою высшею любовью, то этимъ самимъ они облегчатъ и для самихъ себя дѣло своего освобожденія. Свободная любовь къ ребенку освободить и ихъ самихъ отъ разныхъ тонкихъ, неуловимыхъ дѣлъ, которыми ихъ душа опутана со всѣхъ сто-

ронъ. Ребенокъ явится великимъ средствомъ ихъ собствен-  
наго перевоспитанія. Тогда не только родители будуть вос-  
питывать своего ребенка, но и ребенокъ будетъ воспиты-  
вать своихъ родителей и будетъ вести ихъ по пути созда-  
нія изъ самихъ себя все болѣе и болѣе совершенныхъ лич-  
ностей, цѣльныхъ, широкихъ, гармоничныхъ, свободныхъ,  
независимыхъ и способныхъ къ самой глубокой безкорыст-  
ной любви къ людямъ.

Родители, дайте возможность ребенку стать вашимъ вос-  
питателемъ, дайте возможность ему стать вашимъ освободи-  
телемъ и для этого прежде всего полюбите его по-настоя-  
щему, полюбите его какъ свободную личность, полюбите его  
какъ существо, призванное къ свободѣ, къ независимости и  
къ великому дѣлу свободного творчества, созиданія и обно-  
вленія жизни! И когда вы сумѣете такъ полюбить ребенка,  
то тогда порвутся и исчезнутъ тѣ цѣпи, которыя сковыва-  
ютъ васъ самихъ, которыя вамъ самимъ мѣшаютъ мощно  
расправить свои долго свернутыя крылья и подняться сво-  
бодно въ безграничное небо творчества, гдѣ открыты такие  
бездѣльные горизонты и такія волшебныя необъятныя  
дали... Чтобы научиться летать, вамъ надо преодолѣть въ  
себѣ духъ власти и зажечь святой неугасимый огонь свобо-  
ды. И пускай первую искру этого огня, отъ которой вос-  
пламенится все другое, будетъ ваша новая любовь къ  
дѣтямъ!

Какъ странно бываетъ видѣть, когда тотъ или другой  
отецъ или мать вмѣсто того, чтобы стремиться къ освобо-  
женію ребенка, стремятся къ освобожденію отъ ребенка и  
въ этомъ видятъ путь и къ своему собственному освобожде-  
нію. Какое печальное недоразумѣніе или, лучше сказать,  
заблужденіе! Вмѣсто того, чтобы искать своего освобожденія  
на томъ единственномъ пути, на которомъ оно можетъ быть  
обрѣтено, люди ищутъ его какъ разъ въ противоположномъ  
направленіи. И мать и отецъ могутъ завоевать себѣ свободу  
не иначе, какъ черезъ ребенка. Ребенокъ—это путь къ сво-  
бодѣ. Ребенокъ—это великий воспитатель взрослого человѣ-  
чества къ свободной жизни; но, конечно, надо, чтобы взро-  
слое человѣчество пожелало пользоваться уроками этого вос-

шитателя и научилось, какъ слѣдуетъ, пользоваться этими послѣдними. Только работая надъ освобожденіемъ ребенка, только сливаюсь съ нимъ въ тѣсный интимный союзъ, одухотворенный великой идеей раскрѣпощенія ребенка отъ цѣпей духовнаго рабства, мы дѣлаемся и сами понемногу свободными и начинаемъ сами отдѣливаться отъ тѣхъ цѣпей, которыми скованъ нашъ духъ. Ища способовъ, какими можно освободить ребенка изъ-подъ своей власти, взрослый находитъ тѣ способы, какими онъ самъ можетъ быть освобожденъ отъ тѣхъ или другихъ цѣпей, подъ которыми онъ томится.

---

## **Въ чёмъ основа воспитанія и образованія<sup>1)</sup>.**

**(По поводу статьи Л. Н. Толстого „О воспитаніи“).**

Что должно быть положено въ основу воспитанія и образованія? Какъ разрѣшается этотъ вопросъ съ точки зрѣнія идей, охватываемыхъ понятіемъ „свободное воспитаніе“? Попробуемъ разобраться въ немъ, попробуемъ отвѣтить на него объективно, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, попробуемъ отыскать такой отвѣтъ, который естественно и логически вытекалъ бы изъ понятія „свободного воспитанія“. Я попытаюсь сдѣлать это въ связи съ обсужденіемъ двухъ послѣднихъ статей Л. Н. Толстого, помѣщенныхъ въ №№ 2 и 3 „Свободного Воспитанія“ за 1909—10 годъ; одна изъ нихъ называется „О воспитаніи“, другая — „Въ чёмъ главная задача учителя“. Я остановлюсь, главнымъ образомъ, на первой.

Статья эта является отвѣтомъ на одно изъ писемъ, написанныхъ Толстому. Начинаетъ онъ эту статью такъ: „Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи давнишнихъ и послѣднихъ окажутся и противорѣчія и неясности. Я просмотрѣлъ и рѣшилъ, что мнѣ, да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ“. Это заявленіе Толстого облегчаетъ и нашу задачу: мы тоже не будемъ обращаться къ предыдущимъ статьямъ его, а остановимся на этой послѣдней, представляющей какъ бы квинтъ-эссенцію его послѣднихъ взглядовъ. Мы постараемся опредѣлить, насколько послѣдніе взгляды Толстого,

---

<sup>1)</sup> Статья эта была напечатана въ журналѣ „Русская Школа“ за 1910 г., № 7—8.

дѣйствительно, согласуются съ идеями свободнаго воспитанія, опредѣлить тотъ предѣлъ, до котораго доходитъ Толстой въ признаніи свободы въ дѣлѣ воспитанія и образованія и за которымъ онъ, хотя и не явно, и не открыто, но, въ сущности, и на самомъ дѣлѣ начинаетъ проповѣдывать насилие и принужденіе: т. е., отрицая грубое насилие, онъ на его мѣсто ставить насилие тонкое; освобождая личность отъ внѣшняго порабощенія, онъ въ то же время опутываетъ ее „цѣпями невидимаго рабства“. Статья Толстого поможетъ намъ разобраться въ вопросѣ о томъ, какихъ цѣлей въ области воспитанія и образованія мы не должны ставить, на какомъ основаніи мы не должны его строить, и, такимъ образомъ, поможетъ намъ также найти и то, что должно въ дѣйствительности являться основою воспитанія и образованія.

То раздѣленіе, которое въ прежнихъ своихъ педагогическихъ статьяхъ Толстой дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, онъ признаетъ въ настоящее время искусственнымъ. „И воспитаніе, и образованіе, — говоритъ онъ, — нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія; всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно“. На этомъ основаніи, не касаясь упомянутаго подраздѣленія, онъ говоритъ въ дальнѣйшемъ исключительно объ образованіи, т. е., о томъ, въ чёмъ заключаются недостатки существующихъ пріемовъ образованія, и какимъ оно, по его мнѣнію, должно быть.

Изъ приведенныхъ только что словъ, да и вообще изъ содержанія всей статьи мы можемъ ясно видѣть, въ чёмъ заключается та первая основная ошибка, въ которую впадаетъ Толстой въ этой статьѣ. Эта основная ошибка состоитъ въ совершенно неправильномъ опредѣленіи образованія. Образованіе понимается какъ передача знаній, и затѣмъ ставится вопросъ, какими основаніями руководиться при выборѣ тѣхъ знаній, которыя мы, взрослые, хотимъ передать дѣтямъ. Но ведь прежде всего мы должны решить вопросъ, дѣйствительно ли образованіе есть передача знаній, и достаточно ли только установить правильный выборъ тѣхъ знаній, которыя мы будемъ передавать дѣтямъ, чтобы послѣднія оказались обладателями истиннаго, а не ложнаго образованія. То опредѣленіе образованія, изъ котораго исходитъ Толстой въ сво-

ей послѣдней статьѣ, съ самаго же начала ставить вопросъ объ образованіи на совершенно неправильную почву и потому предрѣшаетъ уже то ложное освѣщеніе вопроса, которое мы въ ней находимъ.

Образованіе, въ истинномъ смыслѣ этого слова, далеко не тожественно съ передачею знаній. Передача знаній есть внѣшній процессъ, между тѣмъ какъ образованіе есть процессъ внутренній, совершающійся изнутри, путемъ органическаго роста, путемъ творческой работы личности, а не путемъ наложенія извнѣ образовательного материала. Какія бы знанія мы ни передали дѣтямъ, хотя бы это были самые нужные для жизни знанія, если эти знанія не будутъ творчески переработаны личностью въ одно гармоническое индивидуальное самобытное цѣлое, мы не получимъ въ результатахъ и того, что можно было бы назвать истиннымъ образованіемъ. Центръ тяжести въ вопросѣ объ образованіи, такимъ образомъ, не въ передачѣ знаній, а въ творческой переработкѣ ихъ. Между тѣмъ, объ этой творческой переработкѣ въ своей послѣдней статьѣ Толстой совсѣмъ почти не упоминаетъ или, во всякомъ случаѣ, не выдвигаетъ ее на первый планъ. Выходитъ такъ—какъ будто самое главное передать дѣтямъ надлежащія, съ точки зрењія религіи и нравственности, знанія, а не въ томъ, чтобы пробудить въ нихъ творческія силы въ наивозможнѣйшей степени и поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ эта творческая работа могла бы совершаться наиболѣе успѣшнымъ и плодотворнымъ образомъ, и для этой творческой работы имѣлся бы возможно болѣе широкій и обильный материалъ. Въ дѣйствительности же дѣло должно бы стоять такимъ образомъ, чтобы открыть передъ дѣтьми ворота и замки всѣхъ областей и всѣхъ отраслей знанія и дать имъ возможность брать изъ необъятной сокровищницы знанія тѣ именно материалы и элементы, которыхъ требуетъ самобытная, индивидуальная творческая работа ихъ души. Именно, не передавать дѣтямъ, а ставить ихъ въ такія условія, чтобы они сами брали, не выбирать для нихъ то, что имъ, по нашему мнѣнію, нужно, а дать возможность имъ самимъ, съ полнымъ сознаніемъ и пониманіемъ выбрать въ

области научнаго знанія то, что нужно каждому изъ нихъ въ отдельности, какъ своеобразной и самобытной индивидуальности, какъ оригинальному творцу для своей особенной, отличающейся отъ всѣхъ другихъ, творческой работы,— вотъ что является самымъ главнымъ и самымъ важнымъ въ дѣлѣ образованія.

Что „свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія какъ для учащихся, такъ и для учащихъ“, — это Толстой, какъ онъ заявляетъ объ этомъ въ началѣ своей статьи, признаетъ теперь, какъ и прежде. Но эта свобода сводится только къ отсутствію угрозъ, наказаній и обѣщанія наградъ, какъ причинъ, обусловливающихъ пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній. Дальше этихъ предѣловъ свобода не идетъ. Толстой тотчасъ же ставить такое ограничительное условіе для всего процесса образованія, что процессъ этотъ и при отсутствіи угрозъ, наказаній и обѣщанія наградъ становится если и неявно, то въ дѣйствительности, когда мы ближе приглядимся къ нему, совсѣмъ несвободнымъ процессомъ. Въ самомъ дѣлѣ, послушаемъ, что дальше говоритъ Толстой о процессѣ образованія. „Для того же“, — читаемъ мы, — „чтобы образованіе, будучи свободно какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся такъ же, какъ и у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для изученія и для преподаванія наиболѣе нужные для разумной жизни людей знанія и изучались бы и преподавались въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. религія“.

Попробуемъ реализировать только что приведенные мысли и мы увидимъ, какое разительное противорѣчіе въ нихъ скрыто, и какъ въ дѣйствительности то условіе, которое ставить Толстой для образованія, въ цѣляхъ его большей плодотворности, сводить на нѣть всю свободу образованія,

сторонникомъ которой Толстой, по его заявлению, является и теперь, какъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, требуется, чтобы образованіе было свободно, а съ другой— чтобы у учащихся и учащихъ было одно общее основаніе для выбора тѣхъ или другихъ знаній и для опредѣленія порядка ихъ приобрѣтенія, и въ качествѣ такого общаго основанія выставлена религія. Чья религія? Общая религія, одинаково свободно признаваемая какъ дѣтьми, такъ и взрослыми, какъ учащимися, такъ и учащими. Но позвольте, у дѣтей еще неѣть никакой религіи, они должны еще выработать и создать ее себѣ, и она можетъ быть только плодомъ долгой и упорной работы ихъ сознанія. Поэтому практическіи предложеніе Толстого сведется къ тому, что основаніемъ образованія, которымъ будутъ руководствоваться при выборѣ знаній, передаваемыхъ дѣтямъ, и порядка ихъ передачи будетъ служить не общее обучающимъ и обучающимся и одинаково свободно признаваемое ими пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, а то пониманіе смысла жизни, та религія, которая исповѣдуется обучающими, т.-е., взрослымъ поколѣніемъ; и такимъ образомъ, свобода образованія будетъ поставлена съ самаго же начала на карту. Итакъ, религія въ смыслѣ того или другого опредѣленного пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, не можетъ быть такимъ общимъ основаніемъ образованія, которое одинаково свободно признавалось бы какъ дѣтьми, такъ и взрослыми, какъ дающими образованіе, такъ и получающими его, потому что, какъ мы сказали выше, у дѣтей еще неѣть и не можетъ быть того или иного сложившагося пониманія жизни. Дѣлать религію въ этомъ смыслѣ основаніемъ образованія, значитъ устанавливать въ этой области гегемонію взрослаго поколѣнія надъ подрастающимъ, значитъ отрицать право молодого поколѣнія на то образованіе, которое ему нужно, которое оно само хочетъ и стремится получить. Но тогда не слѣдуетъ и говорить о свободѣ образованія.

Что здѣсь, дѣйствительно, идетъ рѣчь о гегемоніи взрослаго поколѣнія надъ дѣтьми и объ одномъ изъ видовъ насилия надъ ними—въ этомъ наскъ убѣждаетъ другая статья Толстого: „Въ чёмъ главная задача учителя“. Тамъ мы чи-

таемъ, что полезнымъ и однимъ изъ самыхъ хорошихъ дѣлъ школьное дѣло будетъ тогда, „когда учитель, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ виушать дѣтямъ истинно-нравственныя, основанныя на религіозныхъ христіанскихъ началахъ, убѣжденія и привычки“. И далѣе Толстой разсказываетъ, какъ онъ самъ въ этомъ смыслѣ занимался съ дѣтьми въ своей школѣ. Эти занятія имѣли характеръ поученій. Заканчиваетъ онъ изложеніе ихъ такимъ образомъ: „Такія или подобныя поученія, я думаю, не только необходимы для учениковъ, но и обязательны для тѣхъ учителей, которые строго передъ Богомъ, передъ своею совѣстью смотрятъ на свое дѣло“. Въ концѣ статьи мы находимъ такое обращеніе къ сельскимъ учителямъ: „Было бы большимъ грѣхомъ преступленіемъ, если бы вы, сельскіе учителя, не постарались, насколько это въ вашихъ силахъ, заложить въ восприимчивыя, алчущія правды сердца порученныхъ вамъ дѣтей основы вѣчныхъ религіозныхъ истинъ и настоящей христіанской нравственности, которая такъ легко воспринимается дѣтскими душами“.

Но внушать, поучать и закладывать то или другое въ душу ребенка — что это, какъ не производить надъ этою самою душою насилие, но только насилие — тонкое, невидимое, неосозаемое? А душа ребенка вѣдь такъ легко поддается подобному насилию, вѣдь такъ легко все, что бы ни говорилось, воспринимается дѣтскими душами. Но тогда къ чему же мы толкуемъ еще о какой-то свободѣ образованія: ни съ какими внушеніями, поученіями и закладываніями въ душу свободы образованія не мирится. Ребенокъ долженъ творческимъ путемъ доходить до обладанія религіозной истиной и нравственностью, путемъ творческой работы своей собственной мысли, а не путемъ внушенія, поученія и закладыванія въ его душу взрослыми основъ религіи и нравственности. Этими способами не приобрѣтается ни истинной религіи, ни истинной нравственности. И не совершаютъ ли грѣхъ и преступленіе по отношению къ дѣтямъ именно тѣ, кто стремится внушать имъ, поучать ихъ, закладывать въ ихъ душу, пользуясь тѣмъ, что ихъ души такъ легко все воспринимаютъ, — а не тѣ, кто стремится будить въ нихъ

свободную творческую работу мысли и пробуждать духъ критики, изслѣдованія и неутомимаго исканія все болѣе прекраснаго и высокаго. Истинное уваженіе къ душѣ ребенка мы проявимъ именно тогда, если остережемся, пользуясь легкою воспріимчивостью этой души, закладывать въ нее какъ можно тверже то, что намъ, современнымъ взрослымъ людямъ, кажется вѣчною и абсолютною истиной. Да-димъ ему лучше возможность самому открыть новыя религіозныя и нравственные истины, которая въ такой же мѣрѣ превзошли бы нынѣ признаваемыя большинствомъ людей абсолютныя истины, о которыхъ говорить Толстой, въ какой эти истины нѣкогда превосходили то, что считалось за высшую истину язычниками и дикарями. Откроемъ передъ дѣтьми широкій и безпредѣльный путь религіознаго и моральнаго творчества, а не будемъ при помощи внушеній, поученій и закладыванія въ ихъ душу тѣхъ или другихъ, такъ называемыхъ, абсолютныхъ истинъ заглушать и подавлять въ нихъ этотъ живой духъ творчества!

Чѣмъ собственно, по существу, отличается то, что Толстой рекомендуетъ сельскимъ учителямъ, и образчикъ чего онъ даетъ въ своей статьѣ „Въ чёмъ задача учителя“, отъ того, что практиковалось и теперь нерѣдко практикуется учителями Закона Божія? По существу, здѣсь никакой разницы нѣтъ. Методъ, примѣняемый и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, одинъ и тотъ-же — догматической методъ внушенія дѣтямъ тѣхъ или другихъ, считаемыхъ нами за абсолютныя, истинъ: мы даемъ ребенку готовые отвѣты, а не ставимъ передъ нимъ проблемъ и не побуждаемъ его къ самостоятельному разрѣшенію этихъ проблемъ. Разница вся только въ томъ, что Толстой хочетъ внушать дѣтямъ то, что во всѣхъ религіяхъ, по его мнѣнію, является общимъ, то, что онъ называетъ „общимъ для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ ученіемъ о религіи и нравственности“, а въ существовавшихъ и существующихъ школахъ дѣтямъ обыкновенно внушается кругъ вѣрованій, составляющій содержаніе той или иной опредѣленной положительной религіи — католической, православной, лютеранской или какой-либо другой.

Такимъ образомъ, изъ всего сказанного слѣдуетъ, что

въ основу воспитанія и образованія отнюдь не должно быть полагаемо религіозное пониманіе жизни въ формѣ руководящаго начала всей воспитательной и образовательной дѣятельности. Ибо первый вопросъ, который при этомъ возникаетъ,—чье религіозное пониманіе? И, какъ мы видѣли, фактически таковыи можетъ быть только религіозное пониманіе воспитателей. Но законно ли, что я буду формировать ребенка сообразно тому или другому религіозному пониманію мою смыслъ жизни? Законно ли, что я изъ ребенка буду дѣлать орудіе и средство для осуществленія и воплощенія своего религіознаго пониманія жизни? Признавая, что религіозное пониманіе жизни должно быть руководящимъ началомъ воспитательной и образовательной дѣятельности, мы открываемъ двери для насилия надъ духовною личностью ребенка, мы отдаемъ душу ребенка въ полную власть воспитателя. Мы думаемъ, напротивъ, что каково бы ни было религіозное пониманіе жизни воспитателемъ, онъ не долженъ допускать, чтобы это пониманіе опредѣляло практику его воспитательной и образовательной дѣятельности. Воспитаніе и образованіе должны быть независимы отъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ взглядовъ воспитателя. Руководящимъ началомъ дѣятельности воспитателя должны быть не религіозные взгляды, не то или иное религіозное пониманіе имъ жизни, а нѣчто другое. Руководящимъ началомъ для воспитателя должно служить свободное развитіе ребенка въ томъ направленіи, какое указывается природой самого ребенка и правильно понимаемыми дѣйствительными его интересами. Ребенокъ и его свободное развитіе — это самодавливющая цѣль воспитанія и образованія, которая ни въ чемъ не должна терпѣть умаленія — ни въ силу религіозныхъ, ни въ силу иныхъ взглядовъ. Иначе все воспитаніе получить ложный и извращенный характеръ и вмѣсто процесса „освобожденія ребенка“ стать процессомъ закрѣпошенія его.

Воспитатель, который руководящимъ началомъ своей воспитательной и образовательной дѣятельности ставить религіозное пониманіе жизни, направляетъ естественное развитіе ребенка сообразно съ тѣмъ, какъ это ему указываетъ его религіозное пониманіе. Ну что же, — могутъ намъ возра-

зить,—вѣдь надо же дать какое-нибудь направлѣніе этому естественному развитію. Зачѣмъ? Предоставьте ему самому найти это направлѣніе, а не диктуйте и не накладывайте его извнѣ. Какое же это будетъ свободное развитіе, если пути ему будетъ указывать воспитатель. Свободное развитіе и воспитаніе на религіозныхъ началахъ — это двѣ вещи не-соизмѣримыя. Религіозное воспитаніе, о которомъ говорить Толстой, какъ бы возвыщенно оно ни было, можетъ воспитать только личностей, скованныхъ „цѣпями невидимаго рабства“. — Такимъ образомъ, — скажете вы, — воспитаніе должно быть лишено всякихъ руководящихъ началъ? Ни въ какомъ случаѣ. Но только руководящимъ его началомъ будеть не воспитатель, не тѣ или другіе его взгляды, не то или другое пониманіе имъ смысла жизни, а ребенокъ. Ребенокъ, естественный процессъ развитія котораго зорко и внимательно наблюдаетъ воспитатель, будеть указывать послѣднему тотъ путь, по которому надо его вести. Ребенокъ, живой ребенокъ, котораго воспитываютъ, вотъ что должно быть руководящимъ началомъ всей воспитательной и образовательной дѣятельности, вотъ что должно быть положено въ основу всякаго воспитанія и образованія.

\* \* \*

„Съ тѣхъ поръ“, — говорить Толстой, — „какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждого человѣка и всѣхъ людей“. Этой-то самой главной и самой важной наукѣ, которая уже затѣмъ послужитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній, и должны прежде всего обучаться молодыя поколѣнія, т.-е., должны обучаться, въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима, и что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшали его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра. На возраженіе, что общаго большинству людей религіознаго ученія и ученія о нравственности не существуетъ, Толстой отвѣчаетъ: „Это неправда, во-1-хъ, по-

тому, что такія общія всему человѣчеству ученія всегда были, и есть, и не могутъ не быть, потому что условія жизни всѣхъ людей, во всѣ времена и вездѣ одни и тѣ же,— во-2-хъ, потому, что во всѣ времена среди миллионовъ людей всегда мудрѣйшіе изъ нихъ отвѣчали людямъ на тѣ главные жизненные вопросы, которые стоять передъ человѣчествомъ. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же—и религіозная, и нравственная истина во всѣхъ ученіяхъ... откроется имъ“.

Попробуемъ разобраться въ этомъ рядѣ мыслей. Хотя Толстой и утверждаетъ, что существуютъ будто-бы общія всему человѣчеству религіозныя ученія и ученія нравственности, но этого положенія въ дѣйствительности онъ нигдѣ и ничѣмъ не доказываетъ, потому что нельзя же считать доказательствомъ голословное утвержденіе, что таковыхъ общихъ ученій не можетъ не быть, такъ какъ условія жизни всѣхъ людей, во всѣ времена и вездѣ одни и тѣ же. Этому утвержденію можно противоопоставить и противоположное,— что условія жизни людей безконечно разнообразны и постоянно и непрерывно мѣнялись въ теченіе жизни всего человѣчества, какъ непрерывно мѣняются и въ теченіе жизни отдельной личности. Вся бѣда въ томъ, что въ то время, какъ для Толстого-художника существуетъ конкретная индивидуальная человѣческая личность, и онъ такъ великолѣпно умѣеть ее изображать,—для Толстого-мыслителя, философа и проповѣдника существуетъ только „человѣкъ вообще“, индивидуальный же человѣкъ сводится на нѣть передъ этимъ человѣкомъ вообще. Если мы станемъ на точку зрѣнія этого отвлеченного, абстрактного человѣка, на точку зрѣнія „человѣка вообще“, тогда, дѣйствительно, исчезнутъ всѣ индивидуальные различія, все разнообразіе жизни, но тогда исчезнетъ и сама жизнь, и все то, что является въ жизни наиболѣе цѣннымъ и заставляетъ дорожить ею. Ученіе Толстого хотя и стремится быть отвѣтомъ на вопросы жизни, но въ дѣйствительности является, на нашъ взглядъ, ученіемъ, отрицающимъ жизнь, такъ какъ во имя какого-то отвлеченного человѣка вообще отрицаеть человѣка конкретного, индивидуального. И чѣмъ глубже, чѣмъ серьезнѣе этотъ кон-

крайний индивидуальный человѣкъ будеть относиться къ вопросамъ жизни, тѣмъ болѣе его религіозныя и нравственныя возврѣнія будутъ носить своеобразный отпечатокъ его личности, тѣмъ больше въ области религіи и нравственности будеть разнообразія, тѣмъ больше это вольеть въ нихъ жизни и жизненности, и, вмѣсто одной и той же религіозной и нравственной истины, каждый человѣкъ найдеть свою личную религіозную и нравственную истину. И только при этихъ условіяхъ религія и нравственность среди человѣчества достигнутъ своего зенита.

Въ основѣ всѣхъ возврѣній Толстого послѣдняго времени лежить вѣра въ вѣчную абсолютную истину и желаніе, чтобы всѣ люди научились отъ „мудрѣйшихъ“, отъ тѣхъ, кто выступаетъ по отношенію къ другимъ людямъ, какъ „учитель“—этой вѣчной и абсолютной истинѣ и подчинили ей свою жизнь, свои мысли, чувства и волю. Эта вѣчная и абсолютная истина дастъ людямъ истинное благо и спасеть ихъ отъ безумной жизни. Въ статьѣ „Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи“ я подробно развила свой взглядъ на абсолютную истину, указавъ, что „абсолютная истина есть замаскированная форма, въ какой выражается жажда власти или „воля къ власти“, употребляя выраженіе Ницшѣ“. Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ абсолютной истинѣ, тамъ идетъ рѣчь о царствѣ власти, а не о царствѣ свободы, потому что подъ видомъ абсолютной истины хотятъ проникнуть въ самую глубину нашего сознанія, въ „святая святыхъ“ нашей души. Но „желать управлять умами“, какъ сказалъ Гюйо, „еще худшее зло, чѣмъ желать управлять тѣлами; надо бѣжать отъ всякаго вида „направленія сознанія“ или „направленія мысли“, какъ отъ истиннаго бича“. А что рѣчь здѣсь, дѣйствительно, идетъ о направленіи сознанія, направленіи мысли и духовномъ управлениі душами людей—это ясно изъ всей статьи Толстого, въ которой такое значеніе придается „учителямъ“ и „мудрѣйшимъ людямъ всѣхъ временъ и всего міра“. Эти „учителя“ и мудрецы, постигшіе „вѣчную абсолютную истину“, должны вести человѣчество и направлять его жизнь. Они знаютъ, въ чёмъ назначеніе и истинное благо „каждаго человѣка и всѣхъ людей“. И когда миллио-

ны людей внемлють, наконецъ, этимъ мудрѣйшимъ и подчиняется имъ, тогда,—думаетъ Толстой,—кончится та безумная жизнь, которая господствуетъ въ настоящее время, и человѣчество заживетъ истинною и настоящею жизнью. Но только какую цѣну будетъ имѣть эта истинная и настоящая жизнь, разъ эта жизнь будетъ жизнью рабовъ и притомъ рабовъ до самыхъ послѣднихъ глубинъ своего сознанія? Мы думаемъ, что если мечтать, то надо мечтать о совершенно другомъ, объ обратномъ,—не о томъ, чтобы мысли мудрецовъ и мыслителей получили власть надъ всѣмъ человѣчествомъ, а о томъ, чтобы все человѣчество, т.-е., каждый отдельный конкретный человѣкъ, его составляющій, научилось само мыслить и подчиняться своимъ собственнымъ мыслямъ, научилось быть учителемъ самого себя и не признавать надъ собою власти чужихъ мыслей, хотя бы эти мысли служили выражениемъ „вѣчной и абсолютной истины“, не подчиняться никакимъ учителямъ, какъ бы велики эти учителя ни были.

\* \* \*

„Первое и самое главное знаніе,—говорить Толстой,—которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ, это отвѣтъ на вѣчные и неизбѣжные вопросы, возникающіе въ душѣ каждого приходящаго къ сознанію человѣка. Первый: что я такое, и какое мое отношеніе къ бесконечному міру? и второй, вытекающей изъ первого: какъ мнѣ жить, что считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ и что всегда, и при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, дурнымъ?“

Я согласенъ, что тѣ вопросы, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Толстой, самые главные и самые важные для каждого человѣка, но отвѣтъ на эти вопросы каждый долженъ и можетъ находить только самъ. Никакіе мудрецы всего міра и всѣхъ временъ не отвѣтятъ мнѣ на эти вопросы, поскольку они касаются меня лично, а не относятся къ отвлеченному человѣку вообще. Дѣйствительно, самое важное и самое главное для меня, выяснить, каково мое личное отношеніе къ міру, къ людямъ, какъ я—данный опредѣленный человѣкъ—долженъ жить. Лучшіе мыслители міра, о которыхъ

говорить Толстой, отвѣчаютъ только на этотъ послѣдній вопросъ, говорятъ о томъ, каково ихъ личное отношеніе къ міру и жизни, какъ лично имъ представляется смыслъ жизни, но у нихъ я не могу получить готоваго отвѣта на вопросъ о смыслѣ своей личной жизни. Только я самъ, лично, творческою работою своей мысли могу и долженъ добиваться этого отвѣта, а отвѣтами существовавшихъ и существующихъ ученій религіи и нравственности, я буду пользоваться только какъ матеріаломъ для личнаго творчества въ этой области. Вѣдь самъ же Толстой говоритъ, что отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни всегда былъ и есть въ душѣ каждого человѣка. А если это такъ, то поможемъ лучше каждой человѣческой душѣ самой найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своихъ глубинахъ, поможемъ каждому найти это творческою работою его мысли, а не путемъ преподаванія религіи и нравственности. Потому именно, что религія и нравственность — самое главное и самое важное въ жизни человѣка, имъ не надо обучать, ихъ не надо преподавать, ихъ даже не надо класть въ основу образованія. Онѣ должны быть не основою образованія, а зрѣлымъ плодомъ его, добытымъ путемъ собственныхъ самостоятельныхъ усилий, онѣ должны быть вѣнцомъ образованія, а не его исходною точкою. Только свободно выросшая нравственность и свободно созданная религія заслуживаютъ названія религіи и нравственности. Воспитатели должны облегчить этотъ свободный ростъ и развитие истинной, творчески созданной каждой личностью самой для себя, нравственности и религіи, и для этого прежде всего они должны позаботиться о томъ, чтобы образованіе личности было, дѣйствительно, свободно, чтобы фундаментомъ его была сама индивидуальная личность, свободная, расширенная до предѣловъ возможнаго творческая работа ея души, а не то или иное религіозно-нравственное ученіе, какой бы общій характеръ оно ни носило; не тѣ или иные основы религіозныхъ и нравственныхъ ученій, хотя бы онѣ были, по словамъ Толстого, высказанны всѣми лучшими мыслителями міра, — „отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпикте-та, Будды, Марка Аврелія, Конфуція, Христа, Іоанна апо-стола, Магомета до Руссо, Канта, персидскаго Баба, ин-

дусского Вивеканады, Чаннинга, Эмерсона, Рёскина, Сковороды и др.“

Толстой думаетъ, что до тѣхъ поръ, пока религіозно-нравственное ученіе не будетъ положено въ основу образованія, до тѣхъ поръ „не можетъ быть никакого разумнаго образованія“. Мы же думаемъ, что и тогда, когда въ основу образованія будетъ положено религіозно-нравственное ученіе, какъ это представляеть себѣ Толстой, оно все же останется такимъ же неразумнымъ, какимъ оно было въ большинствѣ случаевъ и до сихъ поръ. Разумнымъ и истиннымъ образованіе не станетъ до тѣхъ поръ, пока мы не перестанемъ искать для него какихъ бы то ни было виѣшнихъ основъ, пока не построимъ его всецѣло на самой индивидуальной личности, обѣ образованій которой идетъ рѣчь, на самобытной творческой работѣ ея души. Виѣ свободной, въ духовномъ смыслѣ, личности, виѣ самостоятельной творческой работы ея сознанія — нѣть и не можетъ быть истиннаго, разумнаго образованія. Религіозно-нравственное ученіе Толстого, общее будто бы всѣмъ людямъ, служащее выраженіемъ будто бы одной и той же религіозной и нравственной истины, таящейся во всѣхъ ученіяхъ „отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа, Магомета и новѣйшихъ мыслителей“, является такимъ же тормозомъ въ полученіи истиннаго и разумнаго образованія, какимъ и противополагаемое имъ этому истинному религіозно-нравственному ученію „собраніе грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ“, преподносимое дѣтямъ во многихъ школахъ.

\* \* \*

Въ заключеніе своей статьи Толстой пишетъ: „И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять прежде всего въ томъ, что бы выработать соотвѣтственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставить его во главѣ образованія“. Мы думаемъ, что съ этимъ едва ли можно согласиться. Главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія,

можетъ и должна состоять въ томъ, чтобы сдѣлать образованіе каждого человѣка, въ истинномъ смыслѣ этого слова, свободнымъ образованіемъ, чтобы каждый человѣкъ (ребенокъ или взрослый, все равно) являлся самъ опредѣляющимъ моментомъ въ томъ образованіи, которое онъ получаетъ, — чтобы узнать и опредѣлить тѣ условія, которыя способствуютъ освобожденію въ каждой личности творческихъ духовныхъ силъ въ возможно большей степени и облегчаютъ эту творческую работу, и чтобы, сообразно съ этимъ приобрѣтеннымъ знаніемъ, преобразовать существующую школу, отъ низшей ея ступени до высшей такимъ образомъ, чтобы она стала мѣстомъ наиболѣе пышнаго расцвѣта духовныхъ творческихъ силъ въ личности. И когда это будетъ достигнуто, тогда только, дѣйствительно, свободно создастся и выработается соответственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе. Общая религія и нравственность,—которая считается необходимыми Толстой,—если онъ возникнутъ тогда, будутъ иллюзіей свободного образованія каждой личности, а не цѣлями, которая съ самаго начала сковываютъ это образованіе и ведутъ его по напередъ предрѣшенному и установленному пути. Въ цѣляхъ созданія такой свободной общей религіи и нравственности, освободимъ образованіе каждой личности отъ всякаго религіознаго и нравственнаго давленія, поставимъ его на свои собственные ноги, не будемъ класть въ его основу никакого религіозно-нравственного ученія, какой бы общій и возвышенный характеръ оно ни носило. Пусть его основою будетъ свободная творческая личность, самобытная творческая работа индивидуального сознанія. И тогда человѣчество, дѣйствительно, достигнетъ высшихъ формъ религіи и нравственности, достигнетъ того о чёмъ и не грезили всѣ лучшіе мудрецы и мыслители мира.

Когда мы свергнемъ господствующее надъ нами иго мудрецовъ и мыслителей, когда мы перестанемъ подчиняться ихъ мыслямъ и ихъ велѣніямъ, а используемъ ихъ мысли только какъ матеріалъ для нашего творчества, когда каждый будетъ стремиться стать самъ для себя тѣмъ мудрецомъ и мыслителемъ, мысли котораго онъ кладетъ въ основу своей

жизни, тогда начнется новый свѣтлый періодъ въ жизни человѣчества, тогда религіозное и моральное творчество достигнетъ наибольшей возможной высоты и тогда нравственность и религія выйдутъ изъ того оѣпенѣло-мертваго состоянія, въ какомъ онъ находятся въ настоящее время.

Ничто такъ не стоитъ на пути къ прогрессивному развитію всего человѣчества, въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи—какъ культь мудрецовъ и мыслителей, какъ преклоненіе передъ каждымъ высказаннымъ ими словомъ. Священные книги, называются ли онъ кораномъ, талмудомъ или „кругомъ чтенія“ Л. Н. Толстого, всегда являются великимъ тормозомъ въ дѣлѣ нравственнаго и религіознаго развитія человѣчества и именно постольку, поскольку онъ въ умахъ людей имѣютъ характеръ священныхъ книгъ, поскольку существуетъ стремленіе рассматривать ихъ, какъ содержащія въ себѣ вѣчныя и абсолютныя истины. Откажемся отъ подчиненія этимъ книгамъ, будемъ жить своимъ умомъ, мыслить собственными мыслями, хотѣть своею волею, составимъ сами для себя свою собственную священную книгу, свой собственный „кругъ чтенія“ и перестанемъ отдавать свои души во власть другихъ, кто бы они ни были и какъ бы они ни назывались, Сократомъ, Магометомъ, Кантомъ, Руссо, Ницше или Толстымъ. Будемъ любить этихъ величайшихъ мудрецовъ міра, будемъ признательны имъ за ихъ труды, но не будемъ преклоняться передъ ними, не будемъ склонять передъ ними наши головы и особенно наши души. Будемъ держать свои души въ своихъ собственныхъ рукахъ... Будемъ итти своимъ путемъ, который мы сами находимъ и сами себѣ указываемъ. И постараемся поставить дѣло образованія подрастающихъ поколѣній такъ, чтобы это молодое поколѣніе было свободно отъ „цѣпей невидимаго рабства“, которыми его стремятся опутать со всѣхъ сторонъ, чтобы, не связанное никакими мудрецами и никакими священными книгами, оно шло неуклонно и прямо къ своей высшей цѣли, осуществляло свою высшую волю и камень за камнемъ созидало бы зданіе будущаго свободнаго человѣчества, величественный храмъ свободной религіи и свободной нравственности.

\* \* \*

Можетъ показаться, что то, что проповѣдуетъ Толстой, является кореннымъ преобразованіемъ и всего строя общечеловѣческой жизни и всей системы нашего воспитанія и образованія. Но это только кажется. По существу же, Толстой остается все на той же плоскости, на какой стоитъ и та ненормальная, безумная жизнь, какъ ее называетъ Толстой, которую ведутъ современные люди, и та ложная система воспитанія и образованія, которая примѣняется по отношенію къ молодому поколѣнію, и которую онъ отрицаетъ. То, что предлагаетъ Толстой, измѣняетъ только формы жизни, формы воспитанія и образованія, но сущность ихъ, ихъ методы остаются неизмѣнными. На чёмъ основана современная жизнь? На принципѣ авторитета, на іерархіи, на подчиненіи однихъ и господствѣ другихъ. Уничтожается ли это съ принятиемъ того, что проповѣдуетъ Толстой? Ни въ малѣйшей степени: остается все то же господство однихъ и подчиненіе другихъ, та же іерархія, то же владычество авторитета, измѣняется только форма всего этого. На мѣсто существующихъ формъ авторитета ставится авторитетъ вѣчной и абсолютной истины, на мѣсто существующей іерархіи—іерархія по степени познанія этой вѣчной и абсолютной истины и проникновенія ею; на мѣсто существующихъ формъ господства и подчиненія — господство мудрѣйшихъ, великихъ „учителей“ жизни и подчиненіе всѣхъ остальныхъ миллионовъ человѣчества этимъ мудрецамъ, на мѣсто прежняго грубаго насилия—„цѣпи невидимаго рабства“, мягко накладываемыя на человѣческую душу путемъ внушенія, проповѣди и пр.

Такимъ образомъ, по существу, между современною системою жизни и воспитанія, которую осуждаетъ Толстой, и тою, которую онъ проектируетъ, нѣть коренной, существенной разницы. Основы остаются тѣ же. Новую основу жизни мы дѣйствительно имѣли бы только въ томъ случаѣ, если бы смѣло и рѣшительно аппелировали къ свободной индивидуальной человѣческой личности, какъ фундаменту новыхъ формъ жизни и воспитанія, къ освобожденію творческихъ силъ души въ каждой личности, какъ новому методу, кото-

раго надо держаться и въ области жизни, и въ сферѣ воспитанія и образованія. На этой новой основѣ и при примѣненіи этого нового метода только и могутъ вырасти новые формы жизни, воспитанія и образованія, которые будутъ кореннымъ и существеннымъ образомъ отличаться отъ существовавшихъ и существующихъ въ настоящее время. Но надо для этого исходить не отъ отвлеченного человѣка вообще и даже не изъ понятія „человѣчества“, потому что человѣчества, какъ одного, единаго цѣлого, въ дѣйствительности еще не существуетъ, а отъ конкретнаго индивидуального человѣка, отъ признанія за нимъ права на свободное строительство жизни и свободное творчество всего того, что онъ считаетъ своими высшими сокровищами, на свободное исканіе истины безъ обязательства признавать что-либо за абсолютную истину, сколько бы мудрецовъ ни свидѣтельствовали намъ, что это—абсолютная и вѣчная истина. Надо конкретнаго индивидуального человѣка освободить отъ всякаго навязаннаго ему руководительства. И когда каждая человѣческая личность будетъ сама руководить собою, и вся система воспитанія и образованія будетъ ее вести къ этому, тогда мы, на самомъ дѣлѣ, обрѣтемъ новую основу жизни, а что вырастетъ на этой основѣ, какъ обновится вся жизнь и личная, и общественная, какія возвышенныя, благородныя формы она пріобрѣтетъ, какія новые цѣнности создастъ, это намъ трудно даже и предугадать. Конкретная индивидуальная человѣческая личность—это нервъ жизни человѣчества. И если мы, вмѣсто того, чтобы умерщвлять этотъ нервъ, дадимъ ему возможность дѣйствительно стать первомъ жизни человѣчества, тогда и жизнь широкой волной разольется среди человѣчества, и оно представятъ, какъ нѣчто живое, солидарное въ истинномъ смыслѣ этого слова, какъ одно гармоническое цѣлое, состоящее изъ самобытныхъ индивидуальностей, свободно соединенныхъ другъ съ другомъ узами братства. Человѣчество въ настоящее время есть только задача, которая должна быть осуществлена, которая явится вѣнцомъ и результатомъ долгаго процесса развитія, но не можетъ быть исходною и отправною точкою. Исходною и отправною точкою можетъ быть только конкретный индивидуальный человѣкъ.

Только путемъ освобожденія индивидуального человѣка какъ взрослого, такъ и ребенка, путемъ построенія всей системы жизни и всей системы воспитанія и образованія такимъ образомъ, чтобы они вели къ наибольшему подъему и наибольшему расцвѣту творческихъ силъ въ каждой человѣческой личности, мы придемъ къ созданію „новаго человѣчества“, къ тому, что можно будетъ назвать человѣчествомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Человѣчество — имя, отъ котораго боятся усиленно наши сердца, перестанетъ быть только словомъ, а станетъ громаднымъ реальнымъ фактомъ, всю глубину и все значеніе котораго ёдвали мы въ состояніи теперь даже и измѣрить.

\* \* \*

Заканчивая свою статью, я сознаю, что далеко не исчерпалъ всего того, что можно было бы сказать по поводу затронутаго мною вопроса и по поводу мыслей, высказанныхъ Л. Н. Толстымъ въ своей статьѣ-письмѣ „О воспитаніи“. Считаю необходимымъ сдѣлать еще только одно замѣчаніе.

Толстой 60-хъ годовъ оставилъ намъ богатое наслѣдство педагогическихъ идей, которыя навсегда сохранятъ свою непреходящую цѣнность. Кто краснорѣчивѣе его доказалъ, что „воспитаніе, какъ умышленное формирование людей по известнымъ образцамъ, неплодотворно, незаконно, невозможнѣ!“ (Полное собр. сочиненій, т. VIII, стр. 103). И вотъ теперь приходится съ грустью видѣть, какъ Толстой нашихъ дней своими собственными руками стремится разрушить то, что въ его педагогическихъ сочиненіяхъ шестидесятыхъ годовъ имѣть наибольшую цѣнность. Эти-то взгляды Толстого шестидесятыхъ годовъ истинные друзья Толстого и должны были бы взять подъ свою защиту противъ Толстого послѣдняго времени. Не всегда то, что является позднѣйшимъ твореніемъ писателя, бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе цѣннымъ. Это примѣнительно ко всякому писателю, а слѣдовательно и къ Толстому, и эту истину не слѣдовало бы никогда упускать изъ вида.

Подводя итоги своей статьи и резюмируя все мною сказанное, на вопросъ — въ чемъ основа воспитанія и образова-

нія—я отвѣчу: единственою истинною основою образованія можетъ быть только сама индивидуальная личность, объ образованіи которой идетъ дѣло. Не религіозно-нравственное, т.-е., не пропитанное духомъ религіи и нравственности, не общечеловѣческое или гуманное, т.-е., имѣющее въ виду отвлеченнаго человѣка вообще, не какое-либо иное,— но индивидуальное образованіе, покоющееся на самобытной, своеобразной личности ребенка, должны мы давать нашимъ дѣтямъ, если мы хотимъ имъ дать истинное и настоящее образованіе. Всякое другое образованіе есть суррогатъ образованія, есть фальшивый брилліантъ, который обманываетъ своимъ ложнымъ блескомъ. И только реформа воспитанія и образованія какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ въ направленіи все большаго индивидуализированія, все большаго духовнаго освобожденія какъ ребенка, такъ и взрослого отъ „дѣней невидимаго рабства“ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ всеобщее коренное обновленіе существующей ненормальной личной и общественной жизни.

---

## **Этика, педагогика и политика<sup>1)</sup>.**

Три сферы человѣческой дѣятельности,—дѣятельность, направленная на осуществленіе нравственного идеала, дѣятельность, имѣющая въ виду воспитательныя задачи, и дѣятельность, ставящая своею цѣлью измѣненіе формъ общественной жизни,—являются одними изъ важнѣйшихъ формъ человѣческой дѣятельности вообще, и потому и вопросъ о томъ взаимномъ отношеніи, которое существуетъ между ними, представляеть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ для человѣка первостепенное значеніе. Тремъ этимъ сферамъ дѣятельностей соотвѣтствуютъ три научныя дисциплины—этика, педагогика и политика,—и потому возникаетъ еще вопросъ о томъ отношеніи, которое существуетъ между этими тремя дисциплинами. Ниже мы и попытаемся намѣтить путь къ разрѣшенію этихъ обоихъ вопросовъ, рассматривая ихъ въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ.

Итакъ, спрашивается, существуетъ ли какое-либо необходимое соотношеніе, какая-либо тѣсная связь между этими тремя родами дѣятельностей—этической, педагогической и политической—или это совершенно обособленныя другъ отъ друга и вполнѣ независимыя области дѣятельностей? Могутъ ли они быть объединены въ одно гармоническое цѣлое или, наоборотъ, при всякой попыткѣ ихъ сліянія и соединенія мы натолкнемся на непреодолимыя препятствія? Вопросы эти для каждого сознательного человѣка представляются въ высшей степени важными, потому что на каждомъ лежитъ этическая, педагогическая и политическая миссія, если можно такъ выражаться, и разобраться въ этихъ миссіяхъ и сумѣть ихъ со-

---

<sup>1)</sup> Статья эта была помѣщена въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1906 г., № 3.

гласовать между собою, чтобы придать своей дѣятельности характеръ единства, является существенно необходимымъ для всякой сознательной личности, желающей, чтобы жизнь ея въ цѣломъ и въ каждой изъ названныхъ областей имѣла наиболѣе плодотворный характеръ, была бы въ наибольшей возможной степени богата положительными результатами. Въ этой задачѣ отдѣльной личности должны помочь этика, педагогика и политика, и онъ ей помогутъ, если только каждая изъ этихъ научныхъ дисциплинъ будетъ пытаться вступить въ тѣсную связь съ каждой изъ другихъ и опредѣлить формы того взаимного отношенія, при которомъ бы онъ составили одно гармоническое цѣлое.

Для лучшаго разрѣшенія поставленной нами себѣ такимъ образомъ задачи мы разсмотримъ сначала въ отдѣльности каждый изъ названныхъ видовъ дѣятельности, попытаемся опредѣлить ея цѣль, а въ связи съ этимъ и тѣ основныя проблемы, разрѣшеніемъ которыхъ должны заниматься практическія научныя дисциплины—этика, педагогика и политика, назначеніе которыхъ состоять въ томъ, чтобы облегчить человѣку достиженіе цѣлей въ соответствующихъ имъ областяхъ дѣятельности. Только, послѣ такого разсмотрѣнія каждого изъ названныхъ видовъ дѣятельности въ отдѣльности намъ станетъ ясной и та взаимная связь, которая существуетъ между ними, и то гармоническое согласіе, какое здѣсь можетъ быть установлено.

## I.

### **Общая характеристика нравственной дѣятельности. Основная проблема этики.**

Что такое этическая, или нравственная дѣятельность? какова ея природа и какова ея естественная цѣль, вытекающая изъ самой природы этой дѣятельности, а не навязанная ей извнѣ и потому самому чуждая ея природѣ или даже идущая съ ней въ разрѣзъ? Чтобы ясно понимать природу этой дѣятельности, надо помнить, что этической дѣятельность человѣка можетъ являться только въ той мѣрѣ, въ какой она носить сознательный волевой характеръ, въ какой мы здѣсь имѣемъ сознательную постановку со стороны человѣка тѣхъ

или другихъ цѣлей и сознательное стремленіе къ ихъ достиженію. Поскольку же дѣятельность человѣка носить автоматической, непроизвольный характеръ, поскольку нелѣбо было бы прилагать къ ней и эпитетъ „этической“. Она является тогда не болѣе этической по своимъ качествамъ, чѣмъ паденіе какого-нибудь камня на землю или движеніе крови въ артеріяхъ и венахъ.

Но всякая ли сознательная волевая дѣятельность тѣмъ самимъ, что здѣсь имѣть мѣсто сознательная постановка цѣли и сознательное стремленіе къ ея достиженію, становится дѣятельностью этической? Нѣтъ, этого одного условія еще недостаточно. Этическая дѣятельность это есть высшая форма сознательной волевой дѣятельности, это есть та ея форма, при которой воля человѣка поднимается на высшую возможную ступень развитія и совершенства, это есть непрерывное движение человѣческой воли въ направленіи къ этому все большему и большему совершенству, путь къ которому опредѣляется и намѣчается самою природою ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно и опредѣлить, въ чемъ заключается естественное совершенство воли. Чѣмъ больше цѣлей она можетъ достигать и наряду съ этимъ, чѣмъ больше гармоніи между этими цѣлями, чѣмъ въ большей степени онѣ составляютъ одну систему, чуждую всякихъ противорѣчій внутри, тѣмъ большей высоты достигаетъ развитіе и совершенство человѣческой воли. Это послѣднее условіе, т.-е. наибольшая гармонія, является одновременно и факторомъ, обусловливающимъ наибольшее количество цѣлей, наиболѣе возможную широту той системы цѣлей, которая преслѣдуется человѣкъ, такъ какъ, чѣмъ больше гармоніи между цѣлями жизни, чѣмъ меньше между ними противорѣчій, тѣмъ меньше пропадаетъ волевой энергіи бесплодно, тѣмъ больше ее сберегается для новыхъ цѣлей болѣе сложныхъ и болѣе высокаго порядка. Безпредѣльное возможное расширение системы цѣлей человѣческой жизни и постоянное стремленіе внести гармонію, единство, цѣльность въ эту непрерывно расширяющуюся систему цѣлей и составляетъ то, что придаетъ человѣческой дѣятельности этическій характеръ.

Человѣческая дѣятельность становится этической въ той мѣрѣ, въ какой она руководится идеей внесенія гармоніи въ

безпредѣльно расширяющуяся систему цѣлей человѣческой жизни. Выше этой идеальной цѣли нельзѧ себѣ представить никакой другой. Всякая другая цѣль, которая предлагалась или могла бы быть предложена въ качествѣ высшаго критерія нравственности, включается въ эту самую высшую возможную цѣль человѣческой жизни и занимаетъ по отношенію къ ней подчиненное и служебное положеніе: она является только частью или составнымъ элементомъ этой высшей цѣли.

Если имѣть въ виду не тѣ субъективныя цѣли, которыя ставить себѣ человѣкъ въ своей дѣятельности, а тѣ, соотвѣтствующіе этимъ послѣднимъ, объективные результаты, которыхъ онъ достигаетъ при посредствѣ этой дѣятельности, то можно сказать, что человѣческая дѣятельность тѣмъ въ большихъ размѣрахъ принимаетъ этическій характеръ, чѣмъ болѣе она стремится стать плодотворной по своимъ результатамъ. Наиболѣе же плодотворной она дѣлается въ той мѣрѣ, въ какой она объединяется, становится цѣльной, единой, въ какой отдельныя ея части стремятся составить одно гармоническое цѣлое. Каждый сознательный поступокъ человѣка, каждое его дѣло въ этомъ смыслѣ можетъ пріобрѣсти этическій характеръ, поскольку при его совершеніи человѣкъ имѣеть въ виду всю свою возможную дѣятельность, поскольку это дѣло является только составною частью громаднаго дѣла всей его жизни. Стремленіе изъ всѣхъ маленькихъ частныхъ обособленныхъ дѣлъ нашей жизни сдѣлать одно дѣло поднимаетъ эти маленькия дѣла до степени одного великаго громаднаго нравственного дѣла и даетъ каждому изъ нихъ нравственную окраску. Такимъ образомъ, вся наша дѣятельность можетъ и должна становиться этической, если только она двигается въ направленіи все къ большему и большему совершенству, т.-е. все къ большему гармоническому объединенію и вмѣстѣ съ тѣмъ расширѣнію до предѣловъ возможнаго.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе еще на одну очень важную сторону дѣла, выражющую ту же истину, только въ нѣсколько другой формѣ. Нравственная дѣятельность есть дѣятельность, заключающаяся въ сознательной постановкѣ цѣлей и въ сознательномъ стремленіи къ ихъ достижению. Слѣдовательно, это есть дѣятельность творческая въ высшемъ

ея значеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ это есть дѣятельность, путемъ которой реализуется свобода человѣческой воли, та реальная и фактическая свобода, которою располагаютъ люди, хотя и въ различной степени, и которая состоитъ ни въ чёмъ иномъ, какъ въ способности ставить сознательно цѣли и стремиться сознательно къ ихъ достижению. И чѣмъ болѣе человѣкъ въ постановкѣ цѣлей освобождается отъ соображеній минуты, чѣмъ болѣе онъ становится на точку зрѣнія всей своей жизненной сознательной дѣятельности, чѣмъ болѣе онъ имѣеть въ виду всѣ возможныя цѣли своей жизни при совершенніи того или другого отдѣльного поступка, тѣмъ въ большей мѣрѣ и воля его становится свободной.

Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе дѣятельность человѣка принимаетъ этическій характеръ, тѣмъ больше воля человѣка подвигается на пути къ свободѣ. Разматриваемый съ этой точки зрѣнія процессъ этизированія человѣческой личности и ея дѣятельности есть процессъ ея растущаго самоосвобожденія для творческой сознательной работы, становящейся все болѣе широкой, плодотворной и гармоничной. Личность все болѣе освобождается въ своей волевой дѣятельности отъ всѣхъ формъ внутренняго и внѣшняго принужденія и все болѣе становится свободнымъ сознательнымъ творцомъ своей собственной жизни. Конечно, абсолютная нравственность и абсолютная свобода недостижимы, но каждый человѣкъ можетъ въ большей или меньшей степени подняться по направленію къ нимъ, и чѣмъ больше мы прилагаемъ усилий къ гармонизированію цѣлей жизни и нашихъ дѣятельностей, тѣмъ болѣе мы и успѣваемъ въ этомъ.

Изъ этой общей характеристики этической дѣятельности человѣка намъ не трудно теперь опредѣлить и ту главную проблему, надъ разрѣшенiemъ которой должна работать этика. Этика, какъ практическая научная дисциплина, должна облегчить человѣку выполненіе имъ его этической задачи, его этической миссіи, которая заключается въ томъ, чтобы гармонизировать всѣ цѣли жизни, чтобы слить ихъ въ одно цѣлое, чтобы въ сей человѣческой дѣятельности придать рхаактеръ единства, чуждаго всякихъ внутреннихъ противорѣчій. Какъ она можетъ этого достигнуть? Для успешнаго выпол-

ненія этого выпадающего на ея долю дѣла, она должна собрать и систематизировать весь тотъ богатый фактическій материалъ, который ей доставляетъ исторически развивающееся моральное сознаніе и опытъ всего человѣчества и который только въ состояніи помочь отдѣльному человѣку или болѣе или менѣе широкой группѣ солидарно дѣйствующихъ людей въ дѣлѣ уясненія ими выпадающей на ихъ долю этической задачи.

. Но при этомъ надо всегда помнить, что этическія задачи людей неодинаковы и разнятся отъ человѣка къ человѣку и отъ группы къ группѣ. Этика не даетъ готовыхъ рѣшеній: каждый человѣкъ и каждая группа людей должны самостоятельно найти эти рѣшенія, это—дѣло ихъ свободной творческой работы, ихъ свободной творческой мысли индивидуальной или коллективной. Но этика можетъ облегчить эту свободную творческую работу мысли, собравъ все то, что въ этомъ смыслѣ уже накоплено этическимъ опытомъ и этическою мыслью всего человѣчества, такъ чтобы каждому отдѣльному человѣку не приходилось начинать и сызнова съ громадною, но непроизводительною затратою энергіи продѣлывать ту работу, которая уже продѣлана человѣчествомъ въ лицѣ многихъ поколѣній, жившихъ до него. Усвоивъ при помощи этики съ наименьшою затратою духовныхъ силъ результаты этой многовѣковой этической работы всего человѣчества, отдѣльный человѣкъ можетъ начать эту работу съ того пункта, на которомъ она остановилась, достигнуть болѣе быстрымъ и легкимъ путемъ уясненія себѣ своей этической задачи и такимъ образомъ сберечь духовныя силы для ея реального выполненія.

Этика должна указать намъ всѣ возможныя цѣли человѣческой жизни, насколько онѣ намѣчаются уже накопленнымъ моральнымъ опытомъ человѣчества, должна подробно описать, классифицировать, систематизировать ихъ и показать то взаимное отношеніе, которое существуетъ между ними, ихъ связь и зависимость другъ отъ друга, ихъ соподчиненіе или противорѣчіе,—другими словами, то мѣсто, которое выпадаетъ на долю каждой особенной группы цѣлей въ этомъ ряду всѣхъ возможныхъ цѣлей, до сознанія кото-

рыхъ достигло этически развивающееся человѣчество. Но она не въ состояніи указать отдельному человѣку его системы цѣлей, той особенной системы цѣлей, выполненіе которой составляетъ задачу его жизни, это—дѣло его личаго творчества, это—дѣло его свободной мысли, это—дѣло освобожденія его воли. Самое большее, къ чѣму этика, какъ практическая научная дисциплина о цѣляхъ человѣческой жизни, рассматриваемыхъ въ ихъ совокупности, въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, можетъ стремиться, это къ тому, чтобы эти цѣли свести къ единству, объединить ихъ въ одно цѣлое, чуждое противорѣчій, создать изъ нихъ одну гармоническую систему, которая могла бы имѣть общее значеніе, поскольку люди имѣютъ между собой общаго, предоставивъ затѣмъ каждой личности индивидуализировать эту систему путемъ творческой работы мысли, поскольку каждый человѣкъ является индивидуальностью, рѣзко отличающейся отъ остальныхъ людей.

Изъ того опредѣленія задачи этики, которое здѣсь сдѣлано, естественно вытекаетъ и опредѣленіе того отношенія, въ какомъ стоитъ этика къ другимъ практическимъ дисциплинамъ. Этика изслѣдуетъ цѣли общечеловѣческой жизни во всей ихъ совокупности; болѣе детальное специализированное изслѣдованіе каждой однородной группы цѣлей составляетъ предметъ отдельныхъ научныхъ практическихъ дисциплинъ—педагогики, политики и т. д. То, чѣмъ является теоретическая философія по отношенію къ отдельнымъ областямъ теоретического знанія, тѣмъ является этика по отношенію къ различнымъ областямъ прикладного практического знанія. Этика есть практическая философія всего прикладного практического знанія или искусства, какъ называютъ его, понимая слово искусство здѣсь въ самомъ широкомъ его смыслѣ. Она всѣ отдельные искусства, практикуемые человѣкомъ, стремится свести къ единству, стремится обнять и охватить ихъ въ одномъ гармоническомъ цѣломъ, стремится каждому искусству указать его мѣсто и роль въ человѣческой жизни, стремится всѣ искусства гармонизировать между собой, какъ составные части одного великаго, громаднаго и самаго важнаго искусства,—искусства наибол-

лье совершенной человѣческой жизни. Отдельные искусства преслѣдуютъ цѣль улучшенія тѣхъ или другихъ сторонъ человѣческой жизни, этика ставить своею цѣлью улучшеніе всей человѣческой жизни, рассматриваемой въ ея цѣломъ. Всѣ науки и всѣ искусства несутъ свою дань этикѣ въ разрѣшеніи этой самой великой, важной задачи.

Изъ всего предыдущаго становится яснымъ, въ какомъ отношеніи педагогическая и политическая дѣятельность стоять къ дѣятельности этической и какое положеніе занимаютъ соответствующія имъ научныя дисциплины—педагогика и политика—по отношенію къ этикѣ. Мы видѣли выше, что этическій идеалъ и для отдельной личности и для однородной группы ихъ, составленной изъ личностей, этическіе идеалы которыхъ въ общемъ совпадаютъ, охватываетъ всѣ цѣли ихъ жизни, только сведенныя къ единству. Такимъ образомъ и цѣли педагогического, и цѣли политического характера, и цѣли, предметомъ которыхъ являются воспитательные задачи, и цѣли, предметомъ которыхъ является реорганизація общественной жизни въ томъ или другомъ отношеніи, входять въ составъ этическаго идеала. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого слѣдуетъ, что педагогическая и политическая дѣятельность составляютъ только часть болѣе широкой все объемлющей этической дѣятельности.

Вся дѣятельность человѣка должна носить этическій характеръ, т.-е. должна быть гармонизирована, а слѣдовательно въ томъ числѣ и дѣятельность педагогическая и дѣятельность политическая; къ этому неизбѣжно ведеть естественное развитіе какъ индивидуальной, такъ и коллективной человѣческой воли, поскольку оно совершается въ соотвѣтствіи съ ея природой. Другими словами, дѣятельность педагогическая и дѣятельность политическая, какъ имѣющія въ виду только часть цѣлей человѣческой жизни, должны быть согласованы со всею системою цѣлей человѣческой жизни. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что онъ должны быть этицированы. И вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогика и политика должны занять, такимъ образомъ, по отношенію къ этикѣ подчиненное положеніе, должны пріобрѣсти въ этомъ смыслѣ этическій характеръ (этическая педагогика, этическая поли-

тика). И въ этомъ ничего нѣтъ страшнаго и опаснаго для этихъ наукъ, если только этика понимается въ томъ широкомъ и научномъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляли это слово, если только она разрываетъ самыи рѣшительнымъ образомъ всякую связь съ теологіей и метафизикой и становится практической дисциплиной о совершенномъ человѣческомъ поведеніи, рассматриваемомъ во всемъ его цѣломъ, поскольку это поведеніе согласуется съ природою человѣческой воли, какъ ее открываетъ намъ научная психологія.

## II.

### **Общая характеристика педагогической дѣятельности. Основная проблема педагогики.**

Перейдемъ теперь къ детальному разсмотрѣнію педагогической дѣятельности и тѣхъ основныхъ проблемъ, которыя возникаютъ въ области педагогики. Что является главною основною цѣлью педагогической дѣятельности, не той цѣлью, которую педагогическая дѣятельность во многихъ, вѣрнѣе сказать — въ большинствѣ, случаяхъ, преслѣдуетъ фактически, но той, которую она должна бы была преслѣдовать, той, которая естественно вытекаетъ изъ природы существа, являющагося объектомъ воспитанія, того маленькаго человѣка въ зародышѣ или ребенка, на котораго главнымъ образомъ устремляются всѣ усилия какъ профессиональныхъ, патентованныхъ педагоговъ, такъ и тѣхъ естественныхъ педагоговъ, педагоговъ по необходимости, каковыми являются родители? Въ настоящее время педагогическая дѣятельность сводится къ дрессировкѣ, пропитана характеромъ догматизма, авторитаризма и принужденія и имѣть своей задачей не столько созданіе совершенного человѣка, сколько приспособленіе личности къ жизни въ существующемъ несовершенномъ обществѣ,—но истинныя задачи воспитанія остаются почти въ полномъ пренебреженіи. Надъ педагогическою дѣятельностью, какъ она практикуется въ настоящее время и въ особенности у насъ въ Россіи, все еще тяжелымъ гнетомъ висить влияніе той средневѣковой педагогики, которая, какъ ее характеризуетъ Летурно въ

своей книгѣ „Эволюція воспитанія“, заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы „внѣдрять въ юные умы доктрины и изуродованную науку, внушать имъ уваженіе къ словамъ и презрѣніе къ фактамъ, возиться до одурѣнія съ мертвыми языками и бредить со старою схоластикой“. „Устранило ли наконецъ это зло?“ спрашиваетъ онъ. „Имѣемъ ли мы основаніе думать и говорить, что это устарѣлое воспитаніе, поставившее своей задачей не освобождать и подстрекать, а порабощать и обременять умы,—что оно скончалось наконецъ и исчезло навсегда? Увы, слишкомъ рано еще торжествовать победу. Да! зло ослаблено, но еще далеко не исчезло“ <sup>1)</sup>.

Въ чемъ же заключаются истинныя задачи воспитанія? Прекрасно одна, по крайней мѣрѣ, сторона этихъ задачъ формулирована въ книгѣ Л. Вольтмана „Система морального сознанія“, и я позволю себѣ привести это мѣсто, „Воспитывать—значитъ развивать“, говорить Вольтманъ. „И какъ цѣль исторіи заключается въ свободѣ, къ которой она приводить, такъ цѣлью отдѣльной жизни должно быть самоосвобожденіе. Воспитывать—значитъ освобождать... Воспитатель, поскольку онъ развиваетъ и освобождаетъ, долженъ вести воспитанника къ самоосвобожденію... Воспитатель не долженъ быть господиномъ и правителемъ, онъ долженъ занимать мѣсто руководителя и указателя. Онъ долженъ воспитывать къ самовоспитанію. Воспитанникъ долженъ сознавать свой ростъ и развитіе, какъ свое собственное дѣло, по отношенію къ которому воспитатель стоитъ въ сторонѣ, какъ совѣтникъ и помощникъ“ <sup>2)</sup>.

Это прекрасное опредѣленіе Вольтманомъ истинного характера педагогической дѣятельности должно быть только восполнено указаніемъ на тѣ цѣли, на которыхъ естественно направится самовоспитаніе, на ту задачу, которую себѣ естественно поставить развивающаяся въ направленіи къ

1) Ш. Летурно. Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческихъ расъ. Спб., 1900 г., стр. 440.

2) Л. Вольтманъ. Система морального сознанія въ связи съ отношеніемъ критической философіи къ дарвинизму и соціализму. Спб., 1901 г., стр. 311—312.

большой и большей свободы воля ребенка. Освобожденная от всякого внешнего стеснения и гнета, воля ребенка устремится в направлении все большего и большего совершенства, в направлении расширения сферы своей деятельности и внесения в нее больше гармонии. Но этот естественный путь есть тот путь, который ведет к нравственному совершенству, к подготовке в выполнении своей этической задачи. Таким образом, педагогическая деятельность, ставящая своею целью освободить волю ребенка, открыть широкий простор для его свободной творческой активности, тем самым ставить своею задачею и сделать его возможно скорее способным к нравственному самовоспитанию, к усовершенствованнию себя в нравственном отношении, к выполнению выпадающей на его долю этической задачи. Содействие в этом смысле воспитаннику в осуществлении его этической задачи составляет одну из важных целей воспитания. Дополняя определение Вольтмана, мы можем сказать, что в педагогической деятельности главная основная цель заключается в содействии освобождению ребенка и вообще личности, являющейся объектом воспитания, для свободной творческой работы над своим собственным воспитанием, для самовоспитания, которое будет иметь свою целью сделать из себя совершенного человека, способного стать в наибольшей возможной степени свободным творцом и плодотворным работником в деле выполнения выпадающей на его долю этической задачи.

В связи с этим и основная проблема, над разрешением которой должна работать педагогика, имеющая виду облегчить человеку его истинную педагогическую деятельность, это — проблема освобождения ребенка для подобной творческой работы. Педагогика должна нам указать все условия, необходимые для этого освобождения, все условия, которые дают возможность жизни ребенка свободно развертываться в направлении все большого совершенства и все более успешного выполнения своей этической миссии; она должна нам указать способы для избежания всякого гнета и насилия, которые могли бы стеснить свободное раз-

витіє ребенка и направить его по пути, идущему въ разрѣзъ съ его индивидуальною природою и тѣми требованіями, которыя ему ставить плодотворное выполненіе этической задачи. Истинная педагогическая дѣятельность будетъ стремиться упразднить всякий гнетъ и всякое насилие со своего пути, потому что гнетъ и насилие, въ какихъ бы смягченныхъ формахъ они ни выступали, по существу своему антипедагогичны и антиэтичны и ведутъ не къ развитію, а къ задержкѣ развитія, не къ развертыванію духовныхъ силъ, а къ ихъ искаженію и умаленію. Эволюція воспитанія въ исторіи человѣчества должна будетъ привести въ концѣ-концовъ къ такой системѣ воспитанія и воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, въ которыхъ элементъ принужденія будетъ устраненъ или совершенно, или сведенъ къ минимуму.

Но это устраненіе принудительного начала, это признаніе полной свободы за личностью ребенка, эта забота о томъ, чтобы его развитіе совершалось свободно, самопроизвольно, вслѣдствіе побужденій, исходящихъ изъ внутренней природы ребенка, а не вслѣдствіе давленія извнѣ, чтобы оно являлось результатомъ сознательныхъ и планомѣрныхъ усилий самого ребенка, нисколько не означаетъ отказъ воспитателя отъ активнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія, нисколько не ведетъ къ практикѣ „laissez faire, laissez passer“ въ этой области. Напротивъ того, для активной дѣятельности воспитателя здѣсь открывается даже болѣе широкое поприще, но только перемѣщается центръ тяжести ея. Вместо того, чтобы дѣйствовать прямо на воспитанника, воспитатель дѣйствуетъ на окружающую воспитанника среду, стараясь, чтобы она была тѣмъ чистымъ воздухомъ и той здоровой почвой, благодаря которымъ его свободное самопроизвольное развитіе пошло бы нормальнымъ путемъ. Методъ прямого, непосредственного воздействиія на ребенка, которое граничило часто съ насилиемъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ развитія человѣчества, все болѣе будетъ замѣняться методомъ косвенного воздействиія. Конечно, до какихъ предѣловъ удастся свести это прямое воздействиіе къ косвенному, это—вопросъ, который въ каждомъ частномъ случаѣ будетъ решаться различно, но идеа-

ломъ, къ которому въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должна стремиться педагогическая дѣятельность, является, во всякомъ случаѣ, сведеніе, если это возможно, безъ остатка, прямого вліянія къ косвенному, т.-е. устраненіе всего, что имѣть хоть какую-нибудь тѣнь принужденія.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ педагогическая дѣятельность будетъ принимать этотъ характеръ, въ сознаніе людей все болѣе будетъ проникать та истина, что къ педагогической дѣятельности причастны всѣ люди и никто не можетъ и не долженъ уклоняться отъ исполненія своей педагогической миссіи, отъ выполненія тѣхъ воспитательныхъ задачъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ освобожденіе молодого поколѣнія отъ всякаго гнета и принужденія въ дѣлѣ развитія его физическихъ и духовныхъ силъ и доставленія ему здоровой нормальной среды, въ которой бы эти силы могли свободно развернуться пышнымъ образомъ во всей своей полнотѣ до предѣловъ возможнаго. Каждая личность будетъ чувствовать, что, независимо отъ своего желанія, она является элементомъ той среды, въ которой вырастаетъ молодое поколѣніе, и будетъ все глубже сознавать свою нравственную обязанность быть здоровымъ элементомъ этой среды и вообще содѣйствовать оздоровленію ея въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ только это допускаютъ ея силы.

Истинная педагогическая дѣятельность станетъ общимъ дѣломъ всѣхъ людей, всего общества въ его цѣломъ, она станетъ выполнениемъ каждымъ изъ людей извѣстной доли, выпадающей на него этической задачи и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общее дѣло всѣхъ людей, приобрѣтеть самый широкій соціальный характеръ.

Но, ставши такимъ образомъ этической и соціальной, эта педагогическая дѣятельность не будетъ пре следовать ту цѣль, чтобы приспособить развивающуюся личность ребенка къ существующему общественному порядку, но чтобы содѣйствовать созданію типа высшей творческой личности, глубоко проникнутой идеальными началами общественности и могущей явиться однимъ изъ творцовъ идеального общества. Во имя возможности высшихъ совершенныхъ формъ общественности будутъ стремиться ограничить вліяніе на ребенка и

вообще на молодое поколение существующихъ несовершенныхъ общественныхъ формъ, которые часто имѣютъ тенденцію погасить въ ребенкѣ творческую мысль и творческую волю и сдѣлать его единицей въ стадѣ, не только не способной вести общество впередъ на пути развитія, но и упорно сопротивляющейся всяkimъ измѣненіямъ къ лучшему и пытающейся сохранить общественный строй въ неизмѣнномъ видѣ.

### III.

#### Общая характеристика политической дѣятельности. Основная проблема политики.

Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію дѣятельности политической и тѣхъ основныхъ проблемъ, надъ разрѣшенiemъ которыхъ должна работать политика. Что является истинною цѣлью политической дѣятельности, не той цѣлью, которая въ большинствѣ случаевъ преислѣдуется фактически членами различныхъ политическихъ партій или государственными людьми, стоящими у кормила политической власти, но той, которая должна бы была преислѣдоваться, той, которая естественно вытекаетъ изъ природы самого общества, являющагося объектомъ этой дѣятельности? Остановимся поэтому хотя бы въ общихъ чертахъ на природѣ общественной жизни.

Среди многихъ соціологовъ, начиная со Спенсера, существуетъ тенденція сравнивать общество съ организмомъ. Не оспаривая того, что многія явленія въ общественной жизни, повидимому, допускаютъ и оправдываютъ эту аналогію, мы тѣмъ не менѣе склоняемся больше къ тому взгляду, который защищается американскимъ соціологомъ Гиддингсомъ, согласно которому, „общество есть нечто большее, чѣмъ организмъ“, „есть нечто болѣе высокое и болѣе сложное, чѣмъ организмъ, подобно тому, какъ организмъ выше и сложнѣе, чѣмъ неорганическая матерія. Общество есть организація, отчасти созданіе безсознательной эволюціи, отчасти результатъ сознательного плана. Организація есть сложное изъ психическихъ отношеній.... Функція об-

щества состоить въ развитіи сознательной жизни и въ со-  
зданіи человѣческой личности”<sup>1)</sup>.

И съ этимъ нельзя не согласиться. Общество, по крайней мѣрѣ, человѣческое общество, общество въ его высшихъ формахъ существуетъ и развивается только благодаря психическому взаимодѣйствію, существующему между индивидуумами, составляющими данное общество. Безъ духовнаго общенія, безъ непрерывнаго воздействиія одного индивидуального сознанія на другое мы не имѣли бы общественной жизни въ высшемъ человѣческомъ значеніи этого слова. Человѣческое общество представляетъ намъ фактъ существеннымъ образомъ психического порядка, хотя это нисколько не исключаетъ того обстоятельства, что въ общественной жизни могутъ имѣть мѣсто явленія, представляющія сходство съ механическими или органическими процессами, но въ конечномъ счетѣ и эти всѣ явленія имѣютъ ту или другую психическую основу. Прежде всего и основнымъ образомъ человѣческое общество есть система индивидуальныхъ сознаній, находящихся въ процессѣ непрерывнаго взаимодѣйствія другъ съ другомъ. Психическая связь, психическое взаимодѣйствіе представляются основными условіями для существованія общественной жизни и тамъ, где они прекращаются, тамъ перестаетъ существовать и общество въ истинномъ смыслѣ этого слова. Характеръ этого психического взаимодѣйствія между личностями по существу своему не можетъ быть вполнѣ инымъ, чѣмъ характеръ того взаимодѣйствія между психическими состояніями и элементарными психическими процессами, какое имѣть мѣсто въ индивидуальномъ сознаніи. То, что имѣть значеніе для индивидуального сознанія, какъ одной изъ формъ психической жизни, несомнѣнно имѣть значеніе и для коллективного сознанія, для той системы сознаній, которую мы называемъ обществомъ, только оно обнаруживается здѣсь въ болѣе сложной формѣ и въ болѣе расширенномъ масштабѣ. Попробуемъ поэтому на основаніи того, что намъ даетъ научная психологія въ дѣлѣ пониманія природы индивидуального со-

1) Ф. Гиддингсъ. Основанія соціологіи. М., 1898, стр. 416, 417.

знанія, уяснить себѣ болѣе подробно природу общественной жизни, понимаемой какъ процессъ взаимодѣйствія между индивидуальными сознаніями.

Подобно тому какъ самая типическая форма ассоціаціи между психическими состояніями, согласно Гефдингу<sup>1)</sup>, есть ассоціація между цѣлымъ и частью, подобно этому и самая типическая форма общественной связи есть связь между цѣлымъ, т.-е. обществомъ и отдельнымъ членомъ его. И общество, и личность здѣсь реальны только въ своей живой связи. Не существуетъ отдельной обособленной личности, но и фикція общества, имѣющаго свое бытіе будто бы независимо отъ составляющихъ его личностей, также лишена всякаго значенія. Общество есть больше, чѣмъ простая сумма составляющихъ его личностей, подобно тому какъ индивидуальное сознаніе есть больше, чѣмъ простая сумма тѣхъ элементовъ, которые мы различаемъ въ немъ. Какъ сознаніе есть живой реальный синтезъ или непрерывный процессъ объединенія психическихъ элементовъ въ одно цѣльное индивидуальное сознаніе, носителемъ которого является отдельная личность, такъ и общество есть никогда не прекращающейся процессъ объединенія индивидуальныхъ сознаній или личностей все въ болѣе и болѣе широкое цѣлое. Пока продолжается этотъ процессъ объединенія, до тѣхъ поръ и существуютъ общество и общественная жизнь въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Нельзя оспаривать того, что общество есть и механическій агрегатъ, состоящій изъ частей, находящихся въ постоянномъ движениі другъ къ другу или другъ отъ друга, и что нѣкоторыя стороны общественной жизни допускаютъ подобную формулировку; нельзя оспаривать и того, что общество есть организмъ и что отдельные члены его могутъ быть до нѣкоторой степени сравнены съ органами, но главнымъ образомъ общество намъ представляеть систему сознаній, аналогичную той системѣ элементарныхъ психическихъ процессовъ, какою является передъ нами каждое

1) Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опыта. Спб., 1896, стр. 170.

индивидуальное сознаніе. Какъ здѣсь мы открываемъ на ряду съ никогда не прекращающимъ процессомъ организаціи психическихъ состояній и элементовъ, процессы уже совершившейся организаціи, процессы уже происшедшаго механизированія, т.-е. находимъ уже извѣстный образованійся организмъ психическихъ состояній, извѣстный механизмъ, который функционируетъ какъ бы самопроизвольно, потому что онъ повторяетъ только то, что было уже прежде,— такъ и общественная жизнь является намъ одновременно и организмомъ и механизмомъ извѣстныхъ общественныхъ дѣйствій и въ то же время процессомъ творческаго реальнаго синтеза, въ результатаѣ котораго является эта организація общественной жизни и механизированіе ея. Но совершившаяся организація общественныхъ элементовъ, созданный механизмъ общественныхъ отношеній являются только исходною точкою для еще болѣе широкой творческой общественной дѣятельности, для еще болѣе интенсивнаго процесса общественнаго синтеза.

И этотъ все болѣе углубляющійся и расширяющійся процессъ творческаго общественнаго синтеза связанъ вмѣстѣ съ тѣмъ все съ большимъ развитіемъ личностей въ смыслѣ все возрастающаго ихъ индивидуального разнообразія, что вполнѣ и объяснимо, если только развитіе общества, какъ системы сознаній, имѣетъ черты сходства съ развитіемъ индивидуальнаго сознанія. Подобно тому какъ въ индивидуальномъ сознаніи отдельные элементы тѣмъ болѣе ясно и отчетливо выступаютъ на его фонѣ, тѣмъ сильнѣе и интенсивнѣе сознаются, чѣмъ болѣе, чѣмъ шире и чѣмъ сильнѣе они связаны съ остальными элементами сознанія, подобно этому и личность тѣмъ болѣе является передъ нами какъ сознательный, своеобразный и самобытный индивидуумъ, чѣмъ болѣе она связана съ остальными личностями въ одно цѣлое. Какъ въ индивидуальномъ сознаніи чѣмъ шире и чѣмъ интенсивнѣе синтезъ, тѣмъ ярче и выпуклѣе выступаютъ отдельные элементы и составныя части сознанія, такъ и въ обществѣ— чѣмъ шире развита общественность, т.-е. чѣмъ шире самая система индивидуальныхъ сознаній и чѣмъ совершеннѣе она сливается въ одно гармоническое цѣлое, тѣмъ большаго раз-

витія вмѣстѣ съ тѣмъ достигаетъ и каждая отдельная личность, тѣмъ болѣе вырабатывается ея индивидуальный характеръ. Богатство соціальныхъ связей есть условіе наиболѣе пышнаго расцвѣта индивидуальности.

Мы видѣли выше, что процессъ общественной жизни есть процессъ непрерывнаго объединенія индивидуальныхъ сознаній въ одну гармоническую систему такихъ сознаній, находящихся въ непрерывномъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Попробуемъ выразить сущность этого процесса съ нѣсколькою иной стороны, имѣющей для насъ очень важное значеніе и ставящей насъ болѣе прямо и непосредственно съ конкретными общественными задачами. На всѣхъ ступеняхъ неизмѣнной основной сознательной жизни является воля. Дѣятельность составляетъ главное свойство сознательной жизни. „Если рассматривать волю въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ всякую дѣятельность, связанную съ чувствованіемъ и познаніемъ, то можно сказать, что вся сознательная жизнь, какъ въ фокусѣ, сосредоточена въ волѣ“<sup>1)</sup>. Развитіе сознанія, рассматриваемое съ этой стороны, явится развитіемъ воли все къ болѣе и болѣе высокимъ формамъ. Изъ низшихъ формъ активности вырабатывается мало-помалу та высшая активность, которая опредѣляется яснымъ сознательнымъ представлениемъ цѣли. Имѣя это въ виду, мы можемъ опредѣлить процессъ развитія общественной жизни, какъ процессъ непрерывнаго прогрессирующего объединенія индивидуальныхъ воль въ одну гармоническую систему, какъ процессъ сформированія и осуществленія одной коллективной общей воли, при чёмъ эта воля все въ большей и большей степени начинаетъ опредѣляться яснымъ представлениемъ цѣли, имѣющей быть достигнутой. И подобно тому, какъ человѣческая воля, опредѣляемая представлениемъ цѣли, становится тѣмъ болѣе совершенной, чѣмъ болѣе она начинаетъ руководиться не отдельною, изолированною цѣлью, чѣмъ болѣе, при ея постановкѣ, она начинаетъ принимать во вниманіе всю совокупность возможныхъ цѣлей жизни, гармонически связанныхъ между собою, объединенныхъ въ

1) Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опыте, стр. 102.

одну цѣльную систему, чуждую всякихъ противорѣчій, подобно этому и колективная общая воля достигаетъ тѣмъ большей высоты развитія, чѣмъ болѣе при постановкѣ той или другой общественной цѣли начинаетъ приниматься во вниманіе гармоническая совокупность всѣхъ возможныхъ цѣлей общественной жизни, объединенныхъ въ одну систему, чуждую противорѣчій. При этомъ развитіе общественной жизни связано не только съ возрастаніемъ гармоніи между цѣлями общественной жизни, но также и съ расширениемъ самой этой системы цѣлей.

Здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны отмѣтить одну очень важную и существенную черту всего этого процесса общественного развитія. Процессъ развитія организованной колективной воли и поднятія ея на все болѣе и болѣе высокія ступени въ этомъ развитіи отнюдь не означаетъ порабощенія индивидуальныхъ воль или личностей, входящихъ въ ея составъ. Наоборотъ, чѣмъ большая гармонія достигается въ области колективной воли, тѣмъ болѣе свободной и независимой дѣлается индивидуальная воля. Процессъ объединенія сознательно дѣйствующихъ личностей въ одно планомѣрно и сознательно дѣйствующее колективное цѣлое, которое въ конечномъ счетѣ должно обнять все человѣчество, есть процессъ все большаго раскрышенія личностей, процессъ все большаго расширенія сферы ихъ свободной сознательной дѣятельности. Соціализированіе индивидуальной воли ведеть не къ рабству ея, а только все къ большему и большему освобожденію. Высшей формой общественной жизни, къ которой, несмотря на всѣ отклоненія, не перестанетъ стремиться развитіе этой жизни на землѣ, является организованная и объединенная воля всего человѣчества, въ которой признается въ самомъ высшемъ возможномъ размѣрѣ цѣнность за каждой индивидуальной волей, входящей въ ея составъ. Чѣмъ болѣе это будетъ достигнуто, тѣмъ болѣе жизненной и устойчивой будетъ та форма соціальной жизни, которую въ концѣ-концовъ осуществить гармонической союзъ всего солидарнаго человѣчества.

Но чѣмъ болѣе организованная и объединенная колективная воля будетъ составляться изъ соединенія свобод-

ныхъ личностей, воля которыхъ является свободной въ наибольшей возможной степени, тѣмъ болѣе свободный характеръ будетъ носить и сама эта коллективная воля, тѣмъ болѣе будетъ плодотворна ея работа. И въ этомъ смыслѣ процессъ развитія общественной жизни есть процессъ все большаго освобожденія коллективной воли, есть процессъ завоеванія ею все большаго простора, все большей свободы для творческаго созданія все болѣе совершенныхъ формъ самой коллективной воли, коллективной дѣятельности, для созданія такихъ формъ, при которыхъ бы эта дѣятельность могла сбросить съ себя всякий гнетъ, гдѣ бы ни былъ его источникъ—внутри ли самого общества или внѣ его, и стать наиболѣе плодотворной по своимъ результатамъ.

Здѣсь надо обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство. Чѣмъ болѣе будетъ сознаваться, что высшая цѣль общественного развитія заключается въ созданіи свободной и сознательной гармонической коллективной воли, проявляющейся въ планомѣрной, чуждой всякихъ противорѣчій, коллективной дѣятельности, тѣмъ болѣе будетъ расти и убѣжденіе, что каждый человѣкъ долженъ принять участіе въ дѣлѣ созданія такой коллективной гармонической воли и въ дѣлѣ приданія ей возможно болѣе широкаго характера. Общественная или политическая миссія все болѣе будетъ сознаваться какъ такая, отъ которой никто изъ людей не въ правѣ устраниться, но въ которой каждый долженъ принять участіе, сообразно его способностямъ и имѣющимуся у него запасу духовныхъ силъ.

Изъ только что сдѣланной характеристики природы общественной жизни, которая много имѣеть общаго съ природой психической жизни, такъ какъ она покоится основнымъ образомъ на взаимодѣйствіи индивидуальныхъ сознаній, становится ясной и та основная проблема, надъ разрѣшеніемъ которой должна работать политика: это—проблема освобожденія общества для свободной творческой работы надъ собственнымъ усовершенствованіемъ. Определить условія свободного самопроизвольного сознательного роста общества въ направленіи къ формамъ наиболѣе совершенной идеальной общественности и способы достиженія этихъ условій—

вотъ задача, разрѣшеніемъ которой должна заниматься политика. Мы должны констатировать тотъ фактъ, что общество, какъ оно существуетъ теперь, каковы бы ни были тѣ разнообразныя формы, которыя оно принимаетъ, не свободно. Оно поднимается къ высшимъ формамъ жизни въ значительной степени не путемъ свободной творческой дѣятельности, а путемъ насилия и принужденія. Но насилие и принужденіе только тормозятъ и задерживаютъ нормальный ходъ развитія общества. Надо стремиться упразднить всякое насилие и всякое принужденіе изъ общественной жизни, надо сдѣлать развитіе общества самопроизвольнымъ, свободнымъ и сознательнымъ. Теоретическое разрѣшеніе этой проблемы должна поставить себѣ главной задачей политика, а къ практическому ея разрѣшенію мы должны стремиться путемъ политической дѣятельности. Такимъ образомъ, истинная политика ставить своей цѣлью созданіе свободного общества, освобожденіе общества отъ всѣхъ формъ гнета и насилия. Чѣмъ свободнѣе будетъ общество, тѣмъ быстрѣе оно будетъ подниматься къ высшимъ формамъ идеальной общественности, тѣмъ солидарнѣе оно будетъ и тѣмъ высшія формы получить солидарность его членовъ между собою, тѣмъ болѣе оно будетъ переходить отъ формъ механической, принудительной, насильственной солидарности къ формамъ солидарности свободной и сознательной.

Такимъ образомъ, цѣлью политической дѣятельности является такой порядокъ вещей, при которомъ бы люди могли свободно и сознательно, безъ всякихъ помѣхъ, творить новые формы идеальной общественной жизни. Цѣлью политической дѣятельности должно быть не стремленіе навязать людямъ какой-либо общественный строй, хотя бы этотъ общественный строй и казался намъ самою совершенною формою общественного устройства, а стремленіе создать такія условія при которыхъ бы новый совершенный строй общественной жизни могъ создаваться и твориться свободною сознательною волею всѣхъ людей. Какъ цѣлью воспитанія является созданіе наиболѣе благопріятныхъ условій для самовоспитанія, такъ цѣлью политической дѣятельности должно являться созданіе наиболѣе благопріятныхъ условій для свободной со-

знательной самопроизвольной эволюціи общества. Какъ въ области воспитанія всякий авторитетъ долженъ быть устраниенъ, а его мѣсто должно занять свободное, широкое, пропитанное творческимъ характеромъ общеніе съ людьми и природой, такъ и въ области политической дѣятельности надо стремиться къ упраздненію начала власти и къ замѣнѣ его свободно согласованной творческой солидарной работой болѣе или менѣе широкаго коллективнаго цѣлага. Политическая дѣятельность всѣ свои усилия должна направить на созданіе такихъ условій, при которыхъ бы эта свободная согласованность могла осуществляться наиболѣе быстрымъ и легкимъ способомъ и могла бы имѣть возможно болѣе широкій характеръ. Таковы должны быть конечныя задачи истинной политической дѣятельности, практикуется ли она государственнымъ человѣкомъ или членомъ какой-нибудь политической партіи.

#### IV.

### Взаимное отношеніе, существующее между этической, педагогической и политической дѣятельностями.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ этической, педагогической и политической дѣятельности человѣка, при чемъ рассматривали каждую изъ нихъ отдельно и независимо другъ отъ друга, теперь постараемся опредѣлить то взаимное отношеніе, которое существуетъ между ними. Для этого намъ придется снова вернуться къ тѣмъ опредѣленіямъ этихъ дѣятельностей и ихъ задачъ, которые были даны выше, и восполнить ихъ тѣми чертами, которые указывали бы на связь, существующую между каждою изъ этихъ дѣятельностей и каждою изъ остальныхъ.

Выше мы опредѣлили этическую дѣятельность, какъ дѣятельность самоосвобожденія для творческой сознательной работы надъ созданіемъ гармоніи во всемъ обширномъ царствѣ цѣлей человѣческой жизни. Но можно ли остановиться на этомъ опредѣленіи? Нѣтъ, оно является совершенно недостаточнымъ. Оно оставляетъ въ тѣни одинъ очень важный существенный моментъ этической дѣятельности, а именно

ея соціальну обусловленность. Предыдущее определение исходить, повидимому, изъ того предположенія, что сознаніе личности, что воля ея и что сама личность, какъ цѣлое, есть нечто независимое отъ соціальной жизни, нечто существующее само по себѣ, нечто самодовлѣющее. Предыдущее определение слишкомъ пропитано, если можно такъ выразиться, индивидуалистическимъ характеромъ, слишкомъ подчеркиваетъ точку зрења отдельной изолированной личности. Но отдельный изолированный индивидуумъ, какъ мы уже видѣли, это не болѣе какъ фикція. Каждая индивидуальность насквозь пропитана соціальными элементами и только благодаря имъ и можетъ стать вполнѣ развитою индивидуальностью и можетъ подняться до высшихъ возможныхъ ступеней индивидуального совершенства. Внѣ соціальныхъ связей, внѣ соціального общенія личности не существуетъ и не можетъ существовать. Самосознаніе развивается только благодаря соціальному взаимодѣйствію индивидуальныхъ сознаній и точно такъ же воля человѣка становится творческой и свободной и приобрѣтаетъ этическій характеръ только благодаря соціальному взаимодѣйствію индивидуальныхъ воль.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что и этическая задача не есть только задача данной индивидуальной личности, не есть только ея личное, частное дѣло; этическая задача есть по существу своему и основнымъ образомъ соціальная и соціальна она въ двухъ отношеніяхъ. Она соціальна, по своему предмету, потому, что вышею ея цѣлью является совершенное общество; она соціальна по способу достиженія этой цѣли, потому что послѣдняя можетъ быть достигнута только путемъ колективной дѣятельности, въ которую дѣятельность отдельныхъ личностей, какой бы самобытный творческій характеръ она ни носила, входить только какъ составная часть.

Чтобы выразить этотъ соціальный характеръ этической задачи, мы должны внести поправки въ то ея определеніе, которое было дано выше. Этическая задача отдельной личности не ограничивается установлениемъ гармоніи между цѣлями ея жизни, въ нееходить, какъ важная составная часть, установление гармоніи между тѣми цѣлями, которыхъ ставятся

обществомъ, начиная съ того маленькаго общества, которое называется семьей, и кончая тѣмъ большимъ обществомъ, которое называется человѣчествомъ. И въ той мѣрѣ, въ какой въ нее входитъ эта послѣдняя цѣль, этическая задача перестаетъ быть индивидуальной задачей, а становится соціальной и въ конечномъ счетѣ общечеловѣческой задачей. Такимъ образомъ, этическая задача естественно и самопроявленно расширяется до высоты политической задачи. Политическая задача это есть высшая форма этической задачи, надъ разрѣшенiemъ которой работаетъ все болѣе расширяющійся кругъ людей; это есть этическая задача, которая выпадаетъ на долю каждого изъ людей, поскольку каждый сознаетъ и чувствуетъ себя какъ членъ болѣе или менѣе широкаго общественнаго цѣлага. Нравственная и политическая дѣятельность въ этомъ смыслѣ по существу своему составляютъ одно и то же, только въ одной на передній планъ выдвигается индивидуальный моментъ, а въ другой— соціальный, но та и другая въ равной мѣрѣ пропитаны и индивидуальными и соціальными элементами и въ реальной жизни и та и другая являются и должны являться нераздѣльными.

Одновременно съ этимъ этическая задача вырастаетъ и до высоты педагогической задачи. Каждый индивидуумъ не только составляетъ невыдѣлимый членъ болѣе или менѣе широкаго цѣлага, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находится и въ процессѣ непрерывнаго развитія. Каждый моментъ его жизни представляетъ невыдѣлимый членъ въ ряду цѣлой жизни, является переходомъ и подготовительною ступенью отъ его прошлаго къ будущему. Каждый актъ нравственной дѣятельности нась только подготавливаетъ и воспитываетъ для этой дѣятельности въ болѣе расширенномъ масштабѣ въ будущемъ. Этическая дѣятельность по существу своему имѣеть педагогический характеръ, является актомъ самовоспитанія. И чѣмъ болѣе отдельною личностью сознается это ея педагогическое значеніе, и чѣмъ болѣе планомѣрно и сознательно личность стремится въ силу этого, чтобы этическая дѣятельность приобрѣла для нея всю ту педагогическую цѣнность, которую она только можетъ пріобрѣсти, тѣмъ болѣе выигрываетъ отъ

этого и самая этическая деятельность въ своей широтѣ и въ своей плодотворности.

Но этическая дѣятельность пріобрѣтаетъ педагогический характеръ и въ другомъ отношеніи. Мы видѣли, что этическая задача отдельной личности все болѣе получаетъ социальный отпечатокъ и становится политической задачей, по мѣрѣ того какъ личность все сильнѣе и интенсивнѣе начинаетъ себя сознавать какъ часть болѣе или менѣе широкаго общественнаго цѣлага. Но на ряду съ этимъ личность вмѣстѣ съ другими личностями, живущими съ ней въ одно время, представляетъ звено въ цѣломъ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній, которая сменяютъ другъ друга въ процессѣ развитія человѣчества въ направленіи все къ высшимъ и высшимъ формамъ существованія и жизни. Этическая задача каждой отдельной личности, входящей въ составъ современаго поколѣнія, составляетъ только часть той общей задачи, которую решаетъ рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній людей. Этическая дѣятельность современаго поколѣнія должна облегчить будущимъ поколѣніямъ людей болѣе совершенное, полное и широкое разрѣшеніе этой общей этической задачи всего развивающагося человѣчества. Это пониманіе этической дѣятельности, какъ дѣятельности непрерывнаго ряда поколѣній, при чёмъ каждое поколѣніе несетъ свой вкладъ въ уясненіе и разрѣшеніе безпредѣльно растущей и расширяющейся этической задачи всего человѣчества, прокладываетъ путь къ сознанію педагогического характера этической дѣятельности еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ тѣ соображенія, которыя были приведены выше. Настоящее поколѣніе въ своей этической дѣятельности вліяетъ педагогически на будущее поколѣніе въ смыслѣ облегченія ему той расширенной и углубленной этической задачи, которая выпадетъ на его долю впослѣдствіи. И чѣмъ яснѣе будетъ сознавать это настоящее поколѣніе, тѣмъ болѣе его этическая дѣятельность будетъ принимать педагогическій характеръ въ смыслѣ планомѣрнаго содѣйствія будущему поколѣнію въ болѣе лучшемъ, болѣе широкомъ и глубокомъ пониманіи своей этической миссіи и большей подготовленности къ плодотворному ея выполненію.

Здѣсь находитъ свое объясненіе и та „любовь къ дальнему“, которую проповѣдалъ Ницше, и становится понятнымъ его страстный призывъ къ современному человѣчеству направить свои стремленія, свои поиски на еще неоткрытую еще неизвѣстную „страну дѣтей нашихъ“<sup>1)</sup>.

Какъ существуетъ тѣсная связь между этикой и политической и этикой и педагогикой, такъ не менѣе тѣсная связь существуетъ и между политикой и педагогикой, и сознаніе той связи все болѣе и болѣе прокладываетъ себѣ путь среди, совремѣнного человѣчества. Все болѣе и болѣе растеть и будетъ расти то убѣженіе, что политическія задачи должны быть координированы съ задачами воспитательными, что на политической строй, на государство и вообще на систему общественныхъ отношеній должно смотрѣть какъ на громадную школу, въ которой воспитывается новое человѣчество. И только подобный взглядъ на задачи политики даетъ возможность поставить ее на правильную почву. „Примѣръ римского права“, говоритъ Людвигъ Штейнъ въ своемъ сочиненіи „Соціальный вопросъ съ философской точки зренія“, „весъма убѣдительно доказываетъ, что правовымъ системамъ присуща воспитательная сила... Въ послѣдовательно устроенномъ правовомъ государствѣ право есть педагогія для взрослыхъ“ (стр. 599). И нѣсколькими страницами далѣе этотъ проповѣдникъ „правового соціализма“ пишетъ: „Римское право прямо воспитывало эгоистическую личность, а правовой соціализмъ своими учрежденіями воспитаетъ высшій типъ человѣка, человѣка соціального. Педагогическая способность, присущая государственнымъ учрежденіямъ, оказывается иногда дѣйствительнѣе теоретической школьнай педагогіи. Школа и церковь тщетно старались побѣдить въ насъ ветхаго Адама, а общественные учрежденія могутъ побѣдить его въ теченіе немногихъ десятилѣтій. Рожденные въ соціализированной средѣ люди гораздо легче побѣдять

1) „Что вамъ до родины! Туда стремится корабль нашъ, гдѣ земля дѣтей нашихъ! Туда болѣе стремительно, чѣмъ самое море, стремится великое желаніе наше!“ См. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Пер. Ю. Антоновскаго. Изд. 2-е. Стр. 288.

свои естественные личные интересы, чѣмъ мы, современные люди" (стр. 606).

И вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ болѣе будетъ проникать въ сознаніе людей эта идея о педагогическомъ значеніи правовыхъ и другихъ общественныхъ учрежденій и отношеній, тѣмъ болѣе будетъ падать и разрушаться вѣра въ то, что путемъ декрета, путемъ акта законодательной власти можно создать въ одинъ мигъ новый идеальный порядокъ вещей, такъ чтобы сразу наступило идеальное совершенное состояніе человѣчества. Декреты и законодательные акты имѣютъ только воспитывающее значеніе. И надо, чтобы эта воспитательная ихъ роль была ясно сознана. Они сами воспитываются, какъ источникъ новыхъ идей, новыхъ мотивовъ, но въ то же время и своимъ предметомъ они должны имѣть это воспитаніе. Они не должны задаваться цѣлью созданія окончательныхъ идеальныхъ учрежденій, но цѣлью созданія такихъ формъ жизни, которыя воспитали бы людей для этихъ идеальныхъ учрежденій. Когда подъ вліяніемъ этихъ формъ жизни общество получить новое воспитаніе, тогда рождаются самопроизвольно и естественно, путемъ свободной творческой дѣятельности составляющихъ общество новыхъ идеальныхъ личностей, а не путемъ декрета правительственной власти, и новая идеальная учрежденія. Направляемая этой-кою и имѣя въ виду воспитательные задачи, политическая дѣятельность получить то громадное плодотворное значеніе, которое она только можетъ пріобрѣсти. Истинная политическая наука, разорвавшая связь со всякими политическими иллюзіями, какъ бы привлекательными онъ ни представлялся, и должна намъ указать и освѣтить пути этой новой политической дѣятельности.

Сознаніе тѣсной связи между политикой и педагогикой, съ другой стороны, проникаетъ и въ самую педагогику. И здѣсь все болѣе прокладываетъ себѣ място тотъ взглядъ, что исключительно только индивидуалистическая точка зрѣнія въ области воспитанія имѣеть свою ограниченную цѣнность и должна быть въ концѣ-концовъ преодолѣна. Педагогика имѣеть тенденцію все болѣе рѣшительнымъ образомъ стать соціальной педагогикой и все въ большей и большей

мѣрѣ проникается общественными элементами. „Понятіе соціальной педагогики“, говорить одинъ изъ видныхъ ея проповѣстниковъ П. Наторпъ, „выражаетъ принципіальное признаніе того факта, что, какъ воспитаніе индивидуума во всѣхъ существенныхъ направленіяхъ обусловлено соціально, такъ, съ другой стороны, и преобразованіе соціальной жизни въ смыслѣ большей человѣчности основнымъ образомъ зависитъ отъ соответствующаго ему воспитанія тѣхъ индивидуумовъ, которые должны въ немъ принимать участіе“<sup>1)</sup>.

Но, становясь соціальной, педагогика не перестанетъ себѣ ставить великую задачу освобожденія ребенка и вообще молодого поколѣнія для свободной творческой работы и жизни. Знамя свободы только еще пышнѣе и горделивѣе будетъ развиваться на ея фронтѣ. Верховною дѣлью педагогической дѣятельности соціальная педагогика, если только она пойдетъ по истинному, а не ложному пути, не перестанетъ ставить раскрѣпощеніе ребенка и вообще молодого поколѣнія путемъ тѣснаго сплетенія ихъ жизни и ихъ развитія съ формами раскрѣпощенной общественной жизни. Она указываетъ только на созданіе раскрѣпощенной общественной среды, какъ на то великое условіе, которое только и дасть возможность каждой личности путемъ самовоспитанія стать личностью въ истинномъ смыслѣ этого слова — свободной, сознательной, самостоятельной, самобытной и вмѣстѣ съ этимъ наиболѣе глубоко и интенсивно чувствующей свое родство съ человѣчествомъ и въ освобожденіи всего человѣчества для безпрепятственного и плодотворного осуществленія той этической, педагогической и соціальной задачи, которая выпадаетъ на его долю, видящей высшую задачу своей собственной жизни. Путь общественной солидарности, путь тѣсныхъ интимныхъ общественныхъ связей, на великую роль и значеніе котораго въ дѣлѣ воспитанія указываетъ соціальная педагогика, будетъ также и великимъ путемъ къ свободѣ, къ той свободѣ, которая освободить личность отъ тяжелаго груза лежащихъ на ней внутреннихъ

<sup>1)</sup> Paul Natorp. Sozialpädagogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft. Stuttgart, 1899, стр. 79.

и вънѣшнихъ цѣпей и дастъ возможность пышно и богато развернуться индивидуальной жизни во всей ея могучей красотѣ, обеспечить ея непринужденный и ничѣмъ не стѣсняемый ростъ къ формамъ высшаго существованія. И соціальная педагогика не боится этого могучаго роста великаго дерева индивидуальной жизни, потому что ясно и отчетливо сознаетъ, что въ то время, какъ это дерево вырастаетъ только на почвѣ истинной солидарной общественной жизни, такъ и ростъ его ведеть только къ развитію, укрѣплению и расширенію истинныхъ формъ идеальной общественности, къ созданію тѣхъ высшихъ формъ соціальной связи, соціального общенія, соціальной гармоніи, расширенной на все человѣчество, о которыхъ современный человѣкъ имѣеть только смутное предчувствіе.

На каждого взрослого сознательного человѣка нашего времени, ставшаго твердо и крѣпко на свои собственные ноги, ложатся три великія задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ долженъ работать всю свою жизнь въ тѣсномъ солидарномъ союзѣ съ другими людьми. Освобожденіе ребенка или молодого поколѣнія, освобожденіе самого себя и освобожденіе общества--вотъ эти три великія задачи. И всѣ эти три задачи находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ и всѣ эти три задачи могутъ быть разрѣшены только одновременно, потому что разрѣшеніе каждой изъ нихъ предполагаетъ разрѣшеніе остальныхъ. Освободить ребенка можетъ только свободный взрослый человѣкъ и свободное общество. Пока взрослый человѣкъ—рабъ въ духовомъ, нравственномъ отношеніи и пока не существуетъ свободного общества, а есть общество принудительное, общество насильственное въ его разнообразныхъ видахъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть свободенъ и ребенокъ. Ребенокъ не можетъ быть освобожденъ безъ посторонней помощи, но тѣ, кто его должны освободить, находятся въ цѣпяхъ. Какъ рабъ можетъ помочь другому сдѣлаться свободнымъ? Но, съ другой стороны, и взрослый человѣкъ и общество не стануть свободными въ истинномъ смыслѣ этого слова ранѣе того времени, когда будетъ достигнуто освобожденіе ребенка. Изъ ребенка, воспитаннаго подъ игомъ принужденія и насилия,

какія бы скрытыя формы оно ни носило, можетъ выйти только рабъ, а общество, въ которомъ преобладающимъ элементомъ являются рабы, не можетъ быть свободнымъ обществомъ. Гдѣ же выходъ изъ этого заколдованныго круга? Выходъ только одинъ, выходъ въ томъ, чтобы всѣ три поставленные задачи разрѣшать одновременно. Взрослое поколѣніе должно работать надъ своимъ нравственнымъ самоосвобожденіемъ и одновременно съ этимъ надъ освобожденіемъ молодого поколѣнія и надъ освобожденіемъ общества. Оно должно слить всѣ эти три работы въ одной гармонической работе, и въ какой мѣрѣ это ему удастся, въ такой мѣрѣ ему удастся достигнуть и практическаго разрѣшенія тѣхъ проблемъ, надъ теоретическимъ разрѣшеніемъ которыхъ работаютъ этика, педагогика и политика.

Симптомы, указывающіе на то, что упомянутыя выше задачи, стоящія передъ каждою сознательною личностью, начинаютъ сливаться и въ скоромъ времени будутъ слиты тѣсно и неразрывно другъ съ другомъ, мы видимъ въ нарожденіи соціальной педагогики и соціально-педагогическихъ стремленій. Эти соціально-педагогическія стремленія, вдохновляемыя высшимъ этическимъ идеаломъ, эта соціальная педагогика, стоящая въ тѣсной и неразрывной связи съ истинной научной этикой, служатъ намъ ручательствомъ того, что недалеко то время когда человѣку удастся устранить конфликты между этической, педагогической и политической дѣятельностью и слить ихъ въ одну гармоническую, чуждую всякихъ противорѣчій, единую и нераздѣльную дѣятельность.

## ОГЛАВЛЕНИЕ I-го тома.

	Стр.
Предисловіе . . . . .	1
<b>I. Мораль жизни и свободного идеала . . . . .</b>	<b>18—102</b>
1. Образъ жизни человѣчества, какъ опредѣляющій факторъ въ построеніи системъ нравственности. . . . .	18
2. Необходимость дать мѣсто въ области морали на ряду съ наукой свободной метафизической ги- потезы. . . . .	29
3. Общія основанія „морали жизни“ Гюйо . . . . .	32
4. Принципъ „плодородія жизни“ у Гюйо . . . . .	37
5. Эквиваленты нравственной обязанности въ теоріи морали Гюйо . . . . .	41
6. Вопросъ о самоотверженіи въ теоріи морали Гюйо. . . . .	45
7. Роль свободной метафизической гипотезы въ обла- сти нравственности согласно Гюйо. . . . .	51
8. Индивидуалистический характеръ теоріи морали Гюйо. Необходимость восполнить ее болѣеши- рокой точкой зрењія . . . . .	57
9. Имѣеть ли развитіе разума тенденцію къ уничто- женію нравственныхъ стремленій? . . . . .	67
10. Роль инстинкта и разума въ области нравствен- ности. Нравственность органическая и нравствен- ность свободная, сознательная. . . . .	72
11. Расширение теоріи Гюйо о плодородіи жизни. . . . .	82
12. Дополненія, которыхъ требуютъ установленные Гюйо эквиваленты нравственной обязанности. . . . .	88
13. Дополненія, которыхъ требуетъ теорія Гюйо по во- просу о самоотверженіи . . . . .	94
<b>II. Формула развитія жизни. . . . .</b>	<b>103—243</b>
Вступленіе. . . . .	103
1. Критика теоріи эволюціи Герберта Спенсера . . . . .	107
2. Формула развитія Фехнера-Петцольдта и кри- тика ея . . . . .	129
3. Теорія эволюціи идей—силь Альфреда Фулье . . . . .	150

Стр.

4. Значеніе внутренняго опыта въ области познанія. . . . .	160
5. Что слѣдуетъ понимать подъ точкой зре́нія цѣль- наго чистаго опыта жизни? . . . . .	173
6. Формула развитія съ точки зре́нія внутренняго опыта. . . . .	185
7. Формула развитія съ точки зре́нія ви́шняго опыта. . . . .	209
8. Синтезъ полученныхъ результатовъ. . . . .	219
<b>III. О высшемъ принципѣ нравственности . . . . .</b>	<b>244—317</b>
1. Природа воли, понятіе цѣли, естественныій про- цессъ развитія воли. Какъ отсюда выводится принципъ гармоніи цѣлей? . . . . .	244
2. Психологіческія условія, дѣлающія возможнымъ нравственное поведеніе. Отношеніе между исти- ной, красотой и нравственностью . . . . .	263
3. Что является основаніемъ для нравственной оценки? . . . . .	281
4. Отношеніе „этики гармоніи цѣлей“ къ гедонизму, утилитаризму, морали благополучія, этикѣ кате- горическаго императива, эволюціонной этикѣ и „морали жизни“ Гюйо . . . . .	286
5. Расширеніе системы цѣлей, какъ процессъ, необхо- димо обусловливаемый природой самой воли . .	312
<b>IV. Общій очеркъ ученія о нравственности . . . . .</b>	<b>318—369</b>
1. Краткій обзоръ результатовъ, полученныхъ въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности“. . . . .	318
2. Ученіе о цѣляхъ жизни . . . . .	322
3. Ученіе о добродѣтеляхъ . . . . .	329
4. Ученіе о нравственныхъ благахъ. . . . .	343
5. О мотивахъ нравственныхъ дѣйствій . . . . .	348
6. О препятствіяхъ на пути къ осуществленію прин- ципа гармоніи цѣлей . . . . .	356
7. Индивидуализація, какъ одна изъ характерныхъ черть нравственнаго развитія. Заключеніе . .	365
<b>V. Гармонія и нравственная свобода. . . . .</b>	<b>370—388</b>
1. Основныя черты нравственного идеала . . . . .	370
2. Принципъ гармоніи . . . . .	372
3. Принципъ свободы. . . . .	375
4. Взаимная обусловленность обоихъ принциповъ .	380

## ОГЛАВЛЕНИЕ II-го тома.

*Стр.*

<b>I. Основные задачи нравственного воспитания . . . .</b>	389—436
1. Краткое определение понятия нравственности. Вытекающая изъ этого определения общая задача нравственного воспитания . . . . .	389
2. Развитие творческой воли въ ребенкѣ . . . . .	394
3. Классификация цѣлей человѣческой жизни . . . .	406
4. Развитие чувства нравственной любви . . . . .	422
5. Значеніе эмоциональной и волевой сторонъ нашей психической жизни въ развитіи чувства нравственной любви. . . . .	429
<b>II. Нужно ли обучать дѣтей нравственности? . . . .</b>	437—446
<b>III. Среда какъ факторъ нравственного воспитания . . . .</b>	447—538
Вступленіе . . . . .	447
1. Важное значеніе внѣшнихъ впечатлѣній въ виду вліянія, оказываемаго ими на волю . . . . .	450
2. Что слѣдуетъ понимать подъ средою . . . . .	452
3. Характеристика процесса нравственного развитія личности. . . . .	454
4. Характерные особенности воли какъ психологического факта. . . . .	468
5. Значеніе среды въ процессѣ развитія воли. Значеніе природы въ процессѣ расширенія цѣлей, ставимыхъ человѣческою волею. . . . .	478
6. Психическое взаимодѣйствіе и тѣ результаты, къ которымъ оно приводить . . . . .	491
7. Характеристика среды, наиболѣе благопріятной для нравственного развитія ребенка . . . . .	509
8. Задачи, стоящія передъ воспитателемъ въ виду факта вліянія среды на нравственное развитіе ребенка. Связь педагогики съ соціологіей . . .	529
<b>IV. Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи . .</b>	539—565
<b>V. Нравственное воспитаніе и свобода . . . . .</b>	566—572

<b>VI. Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи . . . . .</b>	573—611
Вступленіе . . . . .	573
1. Оцѣнка принципа авторитета съ этической точки зрењія . . . . .	575
2. Оцѣнка принципа авторитета съ философской точки зрењія . . . . .	579
3. Оцѣнка принципа авторитета съ соціологической точки зрењія . . . . .	586
4. Нормальная отношенія дѣтей и воспитателей . . . . .	593
<b>VII. Въ чемъ основа воспитанія и образованія (По поводу статьи Л. Н. Толстого „О воспитаніи“) . . . . .</b>	612—631
<b>VIII. Этика, педагогика и политика . . . . .</b>	632—662
Вступленіе . . . . .	632
1. Общая характеристика нравственной дѣятельности. Основная проблема этики . . . . .	633
2. Общая характеристика педагогической дѣятельности. Основная проблема педагогики . . . . .	640
3. Общая характеристика политической дѣятельности. Основная проблема политики . . . . .	645
4. Взаимное отношеніе, существующее между этической, педагогической и политической дѣятельностями . . . . .	653

# Замѣченныя опечатки.

## Въ I-мъ томѣ:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
4	13 сверху	увлеченій	у влеченій
23	16 снизу	беспрестанныхъ	безпрестанныхъ
45	1 „	раза	взгляда
105	14 „	принципа, жизни	принципа жизни
114	12 сверху	олько	только
213	2 снизу	9. T. Fechner	G. T. Fechner
256	15 „	увлеченій	у влеченій
280	19 „	въ которой	которой
288	12 „	отдѣльной, личности	отдѣльной личности
311	13 „	ни менѣе какъ,	ни менѣе, какъ
321	1 сверху	назшими	низшими
323	18 снизу	но какъ	но, какъ
328	6 „	лежащихся	ложащихся
332	13 „	образомъ	образомъ
382	11 „	міромъ между	міромъ, между

## Во II-мъ томѣ:

397	14 сверху	критикѣ, въ	критикѣ, а въ
413	17 „	психической	психологической
430	3 „	отчетъ, въ томъ	отчетъ въ томъ
452	4 „	имѣемъ	имѣеть
462	15 снизу	жизни	жизни,
478	18 сверху	наоборотъ	наоборотъ,
483	6 „	имѣютъ	имѣютъ,
504	1 снизу	вж. тьизни	въ жизни
509	19 сверху	обусловливаютъ	обусловливаютъ
518	16 снизу	первобытныя	первобытные
556	13 „	потчи	почти
589	13 „	которому какъ	которому, какъ
634	12 „	наиболѣе	наибольшую
636	3 „	рхаак-	харак-
649	13 сверху	основной	основой
657	4 „	неоткрытую	неоткрытую,